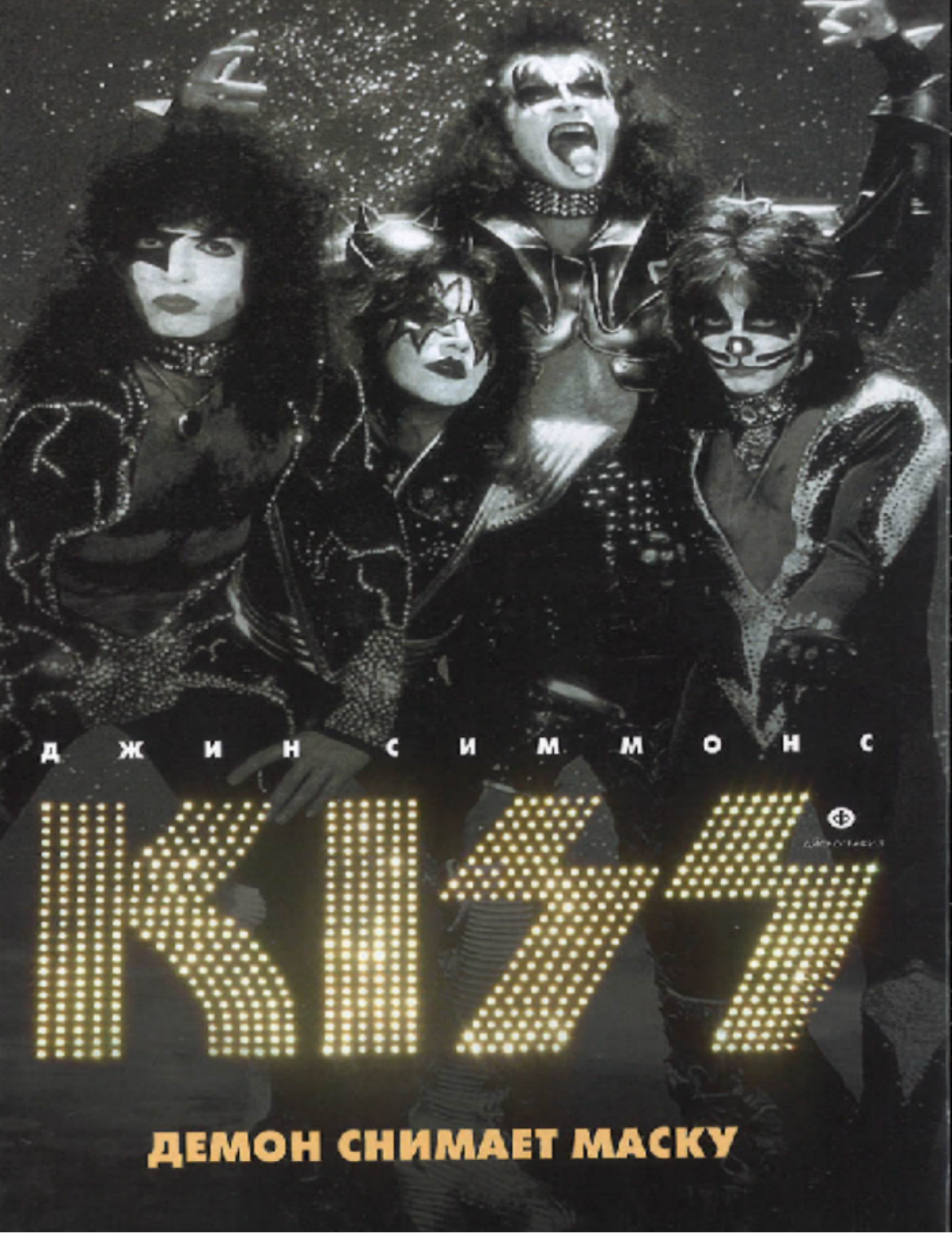
Д Ж И Н С И М М О Н С
KISS
ДЕМОН СНИМАЕТ МАСКУ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Основатель одной из самых известных рок-групп в мире рассказывает ее историю — с неожиданным юмором и человеческой теплотой, которую трудно предположить в огнедышащем Демоне.

-
- 1. Большие надежды: Израиль 1949-1958
- 2. «Rocke Ride», или Космический полет: Приезд в Америку 1958-1963
- 3. «Crazy Crazy Nights», или Безумные, безумные ночи: Битлы и шестидесятые 1964-1969
- 4. «Flaming Youth», или Пламенная юность: Университетские годы 1970-1972
- 5. «Le Me Go, Rock'N'Roll», или Пустите меня в рок-н-ролл: Тяжелые времена в Нью-Йорке 1972-1973
- 6. «Nothin' o Lose», или Нечего терять: Рождение KISS 1973-1974
- 7. «Shou It Ou Loud», или Кричи громче: На пути и на взлете 1974-1975
- 8. «Rock and Roll All Nite», или Рок-н-ролл ночь напролет: Альбомы «Alive!» и «Destroyer» 1975-1976
- 9. «I'm a Legend onight», или Сегодня я легенда: Альбом «Love Gun» 1976-1977
- 10. «Then She Kissed Me», или И тут она меня поцеловала: Жизнь с Шер 1978
- 11. «Dirty Livin'», или Тяжкая жизнь: Альбомы «Dynasty» и «Unmasked» 1979-1980
- 12. «Jus a Boy», или Новичок среди «стариков» 1980-1982
- 13. «All Hell's Breaking Loose», или Разверзшийся ад: «Lick I Up» и моя карьера кинозвезды 1983-1984
- 14. «Trial by Fire», или Крещение огнем: Смерть в семье KISS 1985-1993
- 15. «Reason o Live», или Причина жить: Лицом к лицу с армией KISS 1993-1995
- 16. «Forever», или Навсегда: Воссоединения и прощания 1996-2001
- 17. «God of hunder», или Бог грома: Создание « Destroyer» 1976
- Избранная дискография
- comments
  - 1

○ 2
○ 3
○ 4
○ 5
○ 6
○ 7
○ 8
○ 9

Джин Симмонс
KISS. Демон снимает маску
Издательство благодарит издательство Crown Publishers, подразделение Random House, Inc и литературное агентство Synopsis за содействие в приобретении прав

Моей матери, давшей мне жизнь и научившей стремиться ввысь Шеннон, Николасу и Софи, благодаря которым я научился любить кого-то кроме себя

Уже СОВСЕМ СКОРО, сразу после того как на нью-йоркском стадионе «Ши» прогремят финальные аккорды «Rock and Roll All Nite», я заберу свою бас-гитару и уйду со сцены. После двадцати девяти лет бурной славы — лет, отмеченных самыми высокими взлетами и самыми сокрушительными падениями, — США в последний раз увидят KISS на сцене. Америка была нашим домом. Это был наш народ. И играть последний концерт будет, по меньшей мере, и сладко и горько.

Тридцать лет назад KISS не было. Был только Джин Симмонс, жаждущий славы рок-музыкант в Нью-Йорке. За десять лет до того не было и Джина Симмонса, а был только Джин Кляйн — еврейский паренек, живший в нью-йоркском районе Квинс со своей матерью-одиночкой. А еще десятью годами ранее не было и Джина Кляйна, а был только Хаим Витц — бедный мальчик, растущий в израильском городе Хайфа. Конечно, все эти люди — я; и я — все эти люди. Я родился в Израиле; я видел, как меняется мир вокруг меня, когда мы с матерью приехали в Америку, а затем начал меняться и сам, сначала сменив имя, а потом и лицо.

Взяв в руки бас-гитару, я словно преобразился. Загримировавшись, я преобразился еще больше. Но самое сильное преображение произошло тогда, когда я вышел на сцену. При этом не удалось помочь группе KISS взойти на вершину рок-н-ролла: в конце концов, нам суждено было встать сразу за Beatles по количеству золотых пластинок, проданных музыкальной группой за всю историю.

Главное действующее лицо моей биографии — я. Но ход моей жизни определили и многочисленные второстепенные персонажи. Прежде всего, это женщина, давшая мне жизнь, — моя мать, испытавшая невыразимые ужасы в нацистских концентрационных лагерях и собравшая все свои невероятные силы, чтобы выжить и даже добиться успеха. Это мои товарищи по группе, моя вторая семья: Пол Стэнли стал мне родным братом, которого у меня никогда не было, а Эйс Фрэйли, Питер Крисс, Эрик Карр, Эрик Зингер, Брюс Кулик и другие помогли мне создать и удержать на плаву KISS (хотя порой изо всех сил старались избавиться оттого, что создали и пытались сохранить мы с Полом). И наконец, что не менее важно, а может, и важнее всего: это прекрасная, несравненная Шеннон Твид и двое детей, чьими родителями мы так счастливы быть, Николас и Софи.

Принявшись за свою биографию, я стал продумывать ее через призму тех книг, которые я читал. И чем больше я об этом думал, тем четче осознавал, что моя история — это история о власти и погоне за нею. Я постоянно читал все, что только мог достать, и особенно те книги, которые учили меня новому: религии, философии, истории, социальным наукам и тому подобное. Есть тысячи книг, начиная с «Африканского генезиса»*{1} и заканчивая «Миром, освещенным лишь огнем»**{2}, повествующих о постоянном поиске власти человеком. В конечном итоге кажется, что все конфликты сосредоточены вокруг власти: вокруг того, у кого эта власть есть и кто ее жаждет. Инстинктивно я очень рано осознал, что хочу именно власти. Слава и богатство — это хорошо, но можно иметь и то и другое и при этом оставаться никем. Власть — это то, чего я жаждал с самого первого мгновения, когда моя нога ступила на американскую землю. Пусть надо, мной смеялись, потому что я не знал английского или потому что был евреем, но на самом деле истинная причина заключалась в том, что у меня не было власти.

Кто-то, возможно Макиавелли, однажды сказал: пусть лучше тебя боятся, чем любят. Я это хорошо понимаю. Любовь неуловима. У любви свои потребности. Нужно уметь отдавать.

Нужно заботиться о счастье другого. А власть — это более четкая идея, более чистое понятие. Я хочу, чтобы в ресторане меня сразу обслуживали. Я хочу, чтобы женщины меня хотели, и вовсе не потому, что я их хочу. Женщины это очень хорошо понимают. Женщина стремится выглядеть как можно привлекательнее, и делает это с помощью макияжа, одежды, духов, потому что ей необходимо, чтобы ее желали все мужчины, хотя ей эти мужчины могут быть вообще неинтересны. Понимаю, что говорю здесь общими фразами, но я отвечаю за свои слова.

Вероятно, отчасти я так стремился к власти ради того, чтобы меня больше не дразнили. Приехав в Америку, я почувствовал себя чужаком в чужой стране. Книга Роберта Хайнлайна тронула меня, как никакая другая*{3}. Это была история про меня. Я выделялся, потому что был другим, потому что плохо говорил по-английски, потому что был одинок. И тогда я решил, что мне никто не нужен и что я могу рассчитывать только на себя. Если я чего-то не сделаю и не добьюсь сам, мне никто этого не даст.

История группы KISS и Джина Симмонса — это повествование об амбициях и об удаче, об осуществлении невероятной мечты мальчика-иммигранта. Но еще это история величайшей рок-группы в мире, — а значит, в ней много секса, наркотиков и рок-н-ролла. Правда, никакие наркотики себе в заслугу я поставить не могу: я трезвенник, никогда не напивался, ни разу в жизни. А секс? Большую часть своей взрослой жизни я избегал отношений, хотя девушек было полно. Больше чем полно. В какой-то момент я начал хранить полароидные снимки своих подружек, чтобы хоть как-то их запомнить. По-своему я любил каждую из них. Но когда все заканчивалось — все заканчивалось. Ни забот, ни хлопот. Никакой агонии. На сегодняшний день у меня было около 4 600 женщин. И должен сказать, все они чудесные, и каждая из них по-своему обогатила мою жизнь. Еда казалась мне вкуснее. Я насвистывал и напевал. Я жил.

Не знаю как, но, несмотря на все мои сумасшедшие связи, несмотря на одно только их количество, мне удалось стать преданным отцом. Если вам это кажется странным, представьте, каким странным это кажется мне. Мой отец ушел от нас с матерью, когда я был еще ребенком, и я вырос в уверенности, что никогда не заведу детей. Отчасти потому, что я помнил, Как это больно, когда тебя бросают, а отчасти потому, что я жил в страхе, что могу повторить ошибки своего отца. А потом я встретил девушку по имени Шеннон Твид. Не успев и глазом моргнуть, я уже держал на руках сына в роддоме и не хотел отдавать его врачам. Как во мне уживаются донжуан и семьянин? Так же, как уживаются робкий мальчик-иммигрант с Демоном в коже и

заклепках, дышащим огнем на сцене. В любой личности есть свои противоречия, а в великой личности — великие противоречия.

Я всю жизнь жил для себя. Я не боюсь в этом признаться. Но еще я жил для фанатов: для верных солдат армии KISS, тех, что прошли с нами через огонь и воду, через меняющуюся моду, тех, что не боялись ни пробок, ни плохой погоды, чтобы прийти на концерт и позволить нам развлечь их. Когда я только сел за эту книгу, я разрывался, не зная, рассказывать ли фанатам всю правду об их любимой группе: о внутренних дрязгах и расколах, о личностных расстройствах и конфликтах. Я разрывался, потому что боялся, что правда может разрушить представление людей об их героях. И что бы ни говорили о группе KISS, она прежде всего всегда ассоциировалась с героями, с магией, с верой в нее и с исполнением надежд. Вы, фанаты, всегда были достойны только самого лучшего. Это одна из причин, почему каждый концерт мы начинали словами: «You wanted he best, you go he best. he ho es band in he world, KISS» («Вы хотели лучшее, вы получили лучшее. Самая популярная группа в мире, KISS»). В болезни и здравии — хотели мы того или нет — мы верили, что у нас есть обязательство выйти к вам, излить свое сердце в музыке и отдать вам все, что у нас есть.

Я верю, что когда дети вырастают, они должны узнать всю правду о своих родителях. Те из вас, кто верит в KISS, должны знать правду. Я знаю, что многое из того, что вы прочитаете в этой книге, будет сложно принять. Знаю, что кто-то из фанатов может разозлиться на меня. Знаю, что некоторые участники группы возненавидят меня еще больше и будут утверждать, что каждое слово в этой книге — ложь, несмотря на мои воспоминания, несмотря на документальные доказательства, несмотря на свидетелей, подтверждающих описанные события.

В любом случае, вот вам правда, вся правда, и ничего кроме правды, так что Бог мне в помощь.

1. Большие надежды: Израиль 1949-1958

Я РОДИЛСЯ 25 августа 1949 года в роддоме израильского города Хайфа, раскинувшегося на берегу Средиземного моря. При рождении мне было дано имя Хаим Витц: Хаим на иврите означает «жизнь», а Витц — это фамилия моего отца. Израиль получил независимость всего за год до этого, хотя сто миллионов арабов пытались воспрепятствовать его появлению на карте мира.

Война за независимость Израиля стала следствием другой, более ранней войны — Второй мировой — и ужасающего плана немецких нацистов стереть евреев с лица Европы, а потом и всего мира. Родители моей матери были венгерскими евреями, и ее детство прошло в Венгрии в 1920-1930-е годы. Когда ей было четырнадцать, ее отправили в концлагерь, где она видела, как ее родных уничтожают в газовых камерах. В лагере она стала парикмахером жены коменданта, что спасло ее от многих ужасов, которым подвергались другие евреи. Пережив это страшное время, по окончании войны мама отправилась в Израиль. Думаю, инстинкт выживания у того поколения был так силен, что после лагерей они были уверены, что ничего плохого с ними больше случиться не может, и не боялись уехать в эту новую, незнакомую страну.

Израиль был совсем молодым государством, всего на год старше меня, и его существование все еще оставалось под большим вопросом. Но мне все это было неведомо. Война являлась 14 такой естественной частью моей повседневной жизни, что я не мог отделить ее от других аспектов своего существования. Например, я помню, как мой папа Иехиль (он же Фери) Витц — человек впечатляющего роста, под два метра, — приходил по выходным со своим автоматом и клал его на кухонный стол. Линия фронта пролегала в восьмидесяти километрах, и все — каждый мужчина и почти каждая женщина — служили в армии. Ни для кого не было исключений. Если ты жил здесь, ты служил.

Автомат на столе — одна из немногих вещей, которые я помню об отце, потому что он редко находился рядом. Я

вспоминаю, что он был огромным, сильным человеком с огромной сильной харизмой. На память приходит одна яркая сценка. Как-то у нас завелась мышь, и однажды она пробежала по комнате и забралась под диван, так вот я помню, как отец приподнял диван и, придерживая его сбоку одной рукой, другой рукой попытался прогнать мышь. Я не мог поверить своим глазам. Человек может поднять диван? Я ничего подобного раньше не видел. Это казалось невозможным.

В раннем детстве, где-то в три года, я переболел полиомиелитом. В какой-то моменту меня отказала вся нижняя часть тела. Доктора испугались, что мое состояние может ухудшиться, и отправили меня в больницу. В больнице меня посадили на карантин. Я лежал в полной изоляции, и, когда меня приходили навестить родители, им приходилось разговаривать со мной через закрытое окно. Почему-то уже в таком раннем возрасте я остро чувствовал, что такое хорошо и что плохо, и знал, что ходить в кровать под себя — это плохо. Мать рано приучила меня к горшку. Она показала мне туалет и объяснила, зачем он нужен. В то время в Израиле еще не было памперсов, и я быстро усвоил, что кровать — для сна, а туалет — для других дел. Это было совершенно ясно. В больнице, в палате, мне приходилось вставать с кровати и идти в уборную. Я капризничал, плакал и снова капризничал. Я знал, что мне нужно дойти до туалета. Я знал, что любое другое решение этой проблемы будет неверным. Но медсестры не приходили, и мне как-то удавалось вылезти из детской кроватки и сходить на пол, держась за край кроватки. Потом приходила медсестра. Когда мне требовалась помощь, медсестру было не дозваться, но как только на полу появлялись какашки, она сразу же приходила и начинала орать на меня, не понимая, почему я вылез из кроватки. И тут же врывалась моя мать и начинала кричать на медсестру за то, что та мне не помогла. «А вы что от него хотели? — говорила она. — Чтобы он под себя ходил? Он хороший мальчик. Он все понимает». В ее глазах я все делал правильно.

Я всегда оставался одиночкой, хотя у меня и были друзья. Я проводил время в одиночестве, наблюдая, познавая мир вокруг себя. К примеру, я был в восторге от жуков. В Израиле водились такие огромные ветхозаветные жуки. Местные американские жуки с ними не сравнятся. Те израильские жуки достигали размеров маленьких динозавров, сантиметров пять в длину. Они были яркие и красивые. Они выглядели как драгоценные камни. Мне нравилось привязывать им ниточку вокруг шеи и сажать их в спичечные коробки с сахаром. Жуки жили там, а когда я открывал коробок, кружили в воздухе, все еще привязанные к моей нитке.

Когда я подрос, я перестал быть одиночкой. Наоборот, мне стало нравиться красоваться перед другими детьми и привлекать внимание. Так из ребенка — охотника за жуками, разрешающего им летать на привязи, — я превратился в ребенка, который мог отправить жука погулять у себя во рту. Других детей поражали мои фокусы. Они считали их и отвратительными, и смелыми. А самое главное, они не могли отвести глаз.

Хотя я и родился в Хайфе, моя семья жила в соседней деревеньке Тират-Хакармель, названной в честь библейской горы

Кармель. Так вот, я помню, как ребенком я забирался на ту гору, которая скорее походит на холм, вроде холмов в Южной Калифорнии. Помню, как в детстве я поднимался на эту гору и собирал плоды кактуса, а потом спускался вниз и продавал эти плоды в автопарке за *пол-прута,* это где-то полпенни. (Внутри плоды кактуса сладкие и сочные, но снаружи покрыты колючками. На иврите они называются *сабра,* и этим же словом называют и самих израильтян, потому что они колючие снаружи, но добрые внутри.)

Жизнь в Израиле среди других *сабра* была необычной, и особенно школьная жизнь, потому что на уроках нас потчевали причудливой смесью истории, религии и политики. Только представьте: в классе нам рассказывали о старинной книге, называемой Библия, и говорили, что все события, описанные в ней, — если честно, невероятные события, — действительно происходили в той стране, где мы живем. Эту идею сложно было переварить и понять. Ведь нам показывали целую книгу, повествующую о создании жизни, об Аврааме, Исааке, Иакове, о потопе, об Исходе. А потом говорили: «Здесь-то все и произошло. Здесь, где вы живете». Это было непросто осознать.

В то же время, в Израиле я не так четко осознавал свое еврейство, потому что почти все были такие же, как я. Ясно, что по улицам ходили и арабы, были и христиане, но я на это не обращал внимания. Я знал только, что я израильтянин. Вы можете подумать, что моя мать, только прошедшая войну и концлагеря, зациклилась на пережитом, но это не так. Ей слишком больно было говорить об этом. Она никогда не обсуждала лагеря и редко рассказывала о своем детстве в Венгрии. Все, о чем она говорила, да и то крайне редко, так это о том, что мир огромен и есть как хорошие люди, так и плохие. Я не перестаю восхищаться ее самообладанием. Оно доказывает, что моя мать с точки зрения этики, морали и всего остального гораздо лучше меня. Все это время она сохраняла и до сих пор сохраняет непреходящую веру в человечество. Она всегда верила, что мир — хорошее место и добро в большинстве случаев

побеждает зло. Не уверен, что я разделял бы ее точку зрения, если бы прошел через то, что пережила она.

В детстве мы не понимаем, что люди делятся на расы, нации, религии. Единственное, что я знал об округе, — это то, что там говорят на разных языках. Некоторые евреи в Израиле говорили на иврите. Кто-то говорил на идише — европейском языке, похожем на смесь иврита и немецкого. В моем доме самым главным языком был венгерский, потому что мама практически не говорила на иврите. А позже, когда она начала работать, в доме зазвучали турецкий и испанский, потому что моя нянька была турчанкой, а наши соседи происходили из Испании. В раннем возрасте я мог говорить на иврите, а также венгерском, турецком и испанском языках.

Я понятия не имел об Америке и остальном мире. Но я помню, как мама сводила меня в кино. Мне, кажется, было четыре. Я впервые имел дело с выдуманной реальностью. До этого я никогда не смотрел телевизор, да и радио слушал очень редко. Когда мы пошли в кино, нам не хватало денег на билет, поэтому мама держала меня на коленках снаружи кинотеатра, и мы смотрели фильм, который проецировался на большой экран под открытым небом. Потрясающее зрелище. Я смотрел с замиранием сердца. Позднее я узнал, что это была «Сломанная стрела» с Джимми Стюартом и Джеффом Чандлером. Но все, что я видел тогда, — это огромные картинки ковбоев и индейцев и мифического Дикого Запада с его разбойниками и героями. Ковбои стали первыми супергероями в моих глазах, первыми персонажами, которые обладали превосходством и над жизнью, и над людьми. Но каким бы значимым мне все это ни казалось позже — сама концепция героев и магия кино, — самое глубокое впечатление на меня произвело звучание американского акцента английского языка. Наверное, я тогда впервые услышал английский, и он показался мне забавным. Именно такие языки мы, израильские дети, любили передразнивать. Для моих ушей американский язык имел свое звучание, с кучей длинных «и» и мягких «р». В иврите таких звуков не было. Я изобрел собственный поддельный английский, и мне нравилось, как он звучит. С самого начала было ясно, что мать с отцом разойдутся. В корне неудачного брака моих родителей лежал простой конфликт. Моя мать Флора была необычайно красивой молодой женщиной. Она выглядела, как настоящая кинозвезда, как Ава Гарднер. В европейской деревеньке, откуда они были родом, — Янд в Венгрии — она считалась завидной невестой, но не настолько завидной, чтобы быть ровней моему отцу. Его очень ценили за то, что он был самым высоким в деревне — метр

девяносто пять, а то и все два метра, хотя в моих воспоминаниях он еще выше. Мне он видится великаном ростом два метра пять сантиметров. Хотя на иврите его имя Иехиль, по-венгерски его называли Фери. Когда мама с папой познакомились и поженились, они были молоды, им только исполнилось двадцать, и за первые несколько лет брака моя мать постепенно осознала, что мой отец не сможет позаботиться о ней должным образом. Почему-то он никогда не мог свести концы с концами. Ему никогда не удавалось добиться успеха. Он был не прагматиком, а скорее романтиком. А для плотника быть романтиком — все равно что быть безработным. Он мастерил мебель, которая не нравилась никому, кроме него самого, и с изумлением обнаруживал, что не может ее продать. Но для отца важнее всего было заниматься любимым делом. Помню, как он собственными руками сделал мне самокат. Такой, который надо толкать, с колесиками и маленькой платформой. Отец мне его подарил на день рождения. Меня всегда впечатляло, сколько он может сделать своими руками, и я уверен, что мама была счастлива, что он дает выход своей творческой энергии. Но в какой-то момент начинаешь думать и о практических нуждах: например, как заработать денег. Отец не знал ответа, а мама постоянно задавала этот вопрос, и они все время ссорились.

Даже если бы мы жили в безопасной стране с развитым средним классом, они бы наверняка все равно ссорились, но мы находились на краю новой границы, в новом государстве, с новыми соседями, новыми языками и новыми правилами. Поэтому беспокойство моей матери все возрастало. То ли из-за ее давления, то ли из-за проблем отца с самооценкой, но их ссоры иногда доходили до физического насилия. Не до жутких побоев, и вовсе не односторонних: помню, как периодически они оба начинали толкать друг друга. Однажды во время их ссоры — мне было года четыре — я прыгнул отцу на ногу и начал бить его по колену. Даже не знаю, серьезная ли это была ссора, но я просто пытался защитить мою мать.

Ситуация не улучшалась, становилось только хуже. Отец уехал из Хайфы в Тель-Авив, надеясь найти работу и побыть вдали от мамы. Когда он уехал, мать начала работать в кофейне под названием «Кафе Нитца». Я это место никогда не забуду, потому что на его вывеске красовалась огромная, толстая, счастливая чернокожая женщина, попивающая кофе. Думаю, до того момента я еще никогда не видел ни одного черного лица. Она была такой огромной и такой счастливой, эта мамаша на вывеске. Помню, как ребенком я пришел проведать маму и получил свою первую чашку кофе и булочку с маком. Кофеин

подействовал на меня с необычайной силой — я думал, что потеряю сознание. Все вокруг стало нереальным, скорость происходящего изменилась, и мне казалось, я не могу связать двух слов.

Мама любила работать. Это повышало ее самооценку, и она была очень дисциплинированной и усердной. Но сохранить брак она тоже хотела. Однажды она сказала мне, что мы поедем навестить отца. Мы отправились в Тель-Авив, где какое-то время безуспешно искали его. Отца не было там, где он должен был быть. Не было его и там, где его ожидала найти моя мать. Тогда мы пошли в кино. Вероятно, мама думала, что встретит его там. А может, она просто хотела ненадолго отвлечься. Но в холле я действительно увидел отца. Он стоял на лестнице с какой-то блондинкой. Я повернулся к маме и сказал: «Вон отец с какой-то блондинкой». Тогда я и не подумал о ревности, мне это даже в голову не пришло. Происходящее казалось мне игрой: мы искали отца, и я выиграл, потому что увидел его на лестнице с этой блондинкой. Но мама восприняла все иначе. Мы пошли к отцу домой — она где-то достала запасной ключ, — и мама начала обыскивать его карманы и нашла презервативы. Мы вернулись в Хайфу и стали жить вдвоем. Отец больше не появлялся. Не знаю, пыталась ли мама с ним связаться, она до сих пор отказывается об этом говорить. Что касается меня, это был конец. Последнее, что я помню об отце, — это как он стоял на лестнице с другой женщиной.

Когда мы остались вдвоем, я и мама, она посвятила себя моему воспитанию. Пару раз она ходила на свидания с какими-то мужчинами и всегда старалась наилучшим образом объяснить мне, что происходит. Я не очень хорошо на это реагировал — наверное, боялся, что она может полюбить кого-то сильнее, чем меня. Я стал ревнивым и ясно давал матери понять, что третий нам не нужен. Так или иначе, это сработало, и у мамы никого не было, пока мне не исполнилось восемнадцать или девятнадцать.

Вскоре после разрыва родителей мы с мамой переехали из Тират-Хакармель в Ваде-Джамаль, другой городок в окрестностях

Хайфы. В то время мне исполнилось пять или шесть, и я начинал понимать, в какой стране я живу. Изначально это была бедная страна, пытавшаяся найти **свою** дорогу. Еда в Израиле выдавалась по талонам, **мясо** появлялось раз в неделю. Даже молоко нельзя **было** просто пойти и купить, на него требовался талон. Каких-то предметов быта у нас просто не было. Я ни разу не видел туалетной бумаги или бумажных платочков. Мы подтирались тряпками, которые потом стирали. О душе никто и не слыхал. Я купался в металлической ванне, мама грела воду на

плите, а потом наливала ее, кастрюля за кастрюлей, в ванну, пока та не наполнялась.

Несмотря на это, я практически не осознавал, что такое бедность и богатство. Все стены в нашей квартире были усеяны дырками от пуль, так как за три года до этого арабы и евреи вели на улицах войну за независимость. Но я не замечал дыр от пуль. Так выглядело обычное здание. Я помню один случай: время от времени мама накапливала денег, чтобы испечь «бабку», сдобный пирог. Когда она делала глазурь для пирога, мне было дозволено обмакнуть палец в форму с тестом и попробовать, что получилось. Помню, как я испугался, увидев в середине формы огромную дырку. Я постеснялся сказать о ней маме, потому что подумал, что она только расстроится. Но когда я однажды решился рассказать об этом, она засмеялась, потому что, оказывается, «бабку» пекут в специальной форме с дыркой посередине. А я думал, это просто испорченная кастрюля и очередной признак нашей бедности.

Я был единственным ребенком своей матери. У нее не было ни других детей, ни мужа. Поэтому она яростно защищала меня. Мы были одной командой, и она старалась не только правильно меня воспитать, но и позаботиться о том, чтобы другие относились ко мне с уважением. Одни из самых ярких моих воспоминаний — о том, как мать защищала меня, причем делала это с большим чувством. Видимо, так она показывала всему свету, что дорожит своим сыном и ожидает того же от остальных.

У мамы были огромные высокие сапоги, вроде тех, что носят сантехники, а не модные сапожки, к каким привыкли американцы. Я помню, как ее громоздкие сапоги рассекали грязь, когда я шел позади. Однажды, когда я так шел за мамой, я увидел соседского мальчишку, который любил бросаться камнями. Точнее, любил бросаться камнями в меня. Я шел, никого не трогал, и вдруг получил камнем в голову. Я еще никогда не видел, чтобы моя мать двигалась так быстро. Она догнала этого мальчишку, схватила его за руку, приподняла и со всей силы швырнула о землю, так что он покатился, как мешок с картошкой. Мальчишка плакал, но мама не могла и не хотела оставить его в покое. Она все била и била его. А потом взяла меня за руку на глазах у его родителей, как бы спрашивая: «Ну и что вы будете с этим делать?» Ничего за этим не последовало. Мы просто ушли.

В другой раз стремление мамы защитить меня привело нас в полицейский участок. Это случилось позднее, уже после того, как я пошел в школу в Ваде-Джамале и создал себе репутацию ребенка, наводящего шум и любящего покрасоваться: ребенка, который всегда хотел быть дальше всех, выше всех, быстрее всех.

Над школьным двором раскинулось фиговое дерево, хотя на самом деле корни его находились во дворе женщины, жившей по соседству. Дети любили забираться на ветки, свисавшие над территорией школы, а потом перелезать по ним в соседский двор. Как только выходила хозяйка, дети мигом сползали вниз и разбегались. Я, как правило, слезал последним, потому что забирался выше всех. Однажды я замешкался, и та женщина меня поймала. В руках у нее была палка, и она начала меня ею колотить. Не помню, очень ли было больно, но помню, что испугался и что сил она не жалела. Друзья привели меня домой после школы и при мне рассказали про эти побои матери.

Следующее, что я помню, — это как мы вернулись на улицу, я шел за мамой и ее сапогами, и мы направлялись к дому той женщины. Мать постучала в ее дверь, и хозяйка вышла. Помню, что меня поразил ее вид. Она была огромной, больше, чем моя мать, и выглядела сурово. Видно, у нее была тяжелая жизнь. Мать задала ей всего два вопроса. Первый: «Вы били моего сына?» Женщина ответила: «Да, он забрался на мое дерево, а так поступают те, кто хочет украсть мой инжир, и я побью за это любого, кого поймаю». Второй вопрос был такой: «Чем вы его били?» Мать говорила спокойно, как будто ей просто нужна была информация. Женщина ответила: «Сейчас покажу». И принесла ту палку.

Мама выхватила палку у нее из рук и начала бить женщину по голове. Сначала мама держала палку одной рукой, потом взялась обеими, будто играла в бейсбол, и стала бить женщину по голове с такой силой, словно молотком гвозди забивала. Женщину подкосило. Ноги отказали ей, и она упала наземь, растянувшись у порога, но и тогда мать продолжала бить ее по голове. К тому моменту, когда она успокоилась, я был просто в ужасе, потому что никогда не видел, чтобы кровь фонтаном била у человека из головы. Она буквально хлестала из ран, как в комиксах. Кровь была повсюду. Женщина была вся в крови, и моя мать тоже. Невероятная сцена — почти как в дешевом ужастике.

Городок был маленький, поэтому полиция прибыла тут же. Полицейский участок находился за углом от школы. Копы забрали нас с мамой, и два квартала до участка мы шли пешком — полицейских машин тогда не существовало. У сержанта в участке были большие усы, свисавшие поверх рта, так что губ не было видно. «Вы...» — начал он спрашивать маму, и та, не дослушав вопроса, кивнула. «Да, — сказала она, — я била ее по голове». Сержант спросил почему, и она рассказала всю историю и объяснила свою логику: прав ли, виноват ли ее сын, подчеркнула она, никто не имеет права поднимать на него руку.

А потом она увлеклась, ее захватил пересказ случившегося, и, видимо, ею завладел дух бунтарства, и она начала орать на сержанта: «Попробуйте только косо посмотреть на моего сына, я и вам голову размозжу!» Сержант повторил ее слова, не веря своим ушам, и остальные полицейские начали смеяться. После чего нас отпустили.

Когда я думаю об Израиле, мне кажется, что большинство моих воспоминаний связаны с мамой, с одеждой или едой — с основами существования. Мы уехали, когда я был еще ребенком, я не успел сформироваться там как личность, но время от времени всплывает одно воспоминание, которое поражает своей яркостью и кое-что говорит обо мне. Много лет я терпеть не мог пауков. Я очень смутно припоминал, что это связано с каким-то случаем из детства. Но вот однажды я вспомнил: как-то утром мама собиралась на работу, а я — в школу, и она стала надевать мне на голову шапку. Но шапка не надевалась — в ней был какой-то комок. Мама сняла шапку и сказала, что, видимо, у меня волосы под ней смялись. Пока она говорила, из шапки выполз самый большой паук, какого я когда-либо видел, и побежал прочь. Я завопил, и потом годами не мог избавиться от страха, что где-то меня подстерегают пауки. Я всегда старался осматривать одежду, головные уборы и карманы, чтобы убедиться, что никто туда не заполз.

Похожая история произошла с курами. Через улицу от нас жила марокканская семья, которая относилась ко мне, как к собственному сыну. Одну из дочерей в этой семье звали Джонет. Она была постарше меня — мне исполнилось пять или шесть, а ей было где-то двенадцать. Когда я приходил к ним, Джонет всегда угощала меня огромными бутербродами с огурцом и маслом. Мы так раньше делали: щедро намазывали хлеб маслом и клали сверху кусочек какого-нибудь овоща, вот тебе и бутерброд. Это было здорово. Мне очень нравилось проводить время у Джонет дома.

У ее семьи был петух, настоящий королевский петух с красным хохолком, и я всегда угощал его крошками из карманов. Завидев меня, петух начинал кукарекать. Видимо, он чувствовал, что в зоопарке близится время кормежки. Однажды я зашел к Джонет, надеясь получить бутерброд. Но она сказала, что ей нужно уходить. На привязи за собой она пыталась тащить петуха, но тот размахивал крыльями, отчаянно кукарекал и ни за что не двигался с места. Она пыталась вести его силком, но он упирался. Тогда я предложил: «Давай я, он меня любит». Я потянулся к петуху, но Джонет возразила: «Нет-нет, не надо, он тебе глаза выклюет». Я проигнорировал ее слова, поднял этого гигантского

петуха, и он лег мне на руки, как новорожденный младенец. И мы пошли. Не знаю, куда мы шли, но мне хватило смелости нести его всю дорогу. Правда, спустя какое-то время петух стал тяжеловат. Он весил где-то два с половиной килограмма. Тогда я спросил Джонет, далеко ли еще идти. Она ответила: «Совсем не далеко. Это тут, за углом».

Когда мы завернули за угол, навстречу нам вышел огромный человек в фартуке и выхватил петуха у меня из рук. Он взял его шею, свернул ее, а потом достал нож и отрезал птице голову. Я видел, как тело петуха носится вокруг, в то время как голова остается в руке того мужчины. В жизни не видел ничего более жуткого. Из-за этого воспоминания я не мог есть курицу ни в каком виде, особенно если на месте оставались голова, крылья и прочее. Кажется, что такая травма должна бы пройти со временем, но вплоть лет до тридцати пяти я если и ел куриное мясо, то лишенное какой-либо формы и внешних признаков курятины.

И все-таки это было хорошее время — простые нужды и никакого выбора. Покуда хватало варенья и хлеба, я был счастлив. Я до сих пор считаю деликатесы вроде французских пирожных или мини-моркови омерзительными. Дайте мне хороший кусок пирога, и я на седьмом небе.

2. «Rocke Ride», или Космический полет: Приезд в Америку 1958-1963

Однажды МЫ с мамой получили посылку по почте. Внутри лежали консервы и свитер. Я тогда впервые увидел консервы. Мама объяснила, что их нам прислали ее дядя Джо и брат Джордж Кляйн. А я и не знал, что у нее есть родственники. Оказалось, что у мамы два брата. В Венгрии, еще до войны, они почуяли, что грядут страшные события, и уехали в Нью-Йорк. Я спросил у мамы, зачем они нам что-то присылают. Как я уже говорил, я не ощущал, что мы живем в нужде. Я не чувствовал себя бедным, ведь у меня были еда и одежда. Потом мама открыла консервы, и я впервые попробовал консервированные персики, которые показались мне просто потрясающими. Я подошел к ней — с полным ртом персиков — и спросил: «Это откуда?» И она ответила: «Из Америки».

Я и раньше слышал это название, но теперь я наконец мог связать его с конкретным ощущением — в данном случае со вкусом персиков. Помню, что название показалось мне забавным, отчасти потому, что я выговаривал его с еврейским произношением, с твердым «р». Я целыми днями кружил по дому, приговаривая: «Амерррика».

Вскоре это слово стало обрастать и другими ассоциациями. Одной из них были ковбои. Как только я узнал, что Америка — страна ковбоев, я стал думать о ней куда больше. Мне тогда минуло восемь с половиной лет, и фильмы были для меня важнее всего мира, причем ковбойский миф составлял важную часть этих фильмов. Дело происходило еще до рок-н-ролла, до Beatles. В то время ковбои считались вершиной крутизны. У них были подружки, они оставались одиночками, они уезжали в закат. И ковбои олицетворяли Америку — по крайней мере, для тех детей, которые жили в других странах. Если ты был ковбоем, ты существовал в этом чистом героическом мире. Пушка являлась главным инструментом в твоей жизни. Ты был судьей и присяжными в одном лице и вершил правосудие своими руками. А потом просто ехал дальше, и все девушки тебя обожали. А ты

уезжал в закат.

Для одной школьной пьесы я нарядился ковбоем, а мама купила мне игрушечный пистолет. Это был единственный достойный костюм. На самом деле я оставался всего лишь маленьким мальчиком, игравшим ковбоя, и во мне не было ни грамма крутизны. Но я мечтал о ковбоях, а вместе с тем я мечтал и об Америке.

Вряд ли я отдавал себе в этом отчет, но, глядя на киноэкран, я видел другой мир, где все казалось больше и драматичнее. Что всегда ярко и отчетливо проявлялось в образе Америки, так это ее размер. Ключевым было слово «большой». Большие люди. Большие идеи. Большие женщины. Большая грудь у этих женщин. Большие лошади, а еще буйволы, тоже большие, и большие поезда. Все было большим. И вскоре этому предстояло войти в мою жизнь.

Однажды мама велела мне одеться и ехать с ней в аэропорт. Я никогда раньше не был в аэропорту, не видал самолетов и ничего подобного, так что сердце у меня замерло. Но когда мы пошли по аэродрому, я подумал, что надо бы проявить интерес и к ситуации. Тогда я спросил маму: «А куда мы?» И мама ответила: «Проедем одну остановку». Я решил, что мы собираемся куда-то ненадолго съездить. Мы сели в самолет и полетели. Дорога длилась целую вечность — отчасти потому, что это был длинный перелет, а отчасти потому, что меня страшно укачало. Так плохо мне еще в жизни не было. Меня непрерывно рвало. Наверняка я изверг из себя все, что съел в то утро и за два последних дня. Наконец мы приземлились в Париже. Единственное, почему я запомнил остановку в Париже, — потому что мама пошла в «дьюти-фри» за духами. Потом мы снова сели в самолет, и меня опять начало тошнить, и так мы добрались до нью-йоркского аэропорта Ла-Гардия.

Мне казалось, что мы чудом попали в новый мир, и я пытался впитать его всеми своими порами. Однако позднее я узнал две истории из иммиграционного опыта моей матери, которые помогли мне понять ситуацию лучше. В то время лишь ограниченное количество людей могли приехать в США из Израиля. Моя мать была удивительно красивой молодой женщиной, и, оказывается, у нее получилось убедить кого-то из чиновников — то ли с помощью женского шарма, то ли ее человеческих качеств — переложить наши документы из нижнего ящика в самый верхний. Так нам удалось вырваться из Израиля и приехать в Соединенные Штаты. Такова первая история.

Вторая история касается того факта, что перед отъездом из Израиля моя мама должна была принести присягу. Она пришла к

американскому сотруднику посольства, но он не мог говорить на иврите, а она не знала английского. Немного замешкавшись, они нашли общий язык — немецкий. Он задал маме несколько вопросов по поводу ее политических пристрастий. В посольстве пытались прощупать, стоит ли впускать ее в Америку. Первое, что они спросили: «Вы являетесь или являлись когда-либо членом коммунистической партии?» Такие тогда задавали вопросы. Буквально: «Вы коммунист? Вы втайне замышляете свергнуть американское правительство?» Кто ответит на такое «да»? Мама сказала «нет». Так что собеседование прошло успешно, а потом ей нужно было принести присягу.

Чиновник сказал: «Пожалуйста, поднимите правую руку». Видимо, мама очень нервничала, к тому же евреи не привыкли клясться на Библии так, как это делают христиане. Так или иначе, она вытянула руку вперед так, как это делают нацисты. Чиновник засмеялся и сказал маме: «Не волнуйтесь, больше вам так делать не придется». Мне кажется, это был очень значимый момент. Он наметил ту перемену, которую нам предстояло пережить. Тень нацизма довлела над нами со времен войны. Это причиняло такие страдания, что мама предпочитала не говорить о концлагерях. Но теперь мы собирались уехать туда, где все это должно было стать далеким воспоминанием.

Приехав в Нью-Йорк, мы с мамой остановились у ее брата Ларри и его жены Магды во Флашинге, одном из микрорайонов Куинса. В то время я уже не был Хаимом Витцем. Я выбрал себе имя «Джин», более американское, чем «Хаим», и взял девичью фамилию матери «Кляйн». По ветхозаветному еврейскому закону, в матриархате после ухода или смерти отца полагается брать девичью фамилию матери. Так что теперь израильтянин Хаим Витц исчез. Я стал новоиспеченным американцем Джином Кляйном. Я хочу подчеркнуть: именно новоиспеченным американцем. Мне было восемь с половиной лет, когда мы переехали, и слишком многое оставалось непонятным и чуждым для меня. Одно из первых моих воспоминаний — как я увидел рождественскую рекламу сигарет «Кент», где был изображен Санта-Клаус с сигаретой. У него было крупное ангелоподобное лицо, а на заднем плане Санту ждали олени, парящие в небе. Раньше я никогда не слышал о Христе, Рождестве и Санта-Клаусе, так что я сразу подумал: «А это,

видимо, раввин с сигаретой». Я решил, что это русский раввин, потому что на заднем плане лежал снег.

Еще одно впечатление, которое мне запомнилось, — это то, что Америка поразила мое воображение во всех отношениях. Есть такой стереотип об иностранцах, приезжающих в Америку: будто

они вечно задирают голову и таращатся на все эти невообразимые небоскребы, бесконечные улицы, нескончаемые ряды домов. Приехав из Израиля, я был совершенно не готов к такому зрелищу и вел себя именно так, как этого ждут от иммигрантов. Я шел по улице, высоко задрав голову и широко раскрыв глаза. Обычно мне проще всего описать свои чувства с помощью сцен из фильмов, хотя этому фильму предстояло выйти лишь через много лет — я имею в виду «Москву на Гудзоне» с Робином Уильямсом. Он играет парня, приехавшего в Америку из России. Он буквально только сошел с трапа и идет в супермаркет, где подходит к одному из сотрудников зала и говорит на своем ломаном английском: «Простите, а где здесь кофе?» И ему отвечают, очень вежливо: «Тринадцатый ряд». Тринадцатый ряд? Это как? Тогда ему повторяют: «Тринадцатый ряд, сэр. Весь тринадцатый ряд». И когда Робин Уильямс идет в этот ряд, он видит буквально сотни разных сортов кофе. Он не может поверить своим глазам и начинает повторять одно и то же слово: «Кофе, кофе, кофе!» — и в результате падает без чувств, а сверху на него летят упаковки с кофе.

Я ощущал себя точно так же. Магазины были похожи на футбольные поля, наполненные едой. Я никогда еще не видел таких больших магазинов. В Израиле не существовало и понятия о такой вещи, как фирма. Хочешь молока — покупаешь молоко. Если нужны яйца — покупаешь яйца. А здесь были сотни разных видов хлеба, сотни разных видов мяса. Стоило выйти на улицу, вокруг оказывались люди в сотнях разных видов обуви и головных уборов за рулем сотен разных видов автомобилей.

Мне очень хотелось бы сказать, что я быстро вжился в американскую действительность. Но на самом деле это было не так. Когда я впервые зашел в дом своего дяди Джорджа, который, как и дом его брата Ларри, тоже находился во Флашинге в Куинсе, наступило время ужина, и по телевизору шли новости. Телевизоры были тогда огромные — чуть ли не полтора метра в длину, — и большую часть аппарата составлял деревянный корпус, ведь он был центральным предметом в комнате, и считалось дурным вкусом иметь голый телеэкран. И тут прихожу я, буквально только с самолета, и вижу крупным планом мужское лицо, читающее новости. Я на полном серьезе заглянул за телевизор, чтобы узнать, где сидит этот парень. Таково было мое первое впечатление от телевидения, увлечение которым впоследствии вылилось в настоящий роман. Но тогда телевизор представлял собой всего лишь еще одну не очень понятную мне вещь.

Наш холодильник стал для меня еще одним источником

удивления. Я открывал его и находил огромные бутылки лимонада, для которого в моем словаре еще даже не было слова (я называл их газос — так на иврите называют газированные напитки). Еще там был шоколадный сироп «Боско», который я любил выдавливать из бутылки прямо в рот, и кетчуп, который мне так нравился, что я делал с ним бутерброды. Мои двоюродные братья и сестры часто просто застывали за столом и смотрели, как я ем, поскольку я выдумывал самые невероятные пищевые комбинации. Простой белый хлеб был для меня настоящим лакомством. Мы садились ужинать, и я начинал поедать этот хлеб кусок за куском. Мама с тетей говорили: «Нет-нет, ты должен есть нормальную еду». А я удивлялся: «Нормальную еду? А чем эта нехороша?»

В тот первый год моя жизнь сильно изменилась, а потом изменилась еще больше. У моего дяди Ларри было две дочери, обе старше меня, и, хотя они хорошо ко мне относились, я выглядел в их глазах чудаком. Одна из моих двоюродных сестер, Ева, разрешала мне брать ее велосипед, который мне казался даром свыше. Я объезжал на нем двор, наверное, раз сто. Рожденный в Америке ребенок просто выехал бы на улицу, но я никогда раньше не переезжал дорогу, а там были машины, и я просто не знал, что делать. В Израиле не было знаков остановки, красных и зеленых сигналов светофора — во всяком случае, там, где я жил. Поэтому я колесил по двору и не чувствовал себя в чем-то ущемленным — было здорово просто ездить взад и вперед.

А однажды я увидел, как два паренька играют на другой стороне в марблс — стеклянные шарики. До этого я мало общался с другими детьми — стоило мне заговорить, они странно на меня косились и засыпали вопросами: «Ты что, дурак? По-английски не можешь разговаривать?» А я действительно не мог. Я едва мог что-то понять. Но эти дети, игравшие в марблс, меня очень заинтересовали, потому что у меня самого было четыре или пять шариков, которые мне отдали мои двоюродные сестры, и к тому же я неплохо играл — научился еще в Израиле. Хотя в Израиле в стеклянные шарики играли несколько иначе: в Америке нужно выбрасывать шарик большим пальцем, сидя на корточках, а в Израиле играют стоя. Я знал, что могу выбить шарик стоя, может, с расстояния метра или полутора. Ребята увидели, что я иду к ним, и решили, что им удастся отобрать мои шарики, поскольку я новенький. Они объяснили правила, и я быстро все понял: все, что выбиваешь из круга своим шариком, переходит к тебе. Если твой шарик остается в круге, пропускаешь ход. К концу дня я выиграл все их шарики, больше сотни. Я до сих пор храню их в коробке из-под сигар «Датч мастере», которую мне отдала тетя

Магда. К концу игры те дети больше не считали меня дураком.

Я обожал проводить время с моими дядями. Дядя Ларри был пекарем. Он пек пирожки, так что стал моим героем. Одним из его лучших и моих любимых изделий был потрясающий маковый пирог. А дядя Джордж был протезистом. Он изготавливал зубы для людей, носивших вставные челюсти. А еще он делал искусственные яички для людей, у которых не было собственных. Я не шучу. И Ларри, и Джордж работали в поте лица и хорошо зарабатывали, и они были очень щедры с моей матерью и со мной. И все же спустя около года после нашего переезда в Америку мама решила, что пора начать собственную жизнь и переехать от своего брата. Дядя Ларри был рад нам, но мы жили в подвале, к тому же мама хотела работать и самостоятельно распоряжаться своей жизнью. Так что вскоре она отдала меня в хасидскую иешиву — еврейский вариант теологической семинарии — в Уильямсбурге в Бруклине, а сама пошла работать на швейную фабрику. На фабрике не было профсоюза и существовала настоящая потогонная система, но мама получала один пенни за каждую пришитую на пальто пуговицу. Она зарабатывала 150 долларов в неделю, и по тем временам это означало много денег и ужасно много пуговиц. Она брала пальто, пришивала одну пуговицу за другой, а потом вешала готовое пальто на вешалку. На этой изматывающей работе она проводила шесть дней в неделю с семи до семи.

Пока мама работала на фабрике, я проводил время с Шейнерами, одной семьей в Уильямсбурге. Они участвовали в программе поддержки евреев-хасидов, принимавших у себя школьников, чтобы те могли посещать иешиву. Своих детей у них не было, и они казались мне пожилыми, хотя им, наверное, было чуть за сорок. Они были очень добры ко мне. Помню, как впервые увидел у них домашний телефон, — для меня он стал еще одним чудом.

Расписание у меня было изнурительное. Конечно, не такое, как на швейной фабрике, но все-таки. В семь утра, одетый в черное и с кипой на голове, я принимался за очень обстоятельное еврейское религиозное обучение. Первую половину дня мы проводили за изучением Ветхого Завета, Торы и библейских историй. Потом наступал получасовой перерыв, а в половине первого мы возвращались за парту, чтобы изучать фундаментальные науки: чтение, письмо, арифметику и т. д. В шесть, уже устав от школьного дня, мы переходили из дома 206 по улице Уилсон в Уильямсбурге в другое здание — на углу Третьей Южной улицы и авеню Бедфорд, — чтобы вместе поесть. После еды мы снова занимались — вечернее изучение Библии

длилось до полдесятого вечера. Потом я шел к Шейнерам, и мне еще приходилось делать домашнее задание. И так шесть дней в неделю, а не пять. По субботам мы должны были ходить в храм — утром и вечером. С таким расписанием в одном можно было не сомневаться: в неприятности не попадешь. Я жил в бедном квартале, но мы были счастливы. Лучшей жизни мы не знали.

Понемногу я освоился в этом новом мире и научился говорить по-английски, хотя это не всегда давалось мне с легкостью. Одним из первых языковых уроков стала для меня фраза: «Поди сюда!» Я думал, она означает: «Подойди сюда», но я не сразу понял, что у нее может быть два разных значения. Если она произносилась с одной интонацией, она действительно означала, что нужно подойти. А если тебе говорили: «Ну-ка, поди сюда!» — это подразумевало: «Я тебе сейчас задницу надеру». Изначально мой английский был весьма ограничен, и я носил бирку со своим адресом, где было написано: «Пожалуйста, подскажите мне дорогу домой». Даже спустя где-то год, когда я уже вполне мог изъясняться, я все еще говорил как Латка, герой Энди Кауфмана из сериала «Такси». Я спрашивал: «Какой час?» вместо «Который час?», причем с очень сильным акцентом. Помню, другие дети постоянно надо мной смеялись. «Да что с тобой? — говорили они. — Ты что, дурак? Даже по-английски не можешь говорить?» Они казались мне очень странными. Я-то знал разницу между дураком и нормальным человеком, не умеющим говорить на каком-то языке. Но ничего — позже все эти люди будут на меня работать.

Америка многое привнесла в мою жизнь. Новый язык. Новую семью. Экономические возможности. Но прежде всего — развлечения: телевидение, комиксы и фильмы. Дети, выросшие в 1950-е, утверждают, что их воспитало телевидение, и иногда говорят это с такой жалостью к себе, словно их чего-то лишили. Для меня же это был самый лучший опыт в жизни.

В то первое лето в Куинсе моя жизнь вращалась вокруг телевидения. Все дети стремились на улицу играть в бейсбол. Мне же до бейсбола не было дела. Открыв для себя телевидение, я не понимал, зачем вообще выходить из дома. Телевидение было бесплатным, и по нему бесконечно шли какие-то передачи, не ограничивающиеся одной только земной жизнью. Там показывали «Космический патруль» про полеты в открытом космосе, «Викингов», «Супермена». Все эти герои навсегда осели в моей памяти. И каким-то волшебным образом я начал говорить по-английски с налетом акцента Уолтера Кронкайта*{4}.

Телевидение, естественно, привело к фильмам. Если мне выпадала возможность сходить в кино, я шел в Уильямсбург в

Бруклине, где за двадцать пять центов можно было увидеть три фильма и мультики. Кинотеатр находился прямо под железнодорожным мостом, и помню, что, когда я только начинал ходить в иешиву, мне ужасно хотелось попасть в кино. Я в жизни не был внутри кинотеатра. В Израиле устанавливали экран и скамейки на улице, и мы смотрели кино по вечерам. Так вот, однажды я стоял у кинотеатра и разглядывал постер на стене. Это был фильм Джона Уэйна — картины с его участием шли постоянно, — а еще показывали «Горго». Этот фильм был буквально содран с «Годзиллы». В десять утра я стоял и ждал, когда люди начнут заходить внутрь. Наконец появился владелец кинотеатра, и тут же грузовик подвез катушки с пленками. Владелец посмотрел на меня и сказал: «Если поможешь мне отнести все это наверх в проекционную будку, я тебя пущу в кино и угощу попкорном».

Пленка, по всей вероятности, весила не меньше меня. Катушки были тяжелыми, как мешки с трупами. Но я их отнес на самый верх, шаг за шагом, ухватившись обеими руками. Помню, мне казалось, что руки сейчас отвалятся, ведь я сроду не поднимал таких тяжестей. Но я справился и остаток дня чувствовал себя королем. Я сидел на самом верхнем ярусе и ел попкорн, пока меня не затошнило. Это был один из самых удивительных дней в моей жизни.

Телевидение производило на меня не меньшее впечатление, но казалось доступнее, поскольку было бесплатным и находилось дома. Сначала мне было не важно, что смотреть. Во всем присутствовала Америка. Но спустя какое-то время у меня появились пристрастия, основанные на костюмах персонажей. И чем отважнее были герои, тем лучше. Я не пропустил ни одной серии «Супермена». Я смотрел и «Клуб Микки-Мауса», но мне не нравились девчонки, которые в нем участвовали. Они вели себя слишком по-девчачьи. Они пританцовывали и кривлялись и не могли бегать так же быстро, как мальчики. Мальчишкам всегда приходилось быть настороже, а девчонки вечно мешались под ногами. Мальчики играли в ковбойском сериале про Спина и Марти. Они любили приключения. Помню, как я смотрел по телевизору «Викингов» — сериал по мотивам фильма. Помню Джета Джексона, парня с большим быстрым самолетом. И помню мультфильмы, особенно студии «Warner Bros.». Мне нравились «Том и Джерри», пусть они и не отличались замысловатой сюжетной линией — одна сплошная погоня. Зато они были отлично нарисованы, и шутки были смешные. Сейчас меня поражает, насколько многослойными были муль-тики про Багза Банни и Даффи. В них содержалась масса скрытых шуток,

двусмысленных выражений, сексуальных подтекстов. Например, кад Багз Банни, переодетый в женщину, выходит замуж за Элмера Фадда. Авторы вытворяли что хотели. Много лет спустя, когда вошла в моду домашняя видеозапись, я стал записывать мультфильмы, которые шли субботним утром, и пересматривал их снова и снова. Даже когда у меня сидели гости — другие музыканты, актеры, знаменитости, — я обязательно включал мультики. Люди не понимали моей одержимости, но несколько лет спустя все признали, что эти мультфильмы являются значимыми произведениями американского послевоенного искусства. А я это всегда знал.

В целом меня притягивало все, что касалось приключений, и все, что давало возможность узнать новые места, совершать отважные поступки и спасать мир. Довольно быстро я увлекся фантастикой и фэнтэзи. «Горго», переиначенная «Годзилла», которую я посмотрел в Уильямсбурге, оказалась только началом. Я был в восторге от «Конги», содранной с «Кинг-Конга». Восхищался я и «Ползущим глазом» — английским фильмом про жуткого монстра, похожего на осьминога с одним глазом на голове. Меня он пугал до смерти.

Третьим ингредиентом в моем новом самосознании были комиксы. Как-то во время одной из наших получасовых перемен в доме номер 206 по улице Уилсон я впервые увидел комиксы. Это были «Супермен» и «Бэтмен», и я сразу на них подсел. Я знал Супермена по сериалу, но понятия не имел, кто такой Бэтмен. Однако все остальные дети, похоже, знали его. Я отправился домой к одному из ребят из иешивы, у которого была целая гора комиксов, и не только про супергероев, но и «Борцы с неизвестным», и «Дом тайны», и многие другие. Я читал и перечитывал комиксы, и они уносили меня в иную реальность.

В то же время менялось и общество вокруг меня. Эра гражданских прав находилась в самом зародыше, и если появлялись признаки прогресса, то оставались очевидными и неугасающие свидетельства волнений. После года в иешиве мы с мамой переехали из Бруклина обратно в Куинс, в Джексон-Хайтс, где я пошел в обычную школу на углу бульвара Джанкшн и Девяносто третьей улицы. Школа стала новой главой в моем американском образовании, ведь там я впервые столкнулся с чернокожими детьми. На самом деле двое моих лучших друзей были черными, потому что они были высокие и в шеренге стояли рядом со мной. Я никогда не обращал никакого внимания на то, что они черные, а я белый. В Израиле у меня особо не было опыта общения с людьми другого цвета кожи, и дома никогда не уделяли этому внимания. Но мало-помалу я начал осознавать,

что между людьми существуют расовые границы.

Помню, после школы я частенько ходил домой к одному из чернокожих ребятишек. Его звали Уолтер, мы с ним дружили. Его мама делала нам сэндвичи, и мы играли в разные игры. Когда темнело, его мама снова заглядывала в комнату и напоминала мне, что пора идти домой. Другой мой чернокожий друг, Альфред, иногда одалживал мне свой второй велосипед, и мы катались около аэропорта Ла-Гардия. По дороге домой мы проезжали недалеко от бульвара Джанкшн, и Альфред часто говорил: «Там лучше не ездить, это опасно». Я не понимал, о чем он, даже после его объяснений. Я тогда оставался очень наивным и не хотел меняться, ведь я не был уличным ребенком. Я был телевизионным ребенком. Я жил в мире «Супермена» и «Сумеречной зоны».

Один из моих лучших друзей в Ньютаунской средней школе был чернокожим, и мы любили после уроков вместе петь в стиле «ду-воп». Мы собирались по двое или трое и выводили гармонию — ничего особенного, просто возможность попеть. Но когда застрелили Мартина Лютера Кинга, тот друг показал мне маленький топорик, спрятанный у него под рубашкой, и сказал, что нам не стоит проводить время вместе, потому что его друзья злятся. Я помню, что очень испугался и принялся объяснять, что мне очень жаль и что я не имел к убийству никакого отношения. Он ответил: «Да, но мои друзья не поймут. Они в ярости». На этом наша дружба кончилась. Образованные, начитанные евреи очень симпатизировали движению за гражданские права, потому что они видели параллели между отношением к неграм в Америке и отношением к евреям на протяжении всей мировой истории: мы были рабами в Египте, а они были рабами в Америке. Но интеллектуальные и эмоциональные связи в социальной среде не всегда отражаются в уличных отношениях.

Какими бы сложными ни были социальные условия середины 1960-х в Америке — а они не отличались простотой, — я всегда мог найти отдушину в телевидении. Не то чтобы я смотрел все подряд. Например, живое телевещание меня тогда совсем не интересовало. Мама любила смотреть шоу-варьете, но мне они не нравились. Камера стояла на месте, что являлось довольно серьезным техническим ограничением, поэтому происходящее не захватывало по-настоящему. Неподвижная сцена с говорящим парнем при неподвижной камере. Я засыпал. Но что меня все-таки заинтересовало, так это то, что на некоторых шоу девушки визжали от восторга перед исполнителями. Я еще не понимал, что все это значит, — девочки в «Клубе Микки-Мауса», которые, казалось, только мешали мальчикам; люди, кричащие по

телевизору. Но я чувствовал в этом что-то грандиозное.

И вот однажды я стоял у окна дома 99 по Девятой Южной улице в Бруклине; мне было лет двенадцать. И я увидел, как какая-то испанская девочка прыгает через скакалку. У нее были длинные черные волосы ниже пояса. Они были прямые и блестели, как винил, и каждый раз, когда она подпрыгивала, бились об ее зад. Я не видел ее лица. Мне еще предстоит его увидеть. Но тогда я впервые ощутил это странное щекочущее чувство, которое в ближайшие месяцы повторится снова и снова, и я пойму, что в моем сознании и теле происходит что-то необычное — все равно что начало простуды. Мышцы начали болеть, я стал странно себя чувствовать, как никогда раньше. У меня стали набухать разные части тела, начали расти волосы там, где их раньше не было, и я испугался. Я хватал ножницы и бежал в ванную, чтобы отрезать эти волосы. Как я мог поговорить об этом с матерью? «Я не понимаю, что происходит, мне нравится одна девочка, у меня между ног начинают расти волосы. О господи, это конец света».

Но в конце концов я стал видеть в этом положительную сторону. Воскресными вечерами мы с мамой смотрели шоу Эда Салливана — выходной она проводила дома, — и время от времени в передаче появлялся какой-нибудь подростковый кумир, например Бобби Райделл. И мы слышали, как вопят девчонки в зрительном зале. Когда мне было десять-одиннадцать, я еще ничего не понимал. Когда мне стукнуло двенадцать, я по-прежнему считал реакцию публики странной, но мне она уже нравилась. Я вдруг осознал, что подростковые кумиры имеют какую-то власть над этими визжащими девчонками, к тому же видеть, как девчонки теряют контроль над собой, было чрезвычайно приятно. И все же их крики оставались вполне почтительными, если не сказать сдержанными. Всего полтора года спустя, когда я чуть подрос, я посмотрел на шоу Эда Салливана по-новому. Крики уже не были такими сдержанными. А на сцене находился не один кумир-подросток с приглаженными назад волосами, а сразу четыре лохматых кумира-подростка со смешными акцентами. Когда я их увидел, мне все стало ясно в одно мгновение.

3. «Crazy Crazy Nights», или Безумные, безумные ночи: Битлы и шестидесятые 1964-1969

До Элвиса МНЕ не было дела. Я не видел его по телевизору, так что в каком-то смысле он для меня не существовал, и, хотя я и имел смутное представление о нем как о популярном музыканте, особого восторга он у меня не вызывал. Он был для меня одним из многих поющих гитаристов, и, за исключением «Hound Dog» и «Jailhouse Rock», его музыка меня не цепляла. Она звучала слишком нежно, слишком гладко. Так что когда Элвис появился на шоу Эда Салливана, крутя задом, это не стало важной вехой в моей жизни. Но как-то воскресным вечером в 1964 году мы с мамой предавались нашему обычному ритуалу: ужину под Эда Салливана. Я ел домашние гамбургеры, которые часто готовила мама, и горошек.

Овощи я не любил, хотя против горошка ничего не имел, так что мама пичкала меня им при любой возможности. Так вот, сижу я с гамбургером, горошком и Эдом Салливаном, и Салливан вдруг произносит фразу: «Дамы и господа, сегодня в гостях на нашем шоу группа he Beatles».

Я и не понял, о чем это он. Жуки? Тараканы?* Может, это одна из тех новых трупп, которые иногда появлялись на шоу, чтобы показывать трюки, вроде блошиного цирка? Они вышли на сцену, и феномен битлов буквально оглушил меня, как тонна кирпичей, упавших на голову. Никогда прежде я не испытывал ничего подобного. В то время они еще носили эти глупые стрижки. Моей первой мыслью было: «О боже, да они одеты, как девчонки». Второе, о чем я подумал, — что они похожи на обезьянок. (По всей видимости, это было распространенное мнение, — думаю, именно поэтому группа he Monkees выбрала такое название*.) Эти две мысли не позволили мне сразу продать душу Beatles. Но тут в комнату вошла мама и сделала замечание по поводу нелепого вида музыкантов, и я сразу же резко поменял свое мнение. Я сказал: «Да нет же, мам, мне кажется, они классно выглядят». Мне нравилась сама мысль, что я считаю их

классными, а мама — нет. Меня привлекало само различие. Я хотел, чтобы оно между нами было. Такой своего рода бунт. И в тот момент все то, о чем я размышлял последние месяцы, начало приобретать смысл: эти парни со своими дурацкими стрижками и девчонки, визжащие при их появлении со всей дури. В ту ночь родились мои первые мысли о поп-музыке, и эти мысли были просты: «Если я соберу собственную группу, может, и ради меня будут так же кричать девчонки». Не верьте, если вам скажут что-то другое, — тот же самый импульс породил тысячу прочих музыкальных групп.

На самом деле первая пластинка появилась у меня очень давно, еще до Beatles, до шоу Эда Салливана и до всего остального. По нью-йоркскому телеканалу W0RTV полным ходом гремел твист, и Чабби Чекер вел дневное телешоу, что-то вроде детского урока танцев. Помню, что меня это так захватило, что я даже пошел и купил журнал для подростков, в котором давались краткие биографии звезд современности. Так я узнал, что настоящее имя Чабби Чекера — Эрнест Эванс, что раньше он ощипывал кур в мясной лавке и что жена Дика Кларка окрестила его Чабби Чекером по аналогии с Фэтсом Домино*{5}. Я понятия не имел о Хэнке Балларде и группе Midnighters, исполнивших оригинал песни. Я вообще ничего не знал. Но я начал крутить твист и участвовать в соревнованиях по твисту.

По средам после занятий мы все оставались на соревнования по танцам. Я танцевал с чернокожими девочками, потому что они умели двигаться и отрываться как следует. Белые девочки слишком много разговаривали и слишком старомодно одевались. Остальные парни кучковались в стороне. Белые девчонки сначала побаивались, но вскоре тоже стали выходить и танцевать. Я выиграл конкурс по твисту, и моим призом стала пластинка Нэта Кинга Коула с песней «AH Over he World» на одной стороне и «Rambling Rose» на другой. Изначально я не сходил сума от танцев. Но постепенно я начал сознавать весь смысл происходящего: музыка — не только твист и не только Нэт Кинг Коул, а вообще вся музыка — могла стать моим пропуском в нежные молочные берега женских попок. Вскоре я понял, что именно благодаря музыке девочки будут встречать меня с распростертыми объятиями, а потом и распростертыми ногами. В этом — великий секрет всех рок-н-ролльных групп. Нет никаких идей, никакого внутреннего желания выразить себя через творчество. Все мы взяли в руки гитары, потому что хотели секса. Все просто и ясно.

Поначалу я не мечтал о чем-то великом. Я не надеялся завоевать весь девичий мир — я лишь хотел понравиться

девочкам со своего двора. А как привлечь внимание соседских девочек? Это просто. Нужно только играть в группе, которая выступает на школьных дискотеках. Тогда я собрал группу из своих двух школьных приятелей — Дэнни Хейбера и Сета Дограмаджяна, которых, к несчастью, больше нет в живых. Мы вместе ходили в среднюю школу имени Джозефа Пулитцера в Куинсе, Нью-Йорк, и очень дружили, поскольку все были одержимы комиксами. Мы с Сетом даже вели любительские фан-журналы о комиксах и фантастике. Мы писали статьи и рецензии на фильмы и обсуждали героев телепередач. Его журнал назывался «Exile» («Изгнанник»), а мой — «Cosmos» («Космос»). Но после Beatles нам стало ясно, что, как ни люби фантастику, должного успеха у девушек это не принесет. Тогда мы основали группу под названием Lynx — «Рысь». Я тогда даже не знал, как пишется это слово, но мне нравилось само животное. В школе, когда мы выступали на конкурсе юных талантов, нас представили как группу Missing Links («Недостающие звенья»), то есть написание было изменено*{6}. Первые две песни, которые мы исполнили, — это «There's a Place» группы Beatles и «Cathy's Clown» Everly Brothers. Мы выбрали их потому, что они раскладывались на три голоса, а мы все хотели петь. Дэнни и Сет играли на гитаре, а я просто стоял и пел. Я тогда еще не научился играть на басу. Хотелось бы сказать, что я выступал фронтменом, но, если честно, это было равноправное трио.

Каким-то образом Missing Links выиграли в том конкурсе талантов. Нам очень понравилось стоять на сцене, чтобы все на нас смотрели. Находиться в центре внимания было нашим врожденным талантом. После этого конкурса кое-что произошло. Во-первых, у меня начали появляться друзья, даже имен которых я не знал. Парни подходили ко мне в коридоре или на улице и говорили: «Привет, Джин, как дела?» Кроме того, у меня вдруг обнаружились проблемы в школе. Раньше я всегда хорошо учился и хорошо себя вел. И хотя я всегда был самым высоким в классе, я никогда не ввязывался ни в какие драки и не оставался после уроков. Однако после победы Missing Links на конкурсе талантов, учителя начали смотреть на меня косо, потому что девочки стали оборачиваться ко мне во время урока и задавать вопросы. Была, например, одна девочка по имени Стелла, она со мной ходила на занятия миссис Кассолы. И вот во время урока она однажды повернулась ко мне и сказала: «Эй, Джин, а покажи нам, что ты умеешь выделывать языком!» Сначала я не понял, о чем она. Видимо, я что-то изобразил на перемене и она это увидела. Наконец я понял, что она хочет, чтобы я высунул язык и покрутил им. И как только я это сделал, все начали смеяться, а

учительница направилась ко мне.

● Джин Кляйн, — сказала она, — ты что, язык показываешь?

● Да, — ответил я, — но это меня девочки попросили.

● Немедленно к директору, — заявила учительница.

Я был уверен, что меня наказывают несправедливо. Стелла попросила меня высунуть язык, и я его высунул. Но, заметив, что учительница покраснела, я понял, что она усмотрела в этом сексуальный подтекст.

Если играешь в группе и попадаешь в неприятности, это работает на руку твоей репутации. Даже самые крутые подростки в школе начали относиться ко мне с уважением, хотя уважение это было особого рода. У нас учился парень по имени Дэнни, штангист. Он был огромным и немного походил на Харви Кейтеля, и, наверное, был постарше нас. Вокруг него всегда крутилась его бригада, и они шли по коридору, расталкивая всех, кто попадался на пути. Но почему-то он никогда не обижал меня, и наверняка причина была в Missing Links и в той небольшой, но устойчивой крупице местной славы, которая выпала на мою долю. Самое страшное, что мне от него доставалось, — он обзывал меня «тупицей». Но меня это не беспокоило, ведь я даже не знал такого слова. Он ни разу не тронул меня и пальцем и даже предлагал мне свою защиту: «Если тебя кто тронет, скажешь мне, понял?» Может, вы думаете, что мне захотелось использовать такую возможность, чтобы войти в их компанию? Нет, мне это было неинтересно. Я хотел только вернуться к своему ненаглядному телевизору.

После школы многие оставались в школьном дворе, курили и ввязывались в неприятности. А я бежал домой, включал телевизор, делал домашнее задание, и у меня все было в порядке. Я возвращался к тому, что любил. Если честно, я не только не «тусовался» после школы, но и почти никогда никого не приглашал к себе, потому что меня не интересовали гости — я смотрел телевизор. Ходить ко мне не было смысла: все, чем я владел, — это комиксы и журналы с фантастикой и фэнтези. Других мальчишек интересовали велосипеды, бейсбольные биты и всякие спортивные игры на воздухе. Парни жевали жвачку и плевались и с благоговением говорили о бейсболисте Микки Мэнтле, но мне все это было совершенно чуждо. Да кто такой Микки Мэнтл в сравнении с Суперменом? Супермен безусловно круче. Вы шутите? Микки Мэнтл даже летать не умеет.

Вторник и четверг были самыми интересными днями недели, потому что именно в эти дни в киоск завозили новые комиксы, и я прибегал туда как можно раньше. Хозяин киоска знал меня по

имени, говорил мне, какой товар ожидается, и спрашивал, отложить ли мне «Фантастическую четверку», «Тора» и всякие киножурналы типа «Знаменитых монстров Фильмляндии». Вскоре у меня была гора комиксов и журналов выше моего роста. В результате моя коллекция комиксов послужила основой для моей следующей бизнес-идеи. Мама купила мне мимеограф, на котором я размножал те самые фан-журналы о фэнтези и фантастике, и вскоре мне пришло в голову, что с помощью этого же аппарата можно заработать денег. Я начал печатать флаеры с надписью «Куплю комиксы» и моим телефонным номером. Цена была единая: доллар за полкило, то есть на доллар я должен был получить от пятидесяти до ста комиксов. Людям, продававшим мне комиксы, не хватало знаний или энергии, чтобы самостоятельно разобрать свои залежи, поэтому я просматривал тысячи номеров и обычно находил одну-две книжки, которые были настоящими раритетами. А за одно коллекционное издание комиксов я мог получить сотню баксов.

Хотя я проводил большую часть дней и вечеров, сидя перед телевизором и копаясь в комиксах, моя музыкальная карьера начала принимать все более четкие очертания. Мы с Сетом в конце концов нашли еще одного парня по имени Стивен Коронел. Я давно знал Стива, и впоследствии он будет играть со мной в нескольких группах, в том числе Wicked Lester, предвестника KISS. Год был где-то 1965-й, и мы вчетвером, включая барабанщика Стэна Сингера, начали играть не только на школьных танцах. Хотя появились мы в основном благодаря Beatles и из-за Beatles, мы не играли ни одной их песни. Они были слишком сложные. Вместо этого мы пробовали наши силы на таких стандартных соул-композициях, как «In he Midnigh Hour» и «La Bamba», — все что угодно, лишь бы легко игралось. Один урок, который я усвоил в Missing Links и в котором убеждался снова и снова: здорово быть парнем из группы.

И вот незадолго до того, как мне исполнилось четырнадцать, все снова изменилось. На этот раз прозрение касалось не музыки и не девчонок. А женщин, и это было нечто совершенно иное. У меня был свой маршрут по Джексон-Хайтс в Куинсе, где я каждое утро бросал газеты под двери домов, а раз в неделю собирал деньги с подписчиков. Близилось Рождество, я ходил от дома к дому, собирал платежи и получал чаевые. Одна подписчица оказалась взрослой женщиной. В ретроспективе я предполагаю, что ей было чуть за двадцать, но я считал ее взрослой, она стояла по другую сторону жизни: дети здесь, взрослые там. Поскольку она была взрослой, я ее почти не заметил, но только почти, потому что помню, как подумал, что она привлекательна. Так или

иначе, перед Рождеством я пошел собирать деньги, и она открыла дверь вся заплаканная, в одной кружевной ночной сорочке. Я попытался уйти и пробормотал: «Зайду попозже». Но она настояла, чтобы я вошел в дом, и начала тараторить о своем муже, о том, что он далеко, а ей так одиноко. Очевидно, она была пьяна.

Она все говорила, что сейчас принесет мне деньги, но время шло, а она и не пыталась сходить за ними. А потом все случилось молниеносно. Неожиданно я оказался на диване, а она — сверху на мне. Я до сих пор не могу вспомнить, как остался без штанов. Я вел себя совсем не как Казанова: руки я держал у плеч, выставив ладони так, будто пытаюсь остановить несущуюся на меня машину, а потом все неожиданно закончилось. Она дала мне чаевые, и я ушел.

Я был перепуган — и во время инцидента, и после. Когда я видел ее снова — а это случалось часто, ведь я все еще ездил по прежнему маршруту развозки, не додумавшись убраться подальше после случившегося, — я забирал у нее деньги и убегал. Я ни с кем не мог об этом поговорить, правда. Наконец я поделился своей тайной с одним из парней в школе, таким же бунтарем-самоучкой. И он, похоже, всем растрепал, потому что вскоре об этом знали все. В школьном дворе девчонки показывали на меня пальцем, и к моей музыкальной известности добавилась новая слава — слава человека, который *это сделал*.

Лет до четырнадцати я не осознавал, что природа одарила меня большим достоинством — супердлинным языком. Он действительно был длиннее, чем у других, и вскоре я обнаружил, что это может пригодиться мне в общении с девочками.

Я нравился одной девочке, которую звали Конни. Она была итальянкой-католичкой и все время просила меня проводить ее до дома. Я думаю, она хотела стать моей подружкой, но, анализируя прошлое, я понимаю, что намерения ее были чисто плотскими. Однажды по дороге из школы она объяснила мне, как устроены девушки. Я был поражен и восхищен: «Что я должен засунуть? Куда?»

Она объяснила, что так она не может забеременеть. Когда мы добрались до ее подъезда, она отвела меня в подвал, где располагалась прачечная. Там было темно и пусто. Мы были одни. Она опустилась на пол и притянула меня к себе. Страстно целуя меня, она задрала платье, спустила трусики, положила правую руку на мой затылок и мягко направила мою голову вниз, к своим бедрам.

Мне было страшно. Я слышал много историй, особенно от итальянских мальчишек в школе: «Ты чего, больной или как?

Лицо туда засунуть? Да тебя стошнит!»

Она сразу застонала, и я возбудился, как никогда прежде. Я подумал, что она хочет, чтобы я ее туда поцеловал. Я это сделал. Это возбудило меня еще больше. А потом, словно знак свыше, мне явилось все, что нужно знать, — ее голос взмолился: «О, Джин, язык, дай мне свой язык!» Что я и сделал. И как только я к ней прикоснулся, она начала биться в яростных конвульсиях, обхватив мою голову обеими руками и прижав мое лицо к своим бедрам. Она изгибалась всем телом и орудовала моим языком, как горячим ножом по маслу.

Хотя мне показалось, что все происходило очень долго, ей, вероятно, понадобилось не больше тридцати секунд, чтобы достичь оргазма. Это было мое боевое крещение. Я владел ею. Она лежала на полу подвала в полном повиновении. Всю свою жизнь я буду помнить об этой давней встрече и о том, на что способен мой язык.

Но это был еще не конец, нет. Прошло несколько мгновений, мы немножко поболтали. Я как раз что-то говорил, когда она протянула правую руку и положила ее мне между ног. Потом поднялась, расстегнула на мне джинсы и стащила их вниз, сразу же обхватив меня ртом. Я едва осознавал происходящее, но заметил, что она держала меня левой рукой и ласкала себя правой.

К сожалению, эта встреча не повторилась. Вскоре девочка переехала. И если она сейчас читает эти строки, я надеюсь, она вспоминает тот случай с нежностью. Как это делаю я. Я не стал скрывать от школьных приятелей свой новый опыт. Когда я рассказал о нем одному парню и высунул язык, чтобы показать, что именно я делал, он поразился, какой у меня чертовски длинный язык.

А я и не знал. Не знал, что это имеет значение. Но когда я стал демонстрировать свою длину девушкам, это явно производило впечатление.

Инцидент с языком положил начало целой новой эре в моей любовной жизни. Мне только исполнилось четырнадцать, но, поскольку я был высоким, меня постоянно приглашали на вечеринки по случаю чьего-нибудь шестнадцатилетия, хотя я и был младше. Туда ходили девочки, чьи имена я до сих пор помню: Белинда, Айрин, Барбара, Андреа. Они были отличные девчонки, именно такие, с которыми мечтают встречаться парни, и почему-то они хотели видеть меня на своих вечеринках. Эти вечеринки были наполнены абсолютно новыми для меня вещами: приглушенным светом, музыкой, игрой в бутылочку. А еще медленными танцами. Думаю, Айрин была первой, кто пригласил

меня потанцевать, — объявили белый танец, и мы стали двигаться, свет был приглушен, и все начали целоваться. И тут неожиданно она засунула свой язык в мой рот. Я подумал, что либо меня сейчас стошнит, либо я умру на месте. Но пока она засовывала язык ко мне в рот, она взяла мои руки и положила их к себе пониже талии. У меня возникло какое-то волнующее, щекочущее чувство, как то, что я испытал, глядя на девочку, прыгавшую через скакалку, только еще сильнее. Потом я понял, что к чему, засунул свой язык ей в рот, и она сразу застонала. Тут песня кончилась. Мы разошлись, и все направились к столу за чипсами.

Пока я размышлял над случившимся, ко мне подошли еще две девушки и пригласили на танец. Я понятия не имел, что происходит, но, оказывается, прошел слух, что я знаю толк в поцелуях, и все девочки хотели почувствовать мой язык у себя во рту. Семена того, что позже вырастет в KISS, были посеяны в этот период: телевидение, Beatles, супергерои, научная фантастика, девочки. Все американское сливалось в моем сознании в особую смесь.

Участие в группе также открывало определенные социальные возможности. Например, я не знал, что такое кантри-клуб, — мы все еще были довольно бедны. Но летом мою новую группу. Long Island Sounds, пригласили играть в разных кантри-клубах по всей округе. Мы были поражены тем, что там увидели. Каждого обслуживали по высшему разряду. Посетители брали напитки с собой в бассейн. Они ездили на хороших машинах.

После одного из танцев какая-то девочка пригласила меня вернуться в следующую субботу поплавать с ней. Я с удовольствием вернулся, и мы стали плавать вдвоем. На самом деле это был лишь повод поласкать друг друга в бассейне: наши головы торчали над водой, но тела были под водой, и мы обнимались, трогали друг друга и целовались. Ее родители находились неподалеку, но они нас не видели, а может, притворялись, что не видели. Я, видимо, очень волновался, так как вдруг почувствовал, что мне надо выпустить газы. И немало. Я думал, я хитрый 54 парень и смогу все сделать незаметно, — во всяком случае, в классе никогда не случалось, чтобы я газанул на всех парах. Я надул щеки и слегка поежился, чтобы никто ничего не заподозрил. Я думал, в бассейне будет еще проще, но почему-то логика не подсказала мне, что газ поднимется наверх. Неожиданно, словно Тварь из Черной лагуны, вода забурлила, раздался жуткий звук, и возникло чудище. Девчонка вырвалась из моих объятий и поплыла прочь. Больше я ее не видел.

Если я был не в Нью-Йорке, я был в Нью-Джерси. В том

смысле, что летом мама часто отправляла меня в летний лагерь. Дела у нее пошли в гору, потихоньку начали появляться лишние деньги, и однажды летом она объявила, что мне предстоит поехать в лагерь «Сюрпрайз-Лейк» («Озеро-сюрприз»). Главным сюрпризом в «Сюрпрайз-Лейке» стало отсутствие озера — там был один только маленький пруд. Я провел в лагере три недели, показавшиеся мне вечностью, главным образом, потому, что там не было телевизора. Для меня лагерь стал тюрьмой. Как будто вернулась иешива: все ели сообща, а за напитками надо было выстраиваться в очередь. Последнее, что меня интересовало, — это походы, а предпоследнее — спортивные игры. Однажды я сбежал из лагеря в соседний городок — кажется, Монтичелло — и купил себе комиксы «Фантастическая четверка». Они стали моей отдушиной до конца лета. Я читал и перечитывал и снова перечитывал их. В конце концов мне удалось найти себе место в кружке прикладного искусства: поскольку у них был мимеограф, я научился печатать газету.

Еще я пел на конкурсе талантов в лагере, и все бы хорошо, если бы там со мной не случилась одна из самых кошмарных

вещей в жизни. Все лагерные конкурсы юных талантов одинаковы. Кто-то танцует степ. Кто-то жонглирует. Группа подростков собирается в хор. У меня тоже был своего рода поющий ансамбль, и вот мы вышли на сцену. Поскольку лето было в самом разгаре, всюду вилась мошкара — и особенно на сцене, где стояли прожекторы. В тот самый момент, когда должен был выступать я, огни на сцене погасли, и я остался стоять в одиноком свете прожектора. Я открыл рот, чтобы сделать глубокий вдох, и заглотил гигантского мотылька, погибшего страшной смертью, извиваясь всю дорогу вниз по моему горлу. Я не мог дождаться, когда вернусь в свою комнату к своей «Фантастической четверке».

Лагерь стал первым местом, где я узнал о существовании гомосексуалистов. Туалеты были общественные, и все юноши справляли нужду бок о бок. Перегородки не предусматривались, просто один общий лоток. Рядом со мной стоял парень моего возраста. Он все смотрел на меня и на мой член и спрашивал, в каком я домике, и говорил о том, о сем и приглашал меня к себе в комнату. Я спросил: «А у тебя комиксы есть?» Вопрос застал его врасплох. Нет, комиксов нет, но зато есть он сам. «Что ж, — сказал я, — я не пойду, если тебе не нравятся комиксы. Или, может, ты знаешь, где можно посмотреть телик?» Это сбило его с толку совершенно. Телик? Зачем? «Чтобы посмотреть «Супермена»», — объяснил я. Классический пример взаимного непонимания: он хотел меня заклеить, а я хотел посмотреть

телевизор и почитать комиксы.

или помогал в мясной лавке — и копил, как сумасшедший. Я никогда не тратил ни цента и очень гордился той пачкой денег, которые мне удалось накопить. Так что работы я никогда не боялся. Я умел трудиться и зарабатывать. Но когда группа начала отнимать все больше времени, мне показалось, что я смогу сделать музыку своим профессиональным занятием. Чтобы я не натворил глупостей, мама разрешила мне заниматься группой и всем чем угодно, пока у меня есть запасной план. Она заявила, что я должен отучиться в университете и получить какое-нибудь образование на тот случай, если другие мои планы не сработают. Я никогда даже мысли не допускал, чтобы нарушить это условие. Поддержка матери была чрезвычайно важна для меня. Именно из-за нее я никогда не курил, не пил и не баловался наркотиками — ни подростком, ни в зрелом возрасте до сего дня. Из-за тех ужасов, что мама пережила в концлагерях в Европе, я всегда точно знал, что у меня нет права причинять ей боль. Она достаточно настрадалась. Поэтому, что бы я ни делал, я изо всех сил старался никак не задеть и не обидеть ее. Мама подарила мне жизнь. Самое малое, что я мог дать ей взамен, — это счастье. Хотя я и играл музыку дома и в лагере, в Куинсе и по всему Лонг-Айленду, мне не приходило в голову, что я смогу сделать карьеру в рок-группе. Я всегда работал — разносил газеты или помогал в мясной лавке – копил, как сумасшедший. Я никогда не тратил ни цента и очень гордился той пачкой денег, которые мне удалось накопить. Так что работы я никогда не боялся. Я умел трудиться и зарабатывать. Но когда группа начала отнимать все больше времени, мне показалось, что я смогу сделать музыку своим профессиональным занятием. Чтобы я не натворил глупости, мама разрешила мне заниматься группой и всем чем угодно, пока у меня есть запасной план. Она заявила, что должен отучиться в университете и получить какое-нибудь образование на тот случай, если другие мои планы не сработают. Я никогда даже мысли не допускал, что бы нарушить это условие. Поддержка матери была чрезвычайно важна для меня. Именно из-за нее я никогда не курил, пил и не баловался наркотиками – ни подростком, ни в зрелом возрасте до сего дня. Из-за тех ужасов, что мама пережила в концлагерях в Европе, я всегда точно знал, что у меня нет права причинять ей боль. Она достаточно настрадалась. Поэтому, чтобы я не делал, я из-за всех сил старался никак не задеть и не обидеть ее. Мама подарила мне жизнь. Самая малое, что я мог дать ей взамен, - это счастье.

4. «Flaming Youth», или Пламенная юность: Университетские годы 1970-1972

Я МОГ бы продолжать учебу на юго-востоке штата или остаться в Нью-Йорке, но я всю свою жизнь провел в окружении евреев и еврейских традиций. По телевизору я наблюдал просторный и разнообразный мир, где в разных уголках жили негры и христиане, которые по-разному говорили и по-разному одевались. До этого момента я ни разу не выезжал за пределы Израиля и Нью-Йорка, если не считать коротких вылазок в летний лагерь, но и там были одни евреи. Мой опыт общения с людьми другого рода, например чернокожими друзьями в шестом классе, всегда был положительным, и мне захотелось приобрести побольше такого опыта по окончании школы. Я упаковал вещи и отправился на север, в Саут-Фоллсберг, штат Нью-Йорк, где поступил в окружной колледж Салливан.

Приехав в колледж, я сразу же позаботился о том, чтобы все мои соседи по комнате были чернокожими. Мама боялась, что со мной может что-нибудь случиться, но не потому, что опасалась черных, а потому, что ей довелось пережить холокост, когда ее народ чуть не стерли с лица земли. Все чужаки казались ей опасными. Она пыталась надавить на меня — сказала, что, если я не перееду, она от меня отречется. Наконец она приехала ко мне в гости, и мы доверительно поговорили. «Мам, — сказал я, — я знаю, что ты меня любишь. И знаю, что ты пытаешься защитить меня и сделать все для моего блага. Но здесь я хочу разобраться сам». Ей было нелегко, но она разрешила мне поступить по-своему. Оказавшись в колледже, я старался побороть собственный расизм или какие-то его зачатки, проверяя, уживусь ли я с этими двумя парнями. Окажутся ли они другими просто потому, что они черные? Мы с ребятами отлично поладили. Мы ставили друг другу пластинки, проводили втроем свободное время, вместе ели. Различия были разве что культурными. Частично они состояли в речи — я не все мог разобрать в их говоре, и какие-то их общие

темы были мне совершенно непонятны. У одного из них, как оказалось, друзья-парни зарабатывали на жизнь проституцией. Мне это представлялось невероятным. Чтобы женщины платили мужчинам?

Саут-Фоллсберг — маленький городок, всего десять улиц, и в центре колледж. Прежде всего, это был колледж гостиничного бизнеса и кулинарии, куда люди приезжали со всего мира, чтобы научиться готовить и управлять ресторанными кухнями. Я же поехал туда, чтобы получить гуманитарное образование и оторваться от еврейских корней. Однако в результате я оказался в самом сердце еврейства — Катскильских горах.

Летом я стал работать спасателем в отеле «Пайнс». Плавать я научился в «Сюрпрайз-Лейке», где и получил сертификат пловца. Пройдя тест, я был принят на место спасателя в отеле «Пайнс». Там и начались мои первые сексуальные похождения, в которых я начал брать быка за рога. В отеле работала одна чернокожая горничная, которая убирала все комнаты, включая комнаты персонала, служившего в отеле. Мы жили в таких крошечных комнатах, что места хватало только для одной кровати и раковины. Как-то я собирался уходить из комнаты, и она спросила: «Вы закончили? Мне нужно здесь прибраться». Пытаясь разминуться в проходе, мы задели друг друга, наши тела соприкоснулись, и я почувствовал возбуждение и закрыл дверь. Горничная не возражала. Она была молоденькая, но все-таки старше меня. Я всегда уважал труд уборщиц, а в тот день — особенно.

Работа спасателем казалась мне простой — в бассейне олимпийского размера вряд ли придется кого-нибудь спасать. Верно? Неверно. Однажды, сидя на посту у бассейна, я увидел типичную еврейскую пару: в ней килограммов сто сорок, в нем — сорок пять, она истязает его словесными пытками, а он едва жив. По мне, так им можно было дать лет сто, хотя вряд ли им перевалило даже за сорок. Наконец жена решила окунуться. Всю дорогу до бассейна она смотрела на мужа и говорила, говорила, говорила. А он на нее даже не глядел. Наверняка он все это уже слышал миллион раз. Она нырнула в самом глубоком месте бассейна — и сразу же пошла ко дну. Я посмотрел на ее спутника, мысленно умоляя: «Господи, прошу Тебя, пусть он нырнет за своей женой!» Но он и бровью не повел. Никакой реакции. Мне пришлось прыгать в бассейн, доставать женщину, подсовывать под нее бедро — это такой прием первой помощи. Каждый шаг давался мне с невероятным трудом. Подтащив даму к краю бассейна и пытаясь приподнять ее, я решил про себя: «Ну сейчас-то он точно подойдет и поможет мне вытащить этого

двухсоткилограммового кита из бассейна». Но мужчина ничего не сделал. Когда ей наконец помогли подняться, она направилась к мужу и улеглась на соседний шезлонг. Она даже не посмотрела на него. Не начала отчитывать мужа за то, что он ей не помог. Они просто оба лежали и смотрели вдаль. Я подумал тогда, что ничего более странного в жизни не видел. Он палец о палец не ударил, чтобы ее спасти, а жена даже не упрекнула его. Вот тебе и брак.

Люди часто привозили с собой своих юных дочерей, озорных еврейских девчушек, которые ехали в «Пайнс», чтобы познакомиться с мальчиками. В выходные я работал в отеле, и в «Холи-дей инн», куда приезжали отдыхать операторы Американской телеграфной и телефонной компании, по вечерам устраивали танцы. Однажды ко мне на выходной приехал мой друг Стилен

Коронел. Мы потанцевали с девочками и сняли комнату, куда привели двух девчонок. Одна из них уснула, а другая была готова со мной порезвиться, но я увлекся каким-то фильмом. Пока я смотрел его, сидя на полу, Стив занялся моей девочкой и закончил то, что я начал. Я почувствовал, что меня лишили хорошей возможности, и немного обиделся на Стива. Но, проснувшись на следующее утро, уже после ухода девушек, Стивен пожаловался, что у него. там пощипывает. Он увел у меня девочку, зато заработал гонорею.

Студенты жили в отеле «Грин эйкес» — захудалом заведении, где пустовало слишком много номеров, чтобы отель мог обеспечить себя самостоятельно, поэтому часть номеров были переданы в пользование университету. Девушки жили в другом отеле чуть подальше. Я ухаживал там за одной красоткой. Забыл ее имя, но помню лицо. Как-то в выходной я договорился, что она придет ко мне в гости. Тогда у меня была привычка приглашать сразу несколько девушек — я думал, что большинство из них все равно не явится, а если позвать сразу несколько, то хоть одна да придет. Помимо этой красотки, я еще пригласил девушку по имени Нэнси.

В два я принял душ. Оделся. Приближался назначенный час — три часа дня. Я сидел в своей квартире в общежитии. У меня'была электроплитка. Банки с фасолью. Сладкое печенье. Словом, все, что нужно, чтобы произвести впечатление на девушку, которая впервые приходит к тебе в гости. Тут в дверь постучали. Я открыл, и это была первая девушка. Мы не тратили время зря. Мой матрас лежал на полу, и она оказалась на нем в два счета. Но в какой-то момент в дверь снова постучали. Я, наверное, не услышал стука, а если и услышал, открывать не

собирался. Дверь открыл мой сосед — на пороге стояла Нэнси, вторая девушка. Она была в таком шоке, что убежала вся в слезах. Я вскочил, натянул штаны и побежал за ней. Загнав ее в угол в комнате одного из моих друзей, я искренне перед ней извинился. Она вернулась. К тому времени другая девушка уже ушла, а слезы Нэнси обратились в страсть. В ту ночь она осталась со мной, и я лишил ее девственности.

Думаю, она была первой, кого я лишил девственности. Говорят, для девушек это очень важный момент, — у мальчиков все несколько иначе. Не помню ничего, кроме радостного волнения и непрерывного, но мягкого напора. Я чувствовал себя доктором со скальпелем — именно так приходится себя вести. Позднее той ночью я встал, чтобы сходить в туалет, и, включив свет, чуть не заработал инфаркт: все простыни были в крови. Это меня потрясло. Я решил, что Нэнси умирает. Я набрал ей горячую ванну, и мы почти всю ночь не ложились. На следующий день было воскресенье, и мы почти весь день провели, обнимаясь перед телевизором. То, что так драматически начиналось, переросло в отношения, и мы стали встречаться после занятий. Нэнси начала считать меня своим бойфрендом, и я не стал ее в этом разуверять. Но должен признаться, что, даже когда мы встречались, я ходил налево. Я посещал занятия по теологии, которые вел один епископальный священник (теология была моим профильным предметом), и однажды к нам на занятие пришла его дочь-студентка, приехавшая к отцу в гости. Я пялился на нее все занятие и в перерыве сразу же подошел к ней и спросил, надолго ли она приехала.

- Всего на неделю, — сказала она.
- Может, встретимся сегодня вечером? — предложил я.

В тот же вечер она заехала за мной на фургоне. Мы отправились на кукурузные поля и там отдавались друг другу. Но это все были сторонние проекты. Чувства каждый раз побуждали меня вернуться к моей девушке, что я и делал.

Когда пришло лето, я решил не ехать домой в Нью-Йорк, а пожить на севере штата, где я начал работать на складе «Закариан бразерзс», обеспечивавшем отели всем необходимым. Я служил мальчиком на побегушках у начальника склада. Я все еще встречался с Нэнси, и мы вместе переехали в квартиру рядом со складом. Мы жили в одном доме с Марией, лучшей подругой Нэнси, и ее бойфрендом, шеф-поваром. На его выпечке, которую он каждый день приносил домой, и на еде, которую Нэнси для меня готовила, я раздулся до ста килограммов. Мой стандартный день проходил примерно так: я просыпался, ел что-нибудь мучное на завтрак, шел в соседний дом на работу, немножко работал,

возвращался домой на обед и так далее. По выходным я репетировал со своей группой Bullfrog Beer. Отличное было время. Кругом царила суматоха — страна трещала по всем швам. Но должен сказать, на меня это практически не повлияло. Вьетнам был далеко. Я больше слышал о нем по телевизору, чем в реальной жизни. Периодически колледж закрывали, и люди выходили на уличные демонстрации. Я в них никогда не участвовал. Лично мне хотелось идти на занятия, потому что у меня был взят кредит на образование. Мне казалось, активисты мешают мне учиться. Кроме того, я сомневался, что абсолютно все демонстранты были искренне заинтересованы в политике. Протесты были скорее социальным событием, и большинство хиппи оставались всего лишь богатыми белыми детишками, которые не хотят работать.

Чудесное время — колледж: моя музыкальная карьера продвигалась, с женским полом дела тоже шли в гору. Однако, получив диплом и закончив обучение в Салливане, я вернулся в Нью-Йорк к маме и продолжил учебу в Стейтен-Айленде в колледже Ричмонд, входившем в университетскую систему города

Нью-Йорк. Я должен был закончить учебу и получить степень бакалавра, что являлось частью нашего с мамой договора. Но в душе я размышлял о том, как сделать карьеру в рок-группе.

Начиная играть, мы шли по следам музыкантов чуть старше нас, которые уже успели сделать себе имя. Первая группа Билли Джоэла, Hassles, уже приобрела известность в округе, и я их знал. Знал я и Pigeons, ставших впоследствии Vanilla Fudge. Еще я слушал Aesop's Fables и Vagrants. В целом эти группы представляли собой итальянскую версию английских команд. У них были взлохмаченные стрижки и сильный нью-йоркский акцент, и они старались не отставать от моды, диктуемой группами вроде he Who, he Kinks и he Faces. Представьте себе парня по имени Тони, который строит из себя Рода Стюарта, и вы все поймете. Как правило, участие в группе было лишь инструментом доступа к другим вещам — главным образом, девушкам. И все же мне повезло, что я играл в группах с друзьями, которые были одержимы коллекционированием пластинок. Например, Стивен скупал их как сумасшедший и слушал все подряд, от Ventures и малоизвестных групп «британского вторжения» до Митча Райдера и Detroi Wheels.

Приблизительно в то же время, в середине 1970-х, я познакомился с Полом Стэнли. Тогда его еще звали не Пол Стэнли, а Стэнли Айзен. Он вращался вокруг нью-йоркской рок-сцены в одно время со мной, стараясь сделать себе имя как гитарист и автор песен. Он даже играл в одной группе со

Стивеном Коронелом. Мы шли параллельными путями и долгое время действовали независимо друг от друга. Я выбрал стезю басиста. Бас-гитару я взял в руки в средней школе, когда стал играть в Long Island Sounds. Все остальные хотели играть на гитаре, поэтому я подумал, что неплохо бы выбрать другой инструмент, чтобы как-то выделиться. Я искал возможности для живых выступлений и писал песни, и Стэнли делал то же самое. Наши параллельные дороги даже когда-то пересекались, хотя мы узнали об этом намного позже. Так, однажды я приехал на юг штата, в Вашингтон-Хайтс, поскольку искал нового гитариста для своей группы и хотел повидаться со Стивеном Коронелом. Там же оказался парень по имени Стэнли Айзен, и Стив сказал мне, что они с ним собирают группу под названием Uncle Joe, в которой будет два гитариста и барабанщик. А когда Wicked Lester уже твердо стоял на ногах, я дал объявление, что мы ищем гитариста для записи демо-пластинки. Тот же парень, Стэнли Айзен, которому впоследствии предстояло стать Полом Стэнли, был одним из гитаристов, откликнувшихся на объявление. Но я его тогда не узнал.

Наконец мы встретились. Брук Острандер, Тони Зарелла, Стивен Коронел и я как раз начинали репетицию, когда вошел Пол. Пол был выходцем из традиционной еврейской семьи среднего класса. Его семья тоже жила в Куинсе, а его отец работал в мебельной фирме. И хотя очевидно, что у нас было довольно много общего, между нами существовали и серьезные различия. Родители Пола были очень начитанными, либеральными и хорошо ассимилировавшимися в американское общество, в то время как моя мать относилась ко всему настороженно и не так много читала. В каком-то отношении родственники Пола больше напоминали семьи моих дядей, у которых я жил после приезда в Соединенные Штаты.

Было бы приятно сказать, что мы с Полом сразу сошлись, что между нами пробежала искра вдохновения, предвестник того, что впоследствии разрастется в империю KISS. Однако на самом деле я совершенно не понравился Полу, когда мы впервые встретились на севере штата Нью-Йорк. Он счел меня грубым. Наверное, это произошло потому, что во время рукопожатия я посмотрел на него в упор и спросил: «Так ты песни пишешь? Давай-ка послушаем». Я ни в коем случае не пытался задеть Пола. Но ему так показалось. И он скривился: «Да что этот парень о себе думает?»

Мы с Полом знакомы более тридцати лет. Он стал для меня братом, которого у меня никогда не было. Так что сложновато вспомнить нашу первую встречу. Но неудивительно, что мое

поведение могло его оттолкнуть, — мой энтузиазм иногда кажется людям высокомерием. И я понимаю, почему он счел меня зазнайкой: у меня не было ни отца, ни того, кто исполнял бы его роль, ни старшего брата. Единственный человеку которого я мог черпать вдохновение, был я сам, а если не удавалось — тогда Супермен или Кинг-Конг. Во многом я заблуждался и до сих пор заблуждаюсь. Я из тех, кто смотрит в зеркало и верит, что они привлекательнее, чем есть на самом деле. Так было всегда. Благодаря этой иллюзорной самоуверенности я не переживал, когда меня бросали девушки. Я думал: «Она ничего не понимает», — и переходил к следующей. В самообмане есть свои плюсы. Когда у меня что-то получалось, я думал: «Ну вот видишь, я был прав».

Почему так? Может, потому, что я был единственным ребенком в семье. А может, потому, что мама всегда меня поддерживала и постоянно повторяла то, что родители и должны говорить детям. Мама пережила столько горестей в концлагерях, что, родив меня, каждую минуту говорила мне все те слова, которые необходимы детям: «Ты можешь стать кем захочешь. Ты лучше всех остальных. Никого не слушай». Если мне звонили, когда я был в туалете, мама брала трубку и говорила: «Король не может подойти. Он на троне». Наверное, она меня избаловала. И хотя мне это помогло, людям не всегда было со мной легко. Они не знали, к чему относиться со скепсисом, а к чему — с юмором.

Как я узнал вскоре после того, как Пол присоединился к Wicked Lester, он не так уж отличался от меня. Он сразу же стал зависать с нами, пытаясь сочинять песни и продвигать нас вверх по местной музыкальной лестнице. Но в группе существовало некоторое напряжение, особенно между Полом и Стивом. Они не ладили, и я не мог понять почему. Однажды, когда мы сидели у Стива, он вдруг повернулся к Полу и сказал: «Да ты за кого себя принимаешь? Думаешь, у тебя какая-то аура особенная?» И Пол ответил: «Да, я так думаю».

Так что называйте это как хотите — эго, аура. Думаю, требуется доля безумия, чтобы быть рок-звездой. Взгляните на животный мир. Животные убегают или прячутся, если слышат шум. Это инстинкт. Но всегда есть животные, которые остаются на месте и поднимаются в полный рост. Так делают маленькие собачонки, которые лают на более крупных собак. И неизвестно, то ли собачка чокнутая, то ли действительно думает, что она сильнее. Мы считаем ее сумасшедшей, но восхищаемся ее бесстрашием. Если подумать, любой нормальный человек должен бы до смерти бояться выходить на сцену и представать перед судом взыскательной публики. Но меня это никогда не

тревожило. Пола влекла та же цель: он всегда оставался человеком, который, несмотря на свой ум, никогда ничего не делал, если не был этим одержим. Он посещал гуманитарную спецшколу: чтобы туда поступить, нужно было хорошо сдать вступительные экзамены. А колледж он бросил, отучившись всего несколько месяцев. Это было не для него. Он любил рок-н-ролл. Поодиночке мы либо чего-то добились бы, либо сломались под грузом разочарования и неудач. Но вдвоем нас было не остановить.

Я не говорю, что успех пришел к нам сразу. Вовсе нет. Наши ранние концерты были кошмаром: ни народу, ни денег. Помню один концерте спортзале колледжа Ричмонд. Намечалась дискотека, но никто не пришел. Дождь лил не переставая, и крыша протекла. От грязного матраса на полу Пол подхватил грибок.

В другой раз мы играли на встрече еврейской общественной организации «Бенеи-Брит» в Нью-Джерси. Мы взяли напрокат молочный грузовик и ехали несколько часов — лишь для того, чтобы играть фоном, пока все эти еврейско-американские принцессы расхаживали кругом, демонстрируя новые платья. Все, чего я хотел, — это получить обещанные 150 долларов и заклеить кого-нибудь из этих девочек во время перерыва. Большого успеха мы не имели, хотя одну девушку мне все же удалось затащить в уголок, и мы потискались за кулисами. Но потом появились мама с папой, и ей пришлось уйти. Это продолжалось минут пять, но я успел попробовать ее на вкус.

Ранние трудности имели как минимум одно преимущество: они заставили нас сконцентрироваться на сочинении песен, а только это могло продвинуть нас вперед как группу. В этом смысле Wicked Lester разительно отличались от прочих групп: большинство из них все еще писали хиты в стиле ритм-н-блюз или каверы на песни Beatles, лишь изредка делая что-то оригинальное. Если публике нравилась наша музыка, нас спрашивали, что мы играем: «Это кто написал?» Мы отвечали, что пишем песни сами, и нам никто не верил.

До своей смерти Джими Хендрикс успел построить студию, названную «Electric Lady» в честь его альбома «Electric Ladyland». Она находилась в центре Нью-Йорка и являлась одной из самых продвинутых студий в мире, оборудованной по последнему слову техники и обслуживающей VIP-клиентов. Где-то в Куинсе Пол познакомился с парнем, работавшим в той студии. Его звали Рон, и он попросил Пола позвонить ему в студию и сообщить, когда мы выступаем. Пол пытался до него дозвониться, но парень так и не ответил. Пол огорчился и решил действовать более

агрессивно: он заявил секретарше, что уже несколько раз звонил Рону, и, если тот ему не перезвонит, Полу придется распустить группу, и кровь этой группы будет на руках Рона. Оказалось, что Рон, которому передали все эти сообщения, был не тем Роном, с которым познакомился Пол, а Роном Джонсоном, директором студии. Когда он подошел к телефону, мы поняли, что не можем упустить такую возможность. «У нас есть группа, — сказали мы, — действительно хорошая группа, так что приходите и убедитесь сами». Он пришел и сказал, что группы с таким потенциалом он не видел со времен hree Dog Night, гремевшей в то время. Я тогда днем работал в Пуэрто-Риканском межведомственном совете, а вечерами стоял на кассе в магазинчике на Пятнадцатой улице недалеко от площади Юнион.

Рон Джонсон решил, что хочет сделать пару демо-записей для Wicked Lester. Но к работе с нами он пока был не готов. Мы с Полом торчали в студии и участвовали в сессиях. Мы пели бэк-вокал на альбоме Линна Кристофера и других музыкантов, которые записывали собственные песни. Мы делали демо-записи и приобрели бесценный практический опыт: научились работать с микрофоном, многоканальным рекордером и прочим оборудованием. Спустя несколько месяцев Рон Джонсон выполнил обещание и начал записывать Wicked Lester, надеясь затем сбыть демо-запись рекорд-лейблам. Рону нравились наши песни. Ему нравился наш стиль. Он верил в нас. Мы же, несмотря на небольшую стажировку, понятия не имели о процессе создания записи. Мы ничего не знали. Мы проводили по пятнадцать часов в студии, практически без сна, и при этом продолжали ходить на работу или учебу. Но каким-то образом мы справились. И это чудо, потому что мы допустили все ошибки, какие только возможны. Когда записывают песню, сначала делают трек только с одним вокалом, чтобы потом без проблем наложить его на остальные треки. Но инженер, который работал в тот вечер, нажал на кнопку, которая писала звук поверх всего остального — ударных, гитар, баса. Когда мы закончили писать вокал, он заявил, что нужно переписывать всю песню.

Там же мы впервые наблюдали мыльные оперы музыкального мира. Один из инженеров, участвовавших в записи, был женат, но на стороне встречался с очень привлекательной блондинкой. Она все время проводила в студии. Однажды туда же пришла жена, и они с блондинкой чуть не выдрали друг другу все волосы. Бедный инженер метался между ними и получал удары с обеих сторон. Все выглядело очень драматично. А как-то мы были внизу, готовились к записи, и тут мимо прошла сногсшибательная девица. Я направился к ней, потому что я всегда был главным

скаутом, и убедил ее зайти в студию. Как только мы вошли, она сразу приступила к делу. Мы и моргнуть не успели, как она начала обслуживать всю группу сразу! Мы такое видали разве что в порнофильмах — любовницы, жены, женские бои и фанатки, наводняющие студию.

Мы все время проводили в «Electric Lady». Во время сессий звукозаписи мы поджимали задницы, чтобы как можно дольше не идти в туалет, — настолько нам хотелось смотреть инженеру через плечо и впитывать все, что происходит вокруг.

В результате были записаны песни «Molly», «Wha Happened in he Darkness» и «When he Bell Rings». Последний трек Рон начал продвигать, и вскоре мы получили предложение от «Epic Records». Им понравилось то, что они услышали, и нас попросили сыграть в студии CBS. Мы пришли туда, поставили усилители и ударные и со всем старанием сыграли для них наши песни. После чего сотрудники студии начали совещаться. Наконец появился один парень и сказал нам: «Группа ничего, но главный гитарист нам не нравится». А на гитаре у нас играл Стивен, мой друг детства. Мне выпала задача сказать Стивену, что он больше не может работать в группе. Думаю, мы предчувствовали, что назревает нечто подобное, но Стивен отказывался в это верить. Он считал, что его предали. Он не понимал, как я могу так с ним поступать. Объяснить было сложно, но мне удалось. Это был один из моих ранних уроков по жесткому разделению личной и профессиональной жизни в музыкальном бизнесе. Мы со Стивеном остались друзьями, но отношения были уже не те. Он, хорошо отреагировал на мою благожелательность, а она была искренней. Я пообещал ему выпустить песни, которые мы с ним написали, что я и сделал: «She» и «Goin' Blind» появились на втором альбоме KISS. За эти годы Стив собрал хорошие гонорары с этих композиций. Но на самом деле такие глубокие раны не заживают: ты добегаешь до финишной линии в гонке, которую, как тебе кажется, выигрываешь, и тут кто-то сбивает тебя с ног. Наше решение не было злонамеренным. Мы просто пытались выжить. Для группы наступил один из решающих моментов — Стивен мог бы стать участником KISS, но этому не суждено было случиться. Он основал группу под названием Lover, и, пока KISS набирала силу, я ходил на выступления Стивена в небольших клубах. Иногда мы с ним ужинали. Эти встречи всегда были интересными — он мне очень нравился как друг, хотя подводное течение горького сожаления всегда было очень сильным.

Наше решение ударило по обеим сторонам. После ухода Стива наступил затяжной период ожидания, во время которого мы собрались взять другого гитариста — парня по имени Ронни,

талантливого студийного музыканта. Мы добились того, чтобы люди из компании «Metromedia Records» приехали и послушали нас в студии. Готовясь к выступлению, мы стали расставлять аппаратуру, но Ронни по-прежнему сидел сложа руки. Мы возмутились: «Вставай и помоги нам!» На что он ответил: «Я музыкант, а не шоумен, как вы. Вы прыгаете вверх-вниз — это

штуки для цирка. А я музыкант». Понятно, что в группе он долго не продержался.

Месяцы шли, и мы с Полом поняли, что Wicked Lester разваливается. В какой-то момент мы сказали друг другу: «Знаешь что? Это все не то. Подпишем мы контракт или нет — мы должны играть ту музыку, которую хотим». В песнях Wicked Lester было слишком много трехчастных гармоний, которые звучали как попсовые Doobie Brothers, и слишком мало гитары. Мы с Полом начали писать новый материал, песни вроде «Deuce» и «Stru er», и решили создать группу, о которой всегда мечтали. Не то чтобы изменились наши вкусы, нет, — скорее мы стали смелее выражать их с помощью музыки. Помню, как я сходил на один из ранних концертов New York Dolls. Они выглядели, как звезды, и именно к этому стремились мы — стать звездами. Мы были в восторге. Едва они начали играть, мы с Полом переглянулись и решили: «Мы должны их порвать».

Изначально мы планировали уволить Тони и Брука и переделать Wicked Lester под свои интересы. Но когда мы объявили об этом остальным, они не обрадовались. В частности, наш барабанщик сказал, что никуда не уйдет и будет ждать контракта. Так что нам ничего не оставалось, кроме как уйти самим. Контракт предполагался для Wicked Lester, а не для каждого конкретного музыканта, так что мы с Полом просто ушли.

В то же время мы испытали еще один тяжелый удар по нашей зарождающейся музыкальной карьере. Мы снимали чердак на перекрестке Канал-стрит и Мотт-стрит, где репетировали и спали. Однажды мы пришли на репетицию и застыли в ужасе. Комната была пуста. Вынесли абсолютно все. Мы поверить не могли — нашу аппаратуру украли, не осталось ничего. У нас были только гитары, которые мы носили с собой, так что мы с Полом отправились на улицу и выступали там как уличные музыканты.

Я без оптимизма относился к идее группы, которая могла бы возникнуть из пепла Wicked Lester. Пол хотел сразу собирать новую команду, но я решил отправиться на север, обратно в округ Салливан, чтобы найти гитариста и собрать вокруг него группу. Я обещал позвонить Полу, когда вернусь, но он сказал: «Нет уж, я поеду р тобой». И мы автостопом направились на север. У нас

была миссия: мы искали шикарного гитариста, известного на местной салливанской сцене. В самом начале путешествия нас подобрали два чернокожих парня. Мы были одеты в мех и кожу — обычное дело для начинающих рокеров. Поначалу мы опасались, что парни нас убьют, но они оказались отличными ребятами. Мы разговорились и выяснили, что им ехать ближе, чем нам. Так что мы вышли и стали тормозить следующую машину, и это оказались две девушки на микроавтобусе «фольксваген» — не красотки, совсем наоборот, но очень милые. Они пригласили нас к себе. Жили они на ферме, и дом был жуткий — типичная ночлежка для хиппи. Мало того, что прямо в доме находилась куча собак, так в нем еще и было удушающе жарко. Сущее пекло — отопление не было отрегулировано, а на улице стояла зима.

Мы с Полом отправились спать в одну комнату, а девушки — в другую. Посреди ночи одна из них встала и пошла кормить собак, и я проснулся и увидел ее обнаженный силуэт. Я решил пойти к ней и попытать счастья, но тут Пол толкнул меня локтем. Он всегда проявлял большую осторожность в таких ситуациях, чем я. «Забудь об этом, — сказал он. — А то нас по твоей милости вытолкают на холод». И я лег обратно. Но утром девушка зашла к нам в комнату и открыла входную дверь. Холодный воздух подействовал очень ободряюще. Я подошел к двери и воспользовался случаем, чтобы рассказать девушке о том, что случилось ночью. Я объяснил: «Знаешь, прошлой ночью я проснулся, увидел тебя, почувствовал возбуждение и хотел подойти к тебе, потому что ты хорошенькая». Я долго распинался, а в конце моей речи она сказала: «Извини, подожди минутку», — залезла к себе в сумку, достала слуховой аппарат и вставила в ухо. Пришлось мне еще раз повторить всю свою длинную речь с тем же красноречием. Наконец девушка уставилась на меня, и я решил, что сейчас она скажет, что забыла включить слуховой аппарат. Но вместо этого она произнесла: «А, такты трахнуться хочешь?» Я хотел, так что мы пошли в сарай, легли на какие-то одеяла и начали знакомство. Но ее слуховой аппарат был включен, и каждый раз, когда моя голова приближалась к ее голове, я слышал фоновый шум. Поначалу я чуть в штаны не наложил от страха — хотя штаны к тому моменту уже были сняты, — было ужасно неприятно. Хотя в конце концов я привык к гудению.

Шикарного гитариста в округе Салливан мы так и не нашли. Но суть не в том. Вся поездка стала своего рода обрядом посвящения, благодаря которому мы с Полом сблизились и укрепились в желании создать лучшую группу на земле. Самые четкие очертания, как это ни иронично, начал обретать не

музыкальный аспект группы, а сопутствующий набор: шоу, костюмы, прически и так далее. Мы еще не гримировались, но уже начинали склоняться к этому, отчасти благодаря непоколебимой вере, которую мы оба разделяли, что именно за счет грима мы сможем стать заметными в мире рока. Глэм-рок тогда еще не вступил в силу, и рок-музыка по-прежнему оставалась в основном уделом хиппи, парней в джинсах и длинноволосых девчонок. Важен был не внешний вид, а музыка и отношение к ней. Мы на это не купились. До сих пор помню, что больше всего поразило меня в Beatles, когда я впервые увидел их у Эда Салливана: это была вовсе не их музыка, а сам их вид — идеально скоординированный, круче крутого. Они выглядели настоящей группой.

Даже в Wicked Lester мы экспериментировали с более театрализованными моделями рок-н-ролла. Стивен рисовал эскизы образов, которые мы для себя придумывали. Брук хотел носить шляпу гробовщика. Пол выбрал образ завзятого игрока — в ковбойской шляпе, с пистолетами и так далее. Я планировал одеваться как пещерный человек и тащить за собой свою бас-гитару. Стивен хотел быть ангелом с крыльями. Набросав эскиз, он принялся за свой костюм и даже смастерил себе ангельское одеяние с подвижными крыльями на спине. Естественно, план еще нуждался в доработке. Но мы существовали на одной волне, то есть понимали, что необходимо создавать внешний имидж группы. Мы не собирались просто стоять столбом и бренчать на гитарах. Этого было недостаточно. Мы хотели наделать шуму.

5. «Le Me Go, Rock'N'Roll», или Пустите меня в рок-н-ролл: Тяжелые времена в Нью-Йорке 1972-1973

Группа — Как пазл. Некоторые детали встают на свое место сразу же, а с некоторыми приходится помучиться. Поначалу мы с Полом смутно представляли себе, какой хотим видеть нашу группу, но со временем ориентиры стали более конкретными. Вокруг существовала масса групп, которые нам не нравились, и каждый раз, глядя на них, мы уточняли наши представления. Мы с Полом прежде всего были авторами песен и вокалистами. Мы умели играть на инструментах, но только на уровне демо-записи. Чтобы полностью реализовать свои мечты, нам требовались остальные участники группы.

После происшествия на Мотт-стрит мы нашли чердак в доме номер десять по Восточной Двадцать третьей улице. Обстановка там была прежняя — полурепетиционное-полуспальное помещение. Если мы не приводили туда девочек, то в основном сидели и думали над тем, какие нам нужны музыканты. Первым в списке был барабанщик. Однажды я увидел такое объявление в «Rolling Stone»: «Предлагается барабанщик — сделает что угодно». Я позвонил автору объявления, и, хотя у него как раз была вечеринка, он подошел к телефону. Я представился и сказал, что мы собираем группу и ищем барабанщика, а потом спросил, готов ли он сделать что угодно для этой группы. Он заявил, что готов, и немедленно.

Ответ прозвучал слишком быстро. Так что я притормозил парня. «Слушай, — сказал я. — Это специфическая группа. У нас есть совершенно четкие идеи о том, что мы хотим делать. Что если я тебя попрошу надеть женское платье на выступление?» Он прикрыл трубку рукой и повторил мой вопрос какому-то парню на заднем плане, и тот засмеялся. Я продолжал: «А если я попрошу тебя накрасить губы красной помадой или сделать макияж?» К тому моменту гости на вечеринке уже хохотали в голос. Но барабанщик заверил меня: «Без проблем». «А ты толстый? — продолжал расспрашивать я. — Носишь усы или бороду?» Потому что если да, объяснил я, то нужно их сбрить. Мы

не какие-нибудь хиппари из Сан-Франциско. Мы хотим стать большими звездами, а не середнячками вроде хиппи. Мы намерены собрать группу, о которой мир раньше и не слыхивал. Мы собираемся схватить мир за шиворот и как следует его...

Видимо, я слишком долго говорил, потому что в какой-то момент барабанщик меня остановил. «Может, придешь и посмотришь на меня? — предложил он. — Я в субботу играю в одном клубе в Бруклине».

Наступила суббота, и мы с Полом поехали через весь город в Бруклин, в один маленький итальянский клуб — здешние клиенты вполне могли бы поучаствовать в сериале «Клан Сопрано». Там было человек двадцать. Они кружили по клубу, пили пиво и смотрели на выступление трио. Басист и ударник напоминали бойцов из семьи Дженовезе*, а вот гитарист был совершенно из другой оперы: растрепанная прическа, как у Рода Стюарта в удачный день, и большой серый шарф. Он был одет лучше всех в том клубе и выглядел, как настоящая звезда.

* Нью-йоркский клан мафии.

Парни играли главным образом соул-каверы, и во время «In he Midnigh Ноиг» барабанщик запел, продемонстрировав голос в стиле Уилсона Пикета. Мы с Полом сказали себе: «Это он, наш барабанщик». Его имя было Питер Крискуола, но мы стали звать его Питер Крисе. Мы привели Питера к себе на чердак на Двадцать третьей улице и начали играть втроем. Стоял 1972 год, и теперь все завертелось: у нас были песни, которые нам нравились, да и сценический образ тоже понемногу выкристаллизовывался — мы даже начали использовать грим, хотя тогда он был еще довольно сырой.

Новая версия группы собиралась предстать перед «Epic» и проверить, заинтересуются ли они. Звукозаписывающий лейбл прислал вице-президента по поиску и продвижению новых исполнителей. Тот пришел к нам на чердак, где мы обустроили небольшой зальчик — десять рядов по четыре сиденья, — чтобы сымитировать чувство выступления перед аудиторией. Сотрудник лейбла уселся, и мы сыграли три песни, в которых были больше всего уверены: мою песню «Deuce», нашу с Полом «Stru er» и песню Пола «Firehouse». Все прошло хорошо, хотя мы не были уверены в том, что человек из компании понял, что мы собой представляем. Я выступал в форме моряка, а волосы у меня были начесаны и покрыты серебряной краской. В конце «Firehouse»у нас был задуман сценический прием: Пол хватал пожарное ведро, полное конфетти, и опрокидывал его на зрителей. Пол потянулся к ведру и хотел было направить его в сторону «зала», но тут на лице нашего зрителя отразился ужас. Очевидно, он решил, что

там вода. Сотрудник вскочил на ноги и поспешил к двери. Но чтобы до нее добраться, нужно было миновать брата Питера Крисса, торчавшего на нашем чердаке. Парень с флота, он часто коротал у нас дни и много пил. Когда вице-президент «Epic» собирался пройти мимо него, брат Питера издал булькающий звук и опорожнил свой желудок прямо на ботинки гостя. «Что ж, — пробормотал тот, направляясь к выходу, — я вам позвоню».

В тот же период мы с Полом осознали, что если мы хотим изменить группу — нанять новых участников, писать новую музыку, — то первым делом надо придумать новое имя. Однажды мы с Полом и Питером ездили по округе, размышляя о названии группы. У меня было несколько идей, например «Albatross», но они мне не нравились. В какой-то момент — мы остановились на красный свет — Пол предложил: «А может, KISS?» Мы с Питером кивнули, и все было решено. В этом названии оказался заложен глубокий смысл. Конечно, легко говорить задним числом, и многие с тех пор отмечали преимущества этого названия: как оно охватило суть тогдашнего глэм-рока, как оно идеально подходит для международного маркетинга, будучи простым словом, которое понятно по всему миру. Но нам название просто понравилось, вот и все.

Так же решительно я был настроен и в отношении изменения собственного имени. В те дни, когда я репетировал, работал и мотался туда-сюда между Куинсом и Манхэттеном, у меня была куча времени, чтобы поразмышлять над подобными вещами: как нужно назвать группу, как мы должны выглядеть и как, черт побери, провернуть такой трюк, чтобы стать величайшей группой в мире. И самое главное: подходит ли для этого имя «Джин Кляйн»?

Я решил, что не подходит. Во время очередной долгой поездки на метро я отказался от названия Sidcup Ken для группы и выбрал для себя имя Джин Симмонс. Вот так все просто. Полное самоотречение. Сегодня я Джин Кляйн. А завтра Джин Симмонс. И Джином Кляйном я уже никогда не буду.

Однако мы еще не закончили формировать группу. Нам по-прежнему требовался соло-гитарист, и мы разместили объявление в «The Village Voice». Если Питер сразу же вписался на место барабанщика, поиск гитариста оказался гораздо проблематичней. Мы проводили прослушивание за прослушиванием. Однажды к нам заявился парень в испанском одеянии в стиле фильма «Хороший, плохой, злой». С ним была жена, и, еще пока мы не начали играть, она рассказала, что ее муж — высокопрофессиональный музыкант, работавший с мастерами. Когда парень заиграл, мы услышали фламенко. Мы не могли

поверить своим ушам и велели ему прекратить. «Вот как! — Он явно обиделся. — Но это же великие традиции мастеров». «По великой традиции, — ответил я, — мы с тобой прощаемся».

Так все было. Один за другим, неудачник за неудачником. Даже победители были неудачниками. Один парень, гитарист из другой группы, реально впечатлил нас. Он был фантастическим музыкантом и отличным парнем. Но при этом чернокожим. Лично нас это не смущало, но для группы представляло большую проблему. Закончив прослушивание, которое прошло просто феноменально, мы спустились вниз, где провели спонтанное собрание группы и решили, что, как бы хорош он ни был, для нашего образа все-таки не подходит. Он черный, остальные белые, а вместе мы хотели выглядеть, как битлы на стероидах.

Я вызвался сообщить парню эту новость и не стал ходить вокруг да около. Я сказал, что он мне понравился, что было бы здорово познакомиться поближе. А потом объяснил ему, что мы не можем взять его в группу, потому что он чернокожий. Мне самому не верилось, что такие слова выходят из моих уст. Надо отдать ему должное, он все понял. Более того, он сразу поддержал мою мысль и сказал, что если бы emptations нашли великого белого певца, они никогда не взяли бы его в группу, будь он хоть настоящим гением.

Гитариста, между тем, у нас так и не было. В городе играл один парень, Боб Кулик, и он нам очень нравился. Мы практически его уже взяли и стали оглашать ему золотые правила. Первое: постоянно репетировать. Второе: никаких телефонных звонков. Пока мы говорили с Бобом, вошел парень странного вида в ботинках разного цвета: один был оранжевый, второй — красный. У нас стояли стулья, так что можно было зайти и подождать своей очереди. Не обращая никакого внимания на то, что мы все еще разговариваем с Бобом, новичок включил усилитель «Marshall» и начал играть. «Эй, — возмутился я, — ты спятил? Присядь и подожди минутку, ладно?» Но он меня будто не слышал и продолжал играть. Мы извинились перед Бобом Куликом — сказали, что перезвоним ему позже, — и подозвали нового парня. «Надеюсь, ты хоть чего-то стоишь, — сказал я, — потому что если ты отстойно играешь, то вылетишь отсюда после первых же двух нот». Парень просто уставился на меня, безо всякого вызова или сожаления. Мы дважды сыграли ему «Deuce», и на третий раз он был готов выдать соло. И все сошлось. Этот дебошир, который даже ботинки не мог найти одинаковые и которому не хватило воспитанности, чтобы дождаться очереди, — именно он нам и подошел.

● Как тебя зовут? — спросил я.

Он ответил, что его имя Пол Фрэйли.

● Что ж, — решил я, — двух Полов в группе быть не может. Тогда он повернулся и сказал:

● Называйте меня Эйсом*. И я ответил:

● А меня называйте Королем. Я не шутил. Он тоже.

* То есть тузом, лучшим.

Итак, мы превратились в четверку. И выглядели битлами на стероидах, как и мечтали мы с Полом. С самого начала это была взрывоопасная смесь. Говорят, что некоторые люди как вода и масло — так вот, мы четверо были как масло с маслом и вода с водой. Отношения между Эйсом и Питером, уязвимыми в самых разных отношениях, превратились в кошмар с самого первого дня существования группы. Мы просто хотели делать свое дело. Дружить и проводить вместе свободное время мы были не обязаны. Так было всегда и продолжается до сих пор.

Сразу стало ясно, что Эйс присоединится к группе вместе со всеми своими неприятностями: у него была очень низкая самооценка и проблемы с алкоголем. Но в действительности на заре группы сложнее всего оказалось с Питером. Главным образом нас разделял культурный барьер, и как его преодолеть, я себе не представлял. Едва познакомившись с Питером, мы сразу поняли, что с ним будет непросто. Первое, что он нам сказал, было: «Привет, я Питер Крискуола, и у меня двадцатисантиметровый член». Мы с Полом недоуменно переглянулись. Нас его заявление развеселило, но мы не знали, как к нему относиться. Понятно, что парни постоянно бравируют в мужской компании, но в половине случаев это делается с целью кого-то разозлить или рассмешить. Однако то, как произнес эту реплику Питер — его тон, его отношение, — было очень странным. То же самое произошло с Эйсом. Намечался один из наших первых концертов, фургон был загружен, и мы собирались уезжать. Но Эйс никак нам не помогал. За него все делали другие. А он в это время мочился. И вот мы ждем Эйса, грузовик светит фарами в его сторону. И тут он подходит и говорит: «Зацените, как выглядит мой член, когда он не возбужден». Он хотел продемонстрировать нам свою длину.

Мы с Полом довольно быстро осознали, что столкнулись с двумя типами людей, опыта общения с которыми у нас нет. Они пили и любили жестокость. Есть такой романтический персонаж в итальянских кварталах — парень вне закона: либо местный разбойник, либо мафиози. Именно он считается героем, иконой икон, а вовсе не Микеланджело и не да Винчи. Питер вышел

именно из такой среды. Мы оба провели какую-то часть жизни в Уильямсбурге. Я был защищен от округи иешивой, а Питер шлялся по улицам и отбирал у детей мелочь. И он это обожал, потому что считал частью своего итальянского имиджа. Сама мысль о том, чтобы еврейский ребенок подбежал к ребенку и потребовал денег, абсурдна. Нас не этому учат. Я помню, что в возрасте лет десяти мне иногда приходилось убегать от уличных мальчишек под прикрытие безопасной иешивы. Питер любил шутить, что он вполне мог бы оказаться одним из тех мальчишек, что гонялись за евреями. А вот еще одна иллюстрация различий между двумя культурами — одна старая шутка. В чем разница между еврейской матерью и итальянской? Итальянская мать говорит своим детям: «Если вы не сделаете то, что я вам говорю, я вас убью». А еврейская говорит так: «Если вы не сделаете то, что я вам говорю, я убью себя».

После одного из наших концертов мы с Полом поехали отвозить молочный фургон обратно в автопрокат. Питер отправился домой. А Эйса нигде не было видно, потому что он никогда не помогал нам ни загружаться, ни разгружаться. Закончив работу, мы с Полом договорились встретиться в два или три часа ночи в Китайском квартале, где Питер отмечал свой день рождения. Собрались его жена Лидия и их друзья, а сам Питер сидел во главе стола, возвышаясь над толпой. И вот входим мы с Полом, вылитые придурки. На лицах у нас все еще оставались следы грима. Мы тогда не пользовались средством для снятия макияжа, а смывали краску мылом. К тому же мы опоздали и пришли уставшие. Мы просто хотели поесть риса и посидеть в компании. Питер подозвал официанта, тот вышел из кухни и спросил, чего мы хотим. И вдруг Питер начал издеваться над официантом, передразнивая его китайскую речь.

— Чего вы так хреново говорите? — возмущался он.

Нам с Полом было ужасно неловко.

● Пожалуйста, прекрати, — сказали мы. — Он просто пытается принять заказ.

Питер взорвался.

● Да пошли вы, — закричал он. — Если вам не нравится, как я разговариваю, то проваливайте отсюда нахрен!

Скорее всего он был немного пьян, по крайней мере мне хочется так думать. Мы ответили:

● Хорошо, если хочешь, мы уйдем.

● Погодите, — отозвался Питер. — Если вы сейчас уйдете, я уйду из группы.

Мы с Полом обменялись взглядом, пожали плечами и пошли к двери. Питер начал орать на нас. Однако Лидия образумила его,

и через две недели он вернулся. В этой наигранной браваде был весь Питер. Громче всех лают самые мелкие собаки.

Мы поняли, что Питер просто хочет быть в центре происходящего. Каждую неудачу он воспринимал очень тяжело и близко к сердцу. Его лучшим другом был Джерри Нолан, который потом стал барабанщиком в New York Dolls. Старый их барабанщик умер от передозировки героина, и, когда группа стала искать нового барабанщика, Питер надеялся занять его место. Но ничего не вышло, и он тяжело переживал это разочарование. Когда мы готовились к выступлению в отеле «Дипломат», нашему первому серьезному концерту, Питер впал в депрессию и опять угрожал уйти из группы.

Пол и я собрали военный совет и решили, что нужно изо всех сил постараться сохранить группу — по крайней мере, пока мы не подпишем контракт со звукозаписывающим лейблом. Ну а если дела не наладятся и дальше, мы всегда можем отпустить Питера и найти другого барабанщика. Соображения были чисто прагматическими. Мы ломали голову над тем, как улучшить Питеру настроение, и наконец я кое-что придумал. Прямо перед концертом, когда мы уже все были внутри и при полном гриме, Питер опять начал хандрить. «Не знаю, — ныл он. — Не хочется мне играть. Вообще не знаю, чем я хочу заниматься в жизни».

И тут из-за угла выехал стретч-лимузин «мерседес-бенц» и, доехав до нас, остановился. Мы с Полом повернулись к Питеру и сказали: «Это тебе». Зная, что Питер подавлен, мы решили взять для него лимузин в прокат.

Уловка сработала как по волшебству. Лицо его просияло. «Теперь я чувствую себя звездой, — заявил он. — Пойдемте надерем им задницы».

Мы погрузились в лимузин все вчетвером, с гитарами и девочками. Это было похоже на старые университетские деньки, когда все шутки ради забивались в одну телефонную будку. Мы едва могли дышать. Но зато мы ехали в стильной тачке. На этом все тогда и держалось: едва корабль начинал тонуть, мы с Полом закрывали прореху и продолжали грести.

Мы хотели, чтобы все в группе пели и сочиняли песни. Мы хотели, чтобы каждый участник стал звездой. Мы хотели быть как Beatles, только еще лучше, потому что мы были выше ростом и не походили на маленьких мальчиков. На одной из ранних фотографий того времени на нас полуженские наряды и очень яркий грим. Но с течением времени глэм получал все большее распространение, и мы начали переосмысливать свою страсть к переодеваниям и макияжу.

Первое, что мы сделали, — это перешли на чисто черные

костюмы. Прежде я никогда не видел группу, одетую во все черное. Создавая более зрелый стиль KISS, мы делали то, до чего раньше никто в рок-н-ролле не додумался. Например, идея большого щита с названием группы на сцене, которая впоследствии стала клише для практически всех групп хеви-метала, пришла от KISS. До нас ни одна группа не использовала огромных сияющих логотипов, как в Лас-Вегасе. И мы именно к этому и стремились. Когда другие группы выходили на сцену, зрители не знали, кто они. Никаких опознавательных знаков не существовало. Иногда название писали на барабанах, но даже это было редкостью. С самого начала мы стремились стать круче остальных, грандиознее, эксцентричнее.

Мы также начали более вдумчиво относиться к макияжу и особенно к идее создания персонажа для каждого участника группы. Позднее мы побывали в Японии, где местные репортеры спросили, не обязан ли наш макияж идеей японскому стилю кабуки. На самом деле мой грим был вдохновлен крыльями Черного Грома, героя комикса «Нелюди» издательства «Marvel». В сапогах проскальзывало что-то отдаленно японское, хотя их я взял из «Горго» или «Годзиллы», а все остальное заимствовалось из «Бэтмена» и «Призрака оперы», из всех комиксов и всей фантастики и фэнтези, которую я когда-либо читал и которую любил с детства. Пока KISS обживались в своей новой коже, мы увидели, насколько мощен наш новый сценический образ и как далеко он ушел за пределы глэм-рока, который уже начинал исчерпывать себя.

Первый официальный концерт KISS, который мне удалось организовать, состоялся в роли не KISS, а Wicked Lester. Поначалу мне приходилось прикладывать невероятные усилия, чтобы устроить нам выступления. Иногда я буквально ходил от двери к двери, стучась и ожидая, пока выйдет менеджер, чтобы попытаться убедить его нанять нас. В Астории, микрорайоне Куинса, был ночной клуб «Conventry» (бывший «Popcorn»), и мне удалось договориться там о выступлениях Wicked Lester. Правда, не в выходные, а на неделе — во вторник, среду и четверг, когда публика там практически отсутствовала. Мы предоставили клубу афишу с нашим изображением, а к тому моменту мы уже решили переродиться в KISS, отчасти благодаря решению «Epic» не браться за Wicked Lester. Я очень ясно помню, что, когда нашу афишу повесили у входа в клуб, Эйс взял маркер и написал наше новое название прямо на плакате. Сделал он это довольно небрежно, но подпись все-таки напоминала наш логотип, с двумя буквами «S» в виде молний в конце слова. Впрочем, смена названия никак не сказалась на выступлении, куда пришли

человека три: жена Питера Лидия и моя девушка Джен с подругой. Но все же это было выступление, и за ним последовали другие, включая концерт в клубе «Daisy» в Эмитивилле. Эти шоу прошли с аншлагом, но в основном потому, что состоялись в клубах-барах с дешевым пивом, куда ходили байкеры. В таких местах можно было увидеть беременную женщину с напитком в одной руке и сигаретой — в другой. Но нас не волновало, где мы играем и сколько приходит народу. Мы были на седьмом небе.

Пока формировалась группа, я успел поработать во всевозможных случайных местах. В школе я научился печатать и в колледже даже начал небольшой бизнес, печатая курсовики по пятьдесят центов за страницу. Вернувшись после колледжа в Нью-Йорк и начав собирать группу, я пошел работать в «Келли герлз», ставшее впоследствии агентством «Келли», поставляющим временных секретарей и машинисток в фирмы по всему городу. Работа была достойная, и к тому же отличный способ знакомиться с девушками, так как парней там почти не наблюдалось. Благодаря «Келли» я в итоге получил место в журнале

«Гламур» и за несколько недель стал незаменимым: не только потому, что мог печатать девяносто слов в минуту, но и потому, что умел чинить такие аппараты, как гектограф и мимеограф. Вскоре из «Гламура» я перешел в «Вог», где работал помощником редактора Кейт Ллойд. Это продолжалось около шести месяцев, и одновременно с этим я трудился кассиром в мини-мар-кете. Из-за всех этих работ я не мог приходить на репетиции раньше девяти-десяти вечера, но все равно приходил, и мы играли до двух ночи. Я никогда не отдыхал. Мне настолько не хватало времени, что я перевез свою кровать и телевизор на наш чердак, чтобы поутру не нужно было ехать на работу час на метро. Я всегда работал, и мне часто приходилось платить за комнату или одалживать ребятам деньги на еду или транспорт.

Моя социальная жизнь тоже начала вращаться вокруг нашего чердака, потому что я привык приглашать туда девушек после репетиций и оставлять их на ночь. Не каждая осмеливалась навестить дом номер десять по Восточной Двадцать третьей, приходили лишь самые отважные, ведь там была настоящая дыра. Окна отсутствовали. Для звукоизоляции мы обклеили стены от пола до потолка ячейками из-под яиц. В некоторых ячейках прилипла скорлупа разбитых яиц — раздолье тараканам. Их даже было слышно: «топ-топ-топ» — шебуршали маленькие ножки. Однажды, когда я погасил свет, голая девушка, уже сидя на мне верхом, вдруг издала душераздирающий вопль. Видимо, что-то проползло по ней, поскольку она вскочила, впечаталась в стену и

упала в кромешной темноте. Когда я включил свет, девушка истерично прыгала по кровати, так как боялась ступить голыми ногами на пол. «Подай мою одежду! — вопила она. — Подай мне одежду. У меня что-то по спине проползло». Больше я ее не видел.

Закончив колледж и получив диплом, я шесть месяцев проработал учителем в испанском Гарлеме. Во многом это был отличный опыт, а во многом — не очень приятный, но долго моя служба не продлилась. Потом я начал работать в Пуэрториканском межведомственном совете ассистентом директора по правительственному исследовательско-демонстрационно-му проекту под названием «Улучшение обслуживания пуэрториканцев на северо-востоке США и в Пуэрто-Рико». Цель проекта состояла в отслеживании правительственных фондов и их движения через федеральные и региональные власти, чтобы определить, доходят ли деньги до пуэрто-риканского населения. В соответствии с правительственным указом, я был взят туда на работу как непуэрто-риканец. Но директору я так понравился, что я мог делать что угодно. Я уже говорил, что умел пользоваться мимеографом и гектографом. Я приходил в офис даже после закрытия и на выходных, чтобы разослать наше портфолио. Я создал его с помощью печатной машинки, макетов и шаблонов, а Питер знал, где в городе можно найти принтер. Эйс не делал ничего. Так нам удалось скомпоновать очень профессиональный промо-пакет с нашей фотографией, биографией и всем остальным. Я раздобыл новогодние выпуски музыкальных журналов «Billboard», «Record World » и «Cash Box» и отыскал там огромный список директоров и менеджеров звукозаписывающих компаний, а также музыкальных репортеров и тому подобное. И стал рассылать им наше портфолио. Я, наверное, разослал тысячу портфолио всем-всем-всем, включая родственников сотрудников компаний, и люди нам отвечали. Потому что тогда профессиональное портфолио не было обычным делом. Это теперь оно есть у каждой группы. А в те дни это было неслыханно.

На каждой своей работе я чему-то учился. Когда я преподавал, я узнал, как люди воспринимают новую информацию и какая информация их привлекает. Работая в Межведомственном совете, я понял, как важно уметь профессионально презентовать себя. До того как группа начала свою деятельность, я работал в агентстве «Директ мейл» — компании, куда люди шлют свои жалобы на рассылку рекламы. Агентство составляет списки таких людей и направляет в компании, занимающиеся рассылкой рекламы, чтобы они экономили свои деньги и ничего не высылали людям, которые зарекомендовали себя как

равнодушные потребители. То есть они помогают рекламщикам лучше узнать рынок.

Мы были готовы к прорыву — все, чего мы ждали, — это последнего решающего везения. Мы с Полом запланировали концерт «Пятница. Тринадцатое» в отеле «Дипломат» на Западной Сорок третьей улице, всего в квартале от станции метро «Сорок вторая улица». Это был никудышный отель с отличным танцевальным залом. На местной арене нас никто не знал — пока все остальные группы устраивали турне по клубам, мы сидели на чердаке и репетировали. Поэтому нам необходимо было сделать концерт настоящим событием. Мы с Полом договорились с Brats, крупной местной группой, которая запросто могла собрать триста зрителей на любой площадке. Они выглядели как увеличенные итальянские копии Faces, помесь стиляг с мафиози. Мы встретились с музыкантами и предложили им выступить ровно в одиннадцать вечера, причем заплатили им немалые деньги — 350 долларов. Другая местная группа, Luger, у которой фанатов было поменьше, выступала в восемь за 150 долларов. Потом мы дали объявление в газету и напечатали флаеры. В сумме мы заплатили около 1000 долларов. Расчет был человек на семьсот пятьдесят или даже тысячу, и каждый платил четыре доллара за билет. Поскольку мы почти все организовали сами, то рассчитывали неплохо заработать на этом концерте. Но деньги были не главным бонусом.

Я где-то читал, что менеджер Элвиса, «Полковник» Том Паркер, запретил показывать задницу Элвиса по телевидению. Решение приняли не телеканалы, а сам Паркер. Он хотел создать вокруг своего подопечного шумиху и поэтому манипулировал СМИ и аудиторией. Мы пытались сделать нечто похожее. Самостоятельно KISS не продали бы ни одного билета. А вместе с другими группами — пожалуйста. Я не был юристом, и мы не могли себе его позволить, но я составил и напечатал контракты, ограничивающие действия групп-участников и предписывающие, в какое именно время они должны появиться на сцене, так чтобы весь зал был в нашем распоряжении в самый выгодный промежуток. Отпечатанные приглашения гласили: «Мастера хеви-метала: KISS», — и рассылались вместе с дополнительными билетами, пропусками за сцену и тому подобным. Согласно приглашениям, мы должны были выступать в полдесятого. Мы надеялись, что сотрудники звукозаписывающих компаний не смогут понять, на кого толпа явилась посмотреть — на Brats и Luger или все-таки на нас.

Потом мы перешли ко второму этапу нашего плана. Мы

заполнили передний ряд нашими сестрами и девушками в самодельных футболках KISS. Пол и Питер целую ночь поливали футболки клеем с блестками через трафарет KISS — надеть такую футболку можно было раза три, не больше. Эйс, как обычно, ничего не сделал. Так вот, весь первый ряд был забит девчонками в этих черных футболках с надписью «KISS».

Зал заполнился сотрудниками звукозаписывающих лейблов, продюсерами и всеми, кем только можно, включая Билла Окойна, продюсера передачи «FLipside» и игрового телешоу «Чистка супермаркета». Пока не появились MTV и все остальное, «FLipside» был настоящим прорывом в телетрансляции

популярной музыки. Приехав в «Дипломат», он увидел бешеную тысячную толпу, включая девушек в переднем ряду и группу, вышедшую на сцену ровно в девять тридцать при полном гриме и с высунутыми языками. Представьте себе эффект.

К тому времени мы уже сделали несколько самостоятельных записей. Рон Джонсон из «Electric Lady» остался должен нам денег за те сессии, над которыми мы работали, и спросил, хотим ли мы получить наличные или записать на эту сумму демо нашей новой группы. Мы с Полом уцепились за предложение сделать демо-запись — при условии, что мы будем работать с Эдди Крамером. Эдди был инженером у Led Zeppelin, Джими Хендрикса, Humble Pie и многих других именитых рокеров. Он уже сделал себе имя. И помог нам записать наши пять песен. Теперь у нас была профессиональная запись плюс выступление. Если бы Билл Окойн и прочие деятели подошли к нам и сказали: «Вы нас заинтересовали, можно услышать запись?» — мы выложили бы ее перед ними на стол и они бы обалдели. Наша запись звучала как настоящая пластинка, и была у нас с собой на концерте в «Дипломате».

Когда Билл Окойн подошел ко мне после концерта, я все еще был в гриме, а на коленях у меня сидела одна из моих подружек. Она думала, я с ней просто флиртую, но я-то знал, что блюдо надо подавать с гарниром — иначе я выглядел бы недостаточно хорошо. Так что пока Окойн со мной говорил, я был загримирован и держал на коленках девушку в футболке KISS, что-то воркующую мне на ухо. Билл Окойн не знал, что с этой девушкой я уже давно знаком. Ему и не надо было знать.

Окойн спросил, есть ли у нас контракт с менеджером. Я сказал, что нет. Мы были очень наивны — оказалось, что наш договор с Роном Джонсоном тоже считается полноценным контрактом. Но нам повезло, потому что тот договор как раз истек. Мы были свободны и готовы подписать контракт с Окойном, что мы и сделали. Через Билла мы познакомились с

парнем по имени Шон Делейни, который сильно повлиял на раннее развитие группы. Шон был довольно молодым парнем, который сам пытался сделать карьеру в рок-н-ролле, собрав группу Sca Brothers. Sca Brothers так ничего и не добились, и Шон стал работать в менеджментской компании Билла Окойна «Rock Steady». Мы с Полом думали, что хорошо знаем, какой должны быть KISS. Но мы не знали самого главного: как сделать из нашей мечты карьеру. Тогда-то в дело и вступили Билл и Шон. Без них мы остались бы просто молодой группой, чей энтузиазм позволил бы ей держаться на плаву какое-то время. Но с ними нам было суждено стать суперзвездами.

6. «Nothin' o Lose», или Нечего терять: Рождение KISS 1973-1974

Группа была создана по принципу демократии, тут мы следовали примеру Beatles. Но, как и в случае Beatles, было ясно, что у руля находимся мы с Полом как авторы песен, а Эйс и Питер тянутся сзади.

Мы с Полом едва ли считали себя лидерами. Когда мы познакомились с Биллом Окойном, тот посоветовал делить всю прибыль на четверых. Билл считал, что избежать конфликтов можно, только деля деньги поровну. Лучше так, чем ссориться из-за того, кому сколько достанется. К тому же если все пойдет по плану, денег должно было хватить на всех в избытке. Мы последовали совету Билла. Все решения мы всегда принимали демократично, хотя и не всегда следуя логике. Если мы с Полом чего-то хотели, а Эйс и Питер были против, мы попадали в тупик. Чтобы добиться своего, нам приходилось обрабатывать их психологически, и они часто чувствовали, будто их прессуют. Возможно, так это и выглядело со стороны, но, если честно, Эйс и Питер просто были не в состоянии принимать решения, которые касались организационных вопросов группы. Они не тратили время на обдумывание.

Например, мы могли собраться и обсудить гастроли или фотосессию, а на следующий день Питер подходил ко мне и спрашивал: «Джин, а когда мы будем гастроли обсуждать?» Я отвечал: «Так мы же вчера говорили, и ты при этом присутствовал». «Ах да, — вспоминал он. — Но я ни слова не понял».

В этом отношении мы с Полом больше походили на Билла. Кстати, я не сразу понял, что Билл — гей. Пол знал с самого начала, а я не сообразил. Пол как-то спросил, не имею ли я чего против менеджера с нетрадиционной ориентацией, и я ответил: «Нет. А почему ты спрашиваешь?» То есть у меня даже мысли такой не возникло. Внешность и стиль Билла полностью соответствовали корпоративной среде. Он носил костюмы и галстуки и умел себя преподнести. Периодически он появлялся на людях с

какой-нибудь красивой блондинкой. В нем не было ни капли эпатажного гомосексуализма. Со временем я понял, что он немного другой, но я никогда не возражал против этого. Он справлялся со своей работой, группа была в центре его внимания. И только это имело значение. Тогда же мы познакомились с Джойс Биавитц, нашим вторым менеджером и напарником Билла. Позднее она вышла замуж за Нила Богарта. Женщина-ураган.

Когда нам были предоставлены внимание Билла и помощь Шона, мы за три недели перешли из небытия — вспомните концерт «Пятница. Тринадцатое» в отеле «Дипломат» — к сделке со звукозаписывающим лейблом. Тут в игру и вступил Нил Богарт.

Нил Богарт, урожденный Нил Богатц, вырос в бедной еврейской семье в неблагополучном квартале Бруклина. Он всегда хотел работать в шоу-бизнесе и, окончив школу сценических искусств — ту самую, которую показывают в фильме «Слава», — подрабатывал певцом на круизных лайнерах и актером. Вернувшись в конце концов в Нью-Йорк, он стал работать в агентстве по трудоустройству. Вскоре он попал в музыкальный бизнес — сначала в качестве промоутера в «MGM Records», потом в «Cameo-Parkway» и в «Buddah». Тогда он еще был совсем молоденький, лет двадцать пять. В «Buddah» он начинал с раскрутки попсовых баблгам-групп вроде Ohio Express, записавших Yummy Yummy Yummy» и «Chewy Chewy». В 1973-м с помощью Мо Остина из «Wamer Bros.» Нил открыл собственный лейбл.

Узнав об этом, Билл сразу же отправил нашу демо-запись Нилу. Кении Кернер и Ричи Вайз, популярная продюсерская команда, работавшая над известными рок-н-ролльными композициями вроде «Brother Louie» группы Stories и «Imagination» группы Gladys Knigh and he Pips, услышали запись и сообщили, что с удовольствием займутся продюсированием KISS. Благодаря их и нашему энтузиазму, Нил подписал договор, даже не встретившись с нами. Однако Билл объяснил ему, что тот должен увидеть группу вживую, поскольку концертное шоу является нашей неотъемлемой частью, так что в конце концов Нилу пришлось согласиться на наше выступление в студии «LaTang Studios», на углу Пятьдесят четвертой улицы и Седьмой авеню.

Это была маленькая комната где-то с двадцатью зрителями, но мы все равно были в гриме и играли в полную силу. Мы буквально оглушили присутствующих. Выступление получилось совершенно безумное. В какой-то момент я соскочил со сцены, подбежал к Нилу и заставил его хлопать в ладоши. Он, наверное,

страшно перепугался, потому что на каблуках я был метра два ростом, а он — всего метр семьдесят. В конце выступления Нил был переполнен эмоциями и буквально измотан. Его беспокоили две вещи. Во-первых, он опасался, что грим может помешать успеху группы. Он был уверен, что эра глэма закончилась. А если говорить точнее, он беспокоился, что мы слишком женоподобны, особенно Пол. Мы поговорили с ним и объяснили свое видение группы, которая должна выйти за границы глэма и стать чем-то иным. Что касается женоподобности, мы считали, что наш внешний образ соответствует нашему мироощущению, и к гомосексуализму он не имеет никакого отношения. Невероятно, но нашим главным преимуществом было то, что мы воспринимали свой внешний вид всерьез. Супермен носит колготки и накидку, и никто не сомневается в его ориентации, потому что его костюм не воспринимается как нечто женоподобное или смешное — просто супергерои так одеваются. Это объяснение, кажется, удовлетворило Нила.

Потом мы заговорили с ним о его новом лейбле.

● Он будет называться «Emerald City» («Изумрудный город»), — поделился он.

Я сказал, что мне не нравится это название и посоветовал его сменить. Я — парень, который еще ни одной песни не выпустил, — заявил президенту нового лейбла, что мне не нравится имя его компании.

Нил был поражен:

● Не нравится?

● Нет, — подтвердил я. — Я играю в рок-группе. А название лейбла напоминает о сказочке про волшебника страны Оз.

● Да нет же, — возразил он. — Здесь речь о магии.

● Лично я, думая об Изумрудном городе, вспоминаю девочку в исполнении Джуди Гарленд, которая шагает по дороге из желтого кирпича.

В результате он сменил название на «Casablanca».

Нил привык работать с хитами и обладал особым менталитетом, необходимым для шоу-бизнеса. Квалификации для принятия музыкальных решений ему не хватало — в сущности, у него и музыкального слуха-то не было, — и он никогда не интересовался чисто музыкой. Его привлекали новые концепции, и он оказал на нашу карьеру огромное влияние. Кто-нибудь другой пожелал бы выпускать синглы с каждого альбома KISS — в соответствии с ведущими принципами бизнеса. Но для нас самым главным было стабильное развитие (благодаря чему, возможно, мы и стали одной из величайших групп в истории — сразу за

Beatles по количеству золотых альбомов, но без единого сингла или альбома номер один за всю карьеру). Чарт «Billboard» — хороший индикатор того, чего наша пластинка могла достичь всего за одну неделю. Некоторые мгновенно взлетают до первой строчки, а на следующей неделе пропадают из виду. Нил же требовал от нас постоянного результата. Конечно, он заставлял нас возвращаться в студию и записывать новые альбомы, чтобы наше имя не пропадало с магазинных полок. Конечно, он требовал от нас хитов. Но при этом позволял группе двигаться с ее собственной скоростью, так, чтобы мы не превращались в марафонцев. Тот, кто бежит быстрее всех, не обязательно выигрывает. Выигрывает тот, кто сохраняет стабильную скорость.

Если с Нилом наша карьера оказалась в хороших руках, то с Биллом Окойном она была в руках отличных. Репетировали мы в центре города на чердаке с крысами, который для нас подыскал Билл. Он был очень предусмотрительным. До этого Окойн работал режиссером и продюсером на телевидении и делал свое шоу «Flipside». Они с Шоном Делейни раздобыли видеокамеру, чтобы показать, как мы смотримся на выступлениях. Поначалу мы сопротивлялись. Как-то глупо — зачем сниматься просто так? Но видео стало настоящим откровением. Наконец увидев себя со стороны, мы подумали: «Ух ты, выглядит круто!» Помню, как после просмотра мы сидели в тишине и переживали это потрясение. Кроме того, Билл приставил к нам Шона Делейни в качестве своего рода тренера, это произошло еще в самом начале. Мы репетировали свое шоу, а он стоял в стороне и периодически нас останавливал. Не помню, помогал ли он нам с хореографией или просто наблюдал и отмечал, что хорошо, а что плохо, но мы всегда открыто делились мнениями, и если он что-то предлагал, то всегда мог показать нам на пленке, что именно он имеет в виду. Мы видели, как наша группа приобретает все более четкие очертания, а наша уверенность в себе растет не по дням, а по часам. Мы знали, что участвуем в чем-то совершенно необыкновенном.

Как мы это поняли? Наблюдая за другими музыкантами и осознавая, что мы можем их превзойти. Мы с Полом ходили на концерты многих групп, но не в качестве обычных фанатов, а для самообразования. Если группа использовала определенное освещение или особые декорации, мы брали это на заметку и обещали себе сделать так же, но лучше. Однажды мы побывали на концерте he Who. Мы отправились в Филадельфию, чтобы посмотреть концерт их тура в поддержку альбома «Quadrophenia». На разогреве были Lynyrd Skynyrd, и во время их выступления зрители разговаривали и ходили по залу. Зато когда вышли he

Who, толпа подскочила и начала потрясать в воздухе кулаками. Мы с Полом тоже поднялись, но в основном из уважения к успеху группы. Если честно, мы беззастенчиво считали, что можем лучше. Да что там, мы просто знали, что можем лучше. Группы, которые поражали нас своей оригинальностью, не обязательно оказывались самыми популярными. Например, одной из групп, к которой мы обращались снова и снова, была SLade — британские глэм-рокеры, выпустившие такие хиты, как «Cum on Feel he Noize» и «Mata Weer All Crazee Now». Нам нравилось, как они общаются с публикой и как пишут гимны. Но мы знали, что в Америке им ничего не светит: они были чересчур британцами. К тому же вокалист Нодди Холдер был из Уэльса, и понять его акцент было очень сложно. Мы хотели той же энергии, той же притягательной простоты, но только по высшему американскому классу.

Первый альбом KISS был записан в сентябре 1973 года в студии «BellSound», располагавшейся на углу Пятьдесят четвертой улицы и Бродвея, не в самой престижной части Нью-Йорка. Студия была убогой и грязной, но зато рядом с метро. Хотя в «Bell Sound» стояло отличное оборудование — для звукозаписи на двадцать четыре канала, — атмосфера здесь царила совсем иная, чем в «Electric Lady». Та студия, построенная Джими Хендриксом и оберегаемая профессиональными музыкантами, предназначалась для знатоков. А «BellSound» являлась коммерческим предприятием, где постоянно записывались самые разные люди.

Мы сразу приступили к работе. Нам с Полом было особенно интересно наблюдать за процессом и учиться тому, как создается пластинка. Наши продюсеры Ричи Вайз и Кении Кернер работали с нами на первых двух альбомах и оказались прекрасными учителями: толковыми, профессиональными и четко понимающими цель, а именно: перенести энергию живого выступления на виниловый диск. Если и были какие-то сложности, я их не помню, потому что меня переполняли эмоции, ведь мы записывали настоящий альбом. Самым странным ощущением для меня стала тогда перемена в моем рабочем графике. Я привык каждый день ходить на работу в «Вог» или в Пуэрто-Риканский межведомственный совет — просыпался в шесть или семь и ехал в центр на метро. Когда мы начали записывать альбом, я мог спать до одиннадцати, неторопливо позавтракать, а потом отправляться в студию. Понятно, что я застревал там до поздней ночи, но мне казалось тогда, что время остановилось.

Студийная работа завершилась быстро. KISS работала тогда

так же, как и всегда: сначала писались ритм-треки, а позднее накладывался вокал. Песни, с которыми мы тогда пришли в студию, включали переработанный материал периода Wicked Lester и новые композиции. Тот первый альбом хорошо выдержал испытание временем, и в основном потому, что песни были действительно сильные: «Firehouse», «Stru er», «Deuce», «Cold Gin» и «BLack Diamond» — как ни удивительно, все они стали результатом одних и тех же звукозаписывающих сессий.

Когда работа над пластинкой была закончена, мы стали делать фото для обложки. Наш имидж был для нас чрезвычайно важен, и мы хотели все сделать правильно. Наш лейбл свел нас с Джоэлом Бродски, очень уважаемым рок-фотографом, который делал снимки десятков разных исполнителей и групп, включая Лесли Уэста, he Nazz, Gladys Knigh and he Pips, Карли Саймон и Ohio Players. Наибольшую известность он приобрел благодаря обложке альбома «Strange Days» группы he Doors — сюрреалистичный, бурлескный снимок с силачом и карликом. У Бродски была своя студия в центре Манхэттена, и мы приехали к нему пораньше, чтобы успеть нанести грим.

Уже войдя в студию, мы поняли, что все будет не так, как мы к тому привыкли. Во-первых, мы всегда делали макияж сами, но тут нам наняли гримеров. Поэтому макияж Питера на том первом альбоме так отличается оттого, каким он станет впоследствии. Но это мелочи. Когда мы были готовы, Бродски поставил нас перед камерой и задрапировал черной тканью так, чтобы видны были одни головы. Он сделал это намеренно: мы назвали это эффектом обложки «Mee he Beatles» — только четыре головы, выглядывающие из темноты.

Затем Бродски спросил, кто из нас будет держать воздушные шарики. Мы не сразу его поняли, и тогда он пояснил задумку. «Все же ясно, — сказал он. — Вы клоуны. Пойду принесу шариков». Нам пришлось долго объяснять ему, что мы все делаем на полном серьезе. Понятно, почему он смутился, — до того момента не существовало популярных групп, выступавших в гриме. Макияж использовали Элис Купер да эксцентричные группы вроде Wizzard Роя Вуда и Crazy World of Arthur Brown Артура Брауна. Но настоящая рок-группа из четырех парней в гриме — такого еще не случалось. У нас было больше общего с кинематографом и Лас-Вегасом, чем с рок-н-роллом. Но мы убедили Джоэла Бродски в своей серьезности.

Альбом был записан, обложка — готова. Тогда Богарту пришла в голову идея, что барабаны должны магически парить в воздухе, а кто-нибудь из нас будет изрыгать огонь. Мы собрались в офисе Окойна, и там один фокусник показал нам, как изрыгать

огонь. Нас спросили, кто хочет делать это во время концерта. Никто не пошевелился, и только я с удивлением заметил, что моя правая рука поднялась в воздух. Парни были рады, что вызвался именно я.

Теперь нам оставалось только ждать и давать как можно больше концертов. Мы присоединились к программе большого новогоднего шоу в Музыкальной академии, превратившейся впоследствии в концертный зал «Palladium». Там выступала куча групп, включая Игги Попа и he Stooges, а еще группа Flaming Youth, чье название Пол позднее позаимствует для песни. Хедлайнерами значились Blue Oyster Cult.

Все это было очень волнительно. Я крутил роман с девушкой из команды Flaming Youth, и я играл в рок-группе, которая собиралась дать свой первый значительный концерт. Впереди был выход нашего первого альбома и полчаса выступления на сцене. Мы выступали четвертыми и буквально разгромили толпу. Неистовая ярость зазвучала с первого же взрывного аккорда, открывающего «Deuce».

К третьей песне, «Firehouse», на сцену пустили дым. Выли сирены, мигалки ослепляли людей, и все они стояли и трясли кулаками. Но зрители ошибались, если решили, что это кульминация. Я появился из дыма в полном KISS-обмундировании, держа горящий меч и набрав полный рот керосина. Выйдя на середину сцены, я выплюнул керосин. Огромный огненный шар извергся из моего рта, и публика взорвалась от восторга. Я возвышался перед залом, широко расставив ноги, и упивался преклонением толпы. И вдруг я почувствовал, что горю. В тот первый вечер я хотел выглядеть особенно круто и нанес побольше лака на волосы, чтобы они стояли как следует. Тут выбежал Шон Делейни и набросил мне на голову мокрое полотенце, и толпа окончательно обезумела! Мы пришли, мы увидели и, черт возьми, мы победили. Мы стали сенсацией того концерта, и несколько недель спустя в выпуске британского журнала «Sounds», подводившем итоги концертного года по всему миру, была опубликована моя фотография.

Еще рано было называть это славой, но она стремительно приближалась. Зрители начинали кричать, когда мы выходили на сцену. Нас стали узнавать на улице. А иногда нас даже узнавали девушки. Когда я учился на первом курсе, у нас была одна очень популярная девочка, студентка выпускного курса. Она состояла в студенческом совете, возглавляла всякие клубы и являлась членом престижных обществ. Она была так хороша, что, когда она проходила мимо, я опускал голову, чтобы через секунду обернуться и полюбоваться на ее фигурку. Вся ее сущность

источала соблазн. Так вот, года через два или три после появления KISS я шел по Сорок второй улице — нас уже все знали, особенно в Нью-Йорке, — как вдруг услышал позади чей-то визг: «Джин, Джин, это я, это я!»

Я узнал ее не сразу. Но она все еще была прекрасна.

Я разыграл холодность. «А-а, — откликнулся я. — Тебе нравится наша группа?» Она кивнула. «Ну, мне пора, — сказал я. — Хочешь зайти вечерком?» Вот так просто.

«С удовольствием», — ответила она. В тот вечер я отыгрался за все те ночи, когда фантазировал о близости с ней. Участие в KISS имело свои дополнительные плюсы.

7. «Shou It Ou Loud», или Кричи громче: На пути и на взлете 1974-1975

В феврале 1974 ГОДа группа Майкла Кватро выбыла из тура по Канаде. Майкл был братом Сьюзи Кватро, прославленной звезды глэм-рока. В результате внезапного выхода его команды из турне, нас поставили им на замену. Предполагалось, что мы сыграем всего в нескольких небольших канадских городах, но это были настоящие гастроли — важнейшее событие для группы, никогда раньше не выезжавшей за пределы Нью-Йорка. Уже спустя неделю мы отправились в путь.

Наше первое выступление прошло в Южном Эдмонтоне в провинции Альберта, где у меня появилась первая настоящая фанатка, девушка с зелеными волосами. Она понятия не имела, кто такие KISS, главное — что мы были рок-группой. Я подцепил ее, и она провела со мной всю ночь. Я был на седьмом небе: девушка спит со мной только потому, что я играю в группе. Никаких ухаживаний, никаких свиданий, никаких выяснений отношений. В любовной связи женщины больше всего ценят душный «смысл жизни». А все, чего мне хотелось, — это отсутствия смысла. Двадцать четыре часа жизни, проведенные в компании теплого женского тела.

С самого начала парни в группе дразнили меня за недостаточную разборчивость. Они говорили: «Не такая уж она и хорошенькая», или «А вот с этой я бы не отказался». Но мне было все равно. Я ни с кем не соревновался, чья девушка красивее. Все, что меня заботило, — это удовлетворение моих плотских потребностей. Во мне всегда была сильна тяга к «слиянию тел». Такой стиль жизни меня очень привлекал: я готов был снова и снова затаскивать в кровать девчонок, чьих имен я даже не мог вспомнить. Некоторые из них были в восторге от моего языка. Других привлекала аура KISS. На самом деле далеко не единственная девушка просила меня не смывать макияж и не снимать костюм, когда мы оказывались в кровати — ну или в

ванной или на полу гримерки, мы ведь делали это не только в кровати.

Группа подпитывалась адреналином, потому что больше у нас ничего не было. Мы вчетвером устраивались в нашем фургоне сзади, а за рулем сидел Шон Делейни. Мы любили его помучить. Например, Питер и Эйс могли снять штаны и начать тыкать членами в стекло нашего гастрольного фургона.

Шон все терпел. Мы останавливались в мотелях, и он был для нас вроде вожатого. Если мы приводили девочек, он врывался в комнату и выгонял их: «Пошли вон! Парням надо спать!» Как-то раз одна девушка отказалась уходить. Шон вцепился ей в волосы, но она стояла на своем: «Да пошел ты! Ты мне не указ». И тогда Шон перешел на свой забавный жаргон, который, вкупе с жестикуляцией, придавал ему весьма колоритный вид. Мы ведь действительно отрывались на полную катушку — все совершенно по-новому, новые города, новая еда. «Ну чё, как жизнь?» Шон, видимо, возомнил себя героем сериала «Дымящееся ружье». Такой жаргон я слышал только по телевизору, а ковбойские шляпы, по-моему, вышли из моды еще в девятнадцатом веке.

И хотя фанаток, сопровождавших нас на гастролях, становилось все больше, я с переменным успехом по-прежнему встречался с девушкой по имени Джен, и именно у нее дома я впервые услышал нашу музыку по радио. В Нью-Йорке работала одна радиоведущая по имени Эллисон Стил. Она выступала под псевдонимом Ночная Пташка и была таким диджеем, каких больше нет, — из тех, что роются в груде пластинок, пока не найдут что-нибудь стоящее. Я был у Джен, мы лежали в кровати в подвальном этаже ее дома и слушали радио, и Эллисон Стил как раз ставила новый трек. Я подумал: «Неплохая музыка», — и только через минуту сообразил, что это KISS. Спустя несколько недель наш альбом появился в магазинах. Был февраль 1974 года.

Отработав сценическое шоу на том коротком турне, мы стали готовиться к нашему первому большому выходу в индустрию, который случился в Лос-Анджелесе. Нил переправил нас на Запад на самолете, а там взял автомобили напрокат. Поначалу мы просто привыкали к Калифорнии. Западное побережье было для нас в новинку: девушки сплошь красотки, в волосах у них играет солнце, а погода так и зовет раздеться.

Выступление должно было пройти в отеле «Сенчури плаза». Нил заполнил зал бизнесменами и людьми, работающими в индустрии звукозаписи. Они не знали, чего ожидать, и уж KISS они не ожидали точно. В то время набирал популярность софт-рок, и на слуху у всех были Li le River Band и Джон Денвер. Когда мы вышли, зрители раскрыли рты. Но мы уже привыкли к такой

реакции и играли на полную катушку. В каком-то смысле именно это и делало нашу музыку рок-н-роллом: мы пугали людей в строгих костюмах.

Нилу понравилось наше выступление, но он понял, что нам необходимо почаще появляться перед публикой, и вскоре договорился о нашем участии в шоу «In СопсегЬ, которое вел Дик Кларк. Другими гостями в тот вечер оказались Kool and he Gang и Мелисса Манчестер — только представьте, насколько эклектичной тогда была рок-сцена. Некоторые команды еще до участия в подобных телешоу тусовались вместе или даже дружили. Мы же держались особняком. Прежде всего, мы самым вызывающим образом опережали свое время. Была и еще вещь, отличавшая нас от прочих, а именно: наш макияж. Мы наносили его сами, что занимало несколько часов, так что ритуал подготовки к выступлению не давал нам сблизиться с другими группами.

Пока мы готовились к шоу, Дик Кларк зашел к нам в гримерку поздороваться. Он пожал нам руки и пожелал успеха. Он до сих пор остается первоклассным человеком, каких редко встретишь в музыкальном бизнесе. Я не могу передать, насколько лестным было для молодой группы уважительное отношение Дика Кларка. Позднее мы с Полом часто вспоминали об этом и следовали примеру Дика Кларка, особенно в обращении с фанатами. Мы стараемся никогда не проявлять грубость и не отвергать людей, жаждущих автографов.

Однако вежливость за кулисами не означала, что мы не попытаемся перевернуть студию вверх дном, когда наконец выйдем на сцену. Мы исполнили три песни: «Deuce», «Firehouse» и «Black Diamond», и каждая звучала мощнее предыдущей. Шоу получилось совершенно безбашенным. В какой-то момент, как раз когда я дышал огнем, я подошел прямо к оператору, и камера запечатлела мое приближающееся лицо, а потом потолок, потому что оператор спрыгнул со своей платформы и убежал. Мы увидели шоу только два месяца спустя. На тот момент мы в рамках тура выступали в Эсбери-парк, Нью-Джерси. После концерта мы вернулись в мотель, чтобы переодеться и сходить куда-нибудь. Кто-то включил телевизор, и там, по национальному телеканалу, показывали нас.

Весь тот первый тур мы провели как в тумане. Платили нам копейки — по семьдесят пять долларов в неделю, — но тогда эти деньги казались огромной суммой, ведь мы зарабатывали их благодаря музыке. Мы играли на разогреве у многих групп: у Savoy Brown и Manfred Mann, у Fogha и Golden Earring. Кроме того, было положено начало славной традиции нашего изгнания

из турне. Отчасти нас выгоняли потому, что на сцене после наших шоу оставался жуткий хаос: повсюду искусственная кровь, подпаленные детали сцены. Однажды, играя на разогреве у Black Oak Arkansas, я случайно поджег край кулис. Группы действительно не хотели, чтобы мы участвовали в турне, но только потому, что не могли с нами тягаться. Теоретически мы играли на разогреве, а они были хедлайнерами. Но, закончив развлекать толпу, мы видели в глазах коллег шок и неуверенность. Никто не хотел выступать после нас.

Во время тура мы ликовали, ведь мы двигались к вершине. При этом мы не забывали тех, кто нам помогал, особенно нашу гастрольную команду. Один парень, Пол Чаверрия, — мой помощник, крошечный парень не выше метра шестидесяти ростом, — был покруче любого сторожевого пса. Однажды Пол Стэнли пытался пройти на арену, а охранник его не пускал, и тогда Пол Чаверрия набросился на этого охранника с такой яростью, какую трудно представить в таком малыше. Еще с нами ездил Джуниор Смоллинг, крупный чернокожий парень, работавший нашим концертным менеджером. Парень по имени Мус следил за гитарами Эйса, а еще один наш работник, один из водителей, всего несколько лет спустя погиб, пытаясь увернуться на мосту от столкновения. Все они выглядели теми еще персонажами, какими в кино обычно и показывают членов концертной команды. Но они были замечательные: компетентные, преданные своему делу и неприхотливые. Без них мы бы не справились.

Мы играли на разогреве на нескольких концертах Argen — коллектива Рода Арджента, бывшего участника he Zombies, великой группы «британского вторжения». Argen попали в чарты как минимум с одним великим хитом «Hold Your Head Up», и за душой у группы было уже порядочное количество альбомов. Мы по сравнению с ними считались новичками, и, как младшей по званию группе, нам приходилось следовать множеству деспотических правил. Например, нам не разрешали выходить на бис. Согласно правилам Argent, мы должны были отыграть максимум восемь песен и после этого удалиться. Но проблема состояла в том, что зрители хотели от нас большего. Argen нашли решение: после восьми песен нам просто отрубали электричество.

Мы играли на всю катушку, толпа гудела, а потом вдруг отключался свет. Это действовало удручающе. Во время одного концерта все шло отлично, как всегда, и зрители сходили сума. Мы добрались до конца восьмой песни, публика кричала что есть мочи, и все мы приготовились к тому, что свет сейчас погаснет, однако этого не произошло. Свет не отключили. Тогда мы

сыграли на бис, и толпа все не утихала. К тому моменту у нас не осталось несыгранных песен, поэтому пришлось вернуться к нашему сету и исполнить несколько песен по второму разу. Наконец после третьего или четвертого биса мы. ушли со сцены, все в поту, в полном недоумении оттого, почему Argen изменили тактику. Выяснилось, что своей удачей мы были обязаны Джуниору Смоллингу, который поругался с концертным менеджером Argent, засунул его в ящик из-под аппаратуры и запер там. Понятно, что с того турне нас тоже выгнали.

Это было безумное время. Позднее мы будем летать первым классом или на собственном самолете, но поначалу мы путешествовали коммерческими рейсами вместе с обычными пассажирами. Помню, как я рассказывал людям о том, чем я занимаюсь. При этом у меня была пышная лохматая шевелюра, и мы носили обувь на платформе, кожаные штаны и ремни в заклепках с пряжками в виде пауков, а ногти красили в черный цвет. Меня спрашивали:

- А чем вы занимаетесь?
- Я играю в группе.
- И как она называется?
- KISS.
- Правда? Какое странное название.

По мере того как группа становилась все более успешной, мы начали получать письма от людей, которые стали носить такой же грим и увлекаться нашей мифологией. Вскоре мы поняли, что нам удалось создать себе alter ego, и фанаты жаждали именно этих придуманных героев, а не нас. Им нужен был Супермен, а не Кларк Кент. И тогда мы начали скрывать свои истинные лица, что вносило еще большую интригу.

Первый альбом продавался неплохо — пятьдесят-шестьде-сят тысяч экземпляров — в основном благодаря гастролям. Но Нил Богартхотел продавать больше, и у него всегда находились идеи, как это сделать. Одной из его первых придумок был конкурс поцелуев. Эту уловку давно использовали радиостанции и их ведущие: чтобы привлечь побольше молодых парочек в торговый центр или автосалон, организовывали конкурс поцелуев. Устраивался марафон: пары должны были целоваться как можно дольше, всего с одним пятиминутным перерывом в час. Нил считал, что название группы (kiss — поцелуй) дает нам полное право подзаработать на этой идее. Он предложил нам перезаписать старую песню Бобби Райделла «Twistin' ime», переименованную в «Kissin' ime», и использовать ее для рекламы конкурсов по всей стране. Победителям должны были достаться

два больших приза: путешествие на Гавайи «все включено» и появление в дневном телевизионном ток-шоу Майка Дугласа.

Мы бы такую песню никогда не выбрали, но Нил настаивал: он был прирожденным промоутером и верил, что трюк сработает. В конце концов мы согласились, но только с тем условием, что перепишем текст. Песня с текстом из 1960-х стала бы для группы смертным приговором. Это не соответствовало ни нашему стилю, ни времени. Мы с Полом засели в студии с бумагой и карандашом и переделали песню так, чтобы приблизить ее к нашим фанатам, — мы говорили в ней о тех городах, где нас знали и любили. Потом мы записали трек. Весь процесс занял около часа.

В целом, должен сказать, мы пошли на это нехотя. Конечно же, к рок-н-роллу трек не имел отношения, и мы это знали, но все равно постарались записать хорошую песню, максимально проникнутую нашим стилем. Мы также взяли с Нила обещание, что эта кавер-версия никогда не появится ни на одном из альбомов KISS и останется всего лишь разовым проектом для продвижения конкурса поцелуев. Но конечно, все вышло иначе — впоследствии песня проникла на некоторые альбомы и их переиздания.

Как рекламный сингл «Kissin' ime» был довольно успешен. Он вышел в начале мая, с полноценной песней KISS на обратной стороне — «Nothin' o Lose», попавшей в лучшую сотку. Согласно мастер-плану Нила, мы должны были следить за региональными конкурсами поцелуев и вместе с национальными победителями появиться на шоу Майка Дугласа. Понятно, что мы не походили на типичных гостей шоу, и нам нравилось подчеркивать свою эксцентричность. Среди прочих гостей там присутствовала комедийная актриса Тоти Филдс, которая в какой-то момент спросила: «А кого вы вообще изображаете?»

● Я воплощение зла, — ответил я, состроив свою самую злобную гримасу.

● А вот и нет, — парировала она. — Меня не проведешь. Уверена, что на самом деле вы милый еврейский мальчик с Лонг-Айленда.

Тоти была стреляным воробьем. Позднее я выразил ей благодарность на моем сольном альбоме.

Так или иначе, мы сыграли «Firehouse», превратив ее в настоящий спектакль: масса пиротехники, яркий грим и тому подобное. Как музыкантам-шоуменам нам не было равных.

После тура мы были изнурены, но карьера требовала внимания, поэтому, как только стал угасать интерес к нашему первому альбому, мы сразу же вернулись в студию, чтобы

записать второй — «Ho er han Hell». Во многом он стал продолжением нашего первого диска. Песни были взяты из той же кипы материала и написаны в основном мной и Полом при скромном участии Эйса. Часть мы сочинили во время турне, а некоторые песни взяли с оригинальной демо-пластинки KISS. Продюсерами выступили те же Кении Кернер и Ричи Вайз. Они отлично справились с первым альбомом, и с ними было легко работать.

Если подумать, между первым и вторым альбомами есть только одно различие. Зато огромное — это различие в три тысячи миль. Поскольку Кернер и Вайз переехали на Запад в Калифорнию, чтобы закончить работу над вторым альбомом, нам пришлось последовать за ними. Культурный шок был чудовищным. Мы во всех смыслах чувствовали себя не в своей тарелке, ведь мы оставались нью-йоркской группой с нью-йоркским подходом. Звукозаписывающий лейбл предоставил нам автомобили, но они принесли одни неприятности. Эйс и Питер слишком много пили, слишком быстро ездили и моментально разбивали свои машины, а я вообще не водил. Единственным преимуществом были девушки. Работая над записью, мы жили в «Рамада инн», настоящем рок-н-ролльном отеле, где по коридорам круглые сутки ходили девочки и где красотками был забит весь бассейн. Вряд ли мы хоть раз спали в одиночестве.

Запись шла более-менее гладко, хотя Питер и Эйс оставались сущим наказанием. Эйс хронически не мог приходить вовремя, а Питер был ужасно неуверен в себе и в своей роли в группе. На альбоме есть одна песня, сочиненная Эйсом, — «Strange Ways», — так вот, когда мы ее записывали, Питер настоял на том, чтобы исполнить длинное барабанное соло. Нечто подобное делали группы вроде Led Zeppelin, но, как правило, только на концертах, да и Питеру было далеко до Джона Бонэма. Ничего не вышло. Когда мы все услышали соло, то решили, что оно выглядит просто смешно, и отказались включать его в альбом. Питер заупрямился. Если соло не войдет, заявил он, то он покинет группу. Подобный ультиматум мы слышали уже не в первый раз, да и этот раз не стал последним. Мы ответили на заявление Питера так же, как и всегда: мы его проигнорировали, вырезали барабанное соло и поступили так, как считали разумным для группы. Питер никуда не ушел.

Обложку для «Ho erThan HeLL» снимал Норман Сиф, который до своей карьеры фотографа успел поработать в Африке нейрохирургом. Очень компетентный и профессиональный, он был из тех, кто верит, что для фотосессии необходимо создать определенную атмосферу. Он подробно объяснял нам свою

философию по телефону, но до визита в его студию мы толком не знали, чего ожидать. Приехав туда, мы словно попали в другой мир. По студии расхаживали полуголые девушки, вымазанные серебряной краской. С потолков глядели зеркала и подвешенные на проводах предметы мебели. Ощущение было совершенно сюрреалистичное, как в «Сумеречной зоне». Все, кроме меня, напились. Пол так убрался, что под конец съемки нам пришлось выносить его на руках и запирать на заднем сиденье машины, чтобы он никуда не сбежал. Фотосессия тоже получилась необычная, потому что за несколько дней до этого Эйс решил проверить, насколько быстро и легко он сможет съехать на своей машине с крутого холма в Беверли-Хиллз. Оказалось, не очень. Он разбил и машину, и лицо. Фотографу пришлось накладывать изображение левой половины его загримированного лица на израненную правую.

Альбом вышел в конце октября 1974 года. Это был наш второй альбом за год, и после его выпуска мы сразу отправились в тур, что означало больше городов, больше концертов, а главное — больше девочек. К тому моменту я уже точно знал, чего хочу от гастролей. Я не пил. Я не принимал наркотики. Я мог сидеть в отеле и смотреть телевизор, и часто я именно так и поступал, хотя бесконечно прятаться было невозможно. Кроме телевизора меня привлекало только одно занятие — охота за юбками.

Меня считали неразборчивым, и, вероятно, справедливо: никаких предпочтений относительно женщин у меня не имелось. Чтобы меня заинтересовать, достаточно быть женщиной и находиться поблизости. Хотя во время того тура я смог удивить даже себя. В консервативном городке на глубоком Юге нас возила на лимузине женщина-шофер лет шестидесяти, этакая пышечка в фуражке и униформе. Я называл ее бабушкой, а она меня — сынком. Мне было лет двадцать пять, может, двадцать шесть. Однажды около восьми утра ко мне в дверь постучали.

- Кто там?
- Открой, сынок, это бабушка.
- А сколько времени?

- Восемь утра.
- А я думал, мы только в десять уезжаем.
- Так и есть. Открой дверь, сынок.

Она вошла, и мы стали заниматься этим на полу, на кровати, по всей комнате. В лимузине по дороге в аэропорт парни косились на меня — видимо, от меня несло сексом. Я молчал. А она в какой-то момент повернулась ко мне и сказала: «А еще у меня есть дочурка, ей девятнадцать. — А может, и внучка, уже не

помню. — Она скоро приедет, хочешь познакомлю?» Парни сразу же поняли, что произошло, и посмотрели на меня, как на чокнутого.

А как-то, налаживая звук перед концертом в Атланте, я заметил у сцены женщину-полицейского. Она поманила меня пальцем. Я подошел к ней и заявил:

● Знаете, офицер, одним пальцем меня до оргазма не доведешь. — Такой вот я нахал.

● Очень смешно, — ответила она и попросила у меня автограф. — Это для дочери. Она в восторге от вашего языка. Я ее вкусов не разделяю, но что поделаешь?

● Да кого вы пытаетесь одурачить, — ухмыльнулся я. — Это не для дочки. Это для вас. Хотите прийти и попробовать мой язык на себе? Я живу в номере сто девяносто.

Конечно, я не ждал, что она придет. Но позднее тем вечером в мою дверь постучали, и, открыв, я увидел на пороге женщину в полицейской форме. Она вошла, и дальше все случилось как в кино. Она сняла фуражку, встряхнула копной длинных волос. Затем расстегнула ремень и сняла револьвер. Ну а потом экран потемнел. На следующий день мы оба спустились вниз; моя спутница опять была в своей форме. Парни выстроились тогда вдоль стены, словно по команде: «Ну-ка, расставить ноги!»

Если я не занимался девочками, то пытался оградить Эйса и Питера от неприятностей. Это было непросто, особенно в слу-, чае с Эйсом. Изначально Питер и Эйс останавливались в одном номере, но спустя какое-то время они перестали находить общий язык. Питер спросил меня, не могу ли я с ним поменяться и жить с Эйсом, а он переедет в номер к Полу. Мне было все равно. Мы все работали в одной группе. Однажды вечером я спустился в бар отеля, чтобы посмотреть, нет ли там подходящих девушек. Я спросил Эйса, не хочет ли он присоединиться. «Нет, — ответил он. — А ты иди, я приду попозже». Я отправился один, и, конечно, там оказались девушки, с которыми я начал болтать. Однако вскоре я хватился Эйса. Я позвонил в номер, но мне никто не ответил, и я заволновался. Тогда я обратился к одному из администраторов отеля, и мы вместе поднялись в номер. Мы стали стучать, но нам никто не открыл. Пришлось вышибать дверь. Эйс лежал в ванне, без сознания, весь обмякший. Вода прибывала и уже доходила ему до губ. Еще чуть-чуть, и он бы умер. От него воняло, как от маринованной селедки. Мы вытащили голого Эйса из воды и уложили в кровать. Я не спал всю ночь и следил за тем, чтобы он не захлебнулся собственной рвотой и не упал с кровати, что в итоге все-таки произошло. На следующее утро я чувствовал себя трупом. А Эйс, наоборот,

вскочил с кровати бодрый и полный сил. «Эй, — обратился он ко мне, — я вчера никуда не пошел, решил лечь пораньше. А ты чем занимался?» Он не помнил ни минуты ночных мучений.

Несмотря на все старания — а мы продолжали набирать обороты как гастролирующая группа, уверенная в себе и способная на многое, — «Ho er han Hell» не стал коммерческим успехом. Пластинка с трудом попала в лучшую сотню, и вскоре Нил Богарт собрал нас для нового альбома. На этот раз мы записывались в Нью-Йорке. Речь идет о «Dressed o Kill», над которым Нил решил работать в нью-йоркской студии «Electric Lady».

Цель третьего альбома состояла в том, чтобы поднять KISS на более высокий уровень. Что касается предыдущих альбомов, Нил стимулировал продажи оригинальными синглами или появлениями на телевидении. Но на сей раз он ждал от нас настоящего гимна. Ему нужна была песня вроде «I Wan o Take You Higher» группы Sly and he Family Stone — нечто такое, что доведет толпу до экстаза. Пол уже несколько месяцев работал над одной песней, и у меня тоже был незаконченный фрагмент. Мы сложили их вместе и получили новый номер, ставший впоследствии «Rock and Roll All Nite». Песня была простая, что очень привлекало, а припев исполнялся большой группой людей в студии — не только четырьмя участниками группы, но и инженерами и родственниками сотрудников звукозаписывающего лейбла — всего человек двадцать. Мы сразу же ощутили особую энергию — как в тех старых треках Slade, которые так нравились нам в самом начале карьеры, но только с очень доступным и отчетливым вкусом Америки. Мы верили, что песня станет сенсацией.

Для съемок обложки «Dressed o Kill» мы наняли фотографа по имени Боб Грюн, известного своими снимками Джона Леннона и десятков других рок-звезд. Изначально идея состояла в том, чтобы снять нас в полном макияже на улицах Нью-Йорка, но Боб решил, что будет еще интереснее сфотографировать нас в гриме и строгих деловых костюмах. Идея нам понравилась, но вот проблема — ни у кого из нас не было нормальной деловой одежды. Поэтому мы позаимствовали костюмы у знакомых, и нельзя сказать, что они сидели на нас идеально. Если присмотреться, то можно заметить, что брюки и пиджак мне немного коротки и тесноваты.

«Dressed o Kill» вышел в марте 1975 года, а сингл «Rock and Roll All Nite» попал в радиоэфир спустя неделю. Он не принес такого успеха, как мы ожидали. Песня показала неплохой результат — кажется, она добралась до шестьдесят восьмой позиции в чарте, — но мы-то вправду думали, что сингл сможет

перевести нас в иную категорию радиоротации, а этого не произошло. Одновременно мы закладывали фундамент для следующего альбома. Через неделю после выхода «Dressed o Kill» мы приняли решение записать несколько живых выступлений. Мы и раньше подумывали о том, чтобы выпустить живой альбом KISS, поскольку чувствовали, что на сцене мы проявляем себя куда мощнее, чем в студии. Мы обожали выступать, и это было видно.

Помню, как в начале 1975 года ко мне в номер отеля в Индианаполисе пришли две сестры, и обе хотели провести со мной ночь. Та, что посимпатичнее, очевидно, была беременна. Несмотря на это, мы все разделись догола, забрались в душ и быстро подружились.

В другом городе после концерта я открыл дверь своего номера и увидел на пороге прелестную юную девушку. На вид ей было лет восемнадцать. Я всегда спрашивал девушек об их возрасте. Может, это и не очень по-джентльменски, но моя предусмотрительность безусловно заслуживает уважения. Девушка вошла и сразу же взялась за меня, а я — за нее. Затем в дверь снова постучали, и я велел незваным гостям уходить, кто бы они ни были. Но моя юная подруга сказала, что ее не смутит, если я открою. На пороге я увидел привлекательную женщину чуть за сорок, которая представилась матерью моей спутницы. Я, наверное, перепугался так, будто увидел привидение, но мать успокоила меня, сказав, что все в порядке, и спросила, нельзя ли ей к нам присоединиться. Я взглянул на свою подружку, а та только захихикала и кивнула головой. Жизнь была прекрасна.

В каком-то городе на Среднем Западе — не помню, в каком именно, но на берегу озера — один известный радиопромоу-тер пригласил KISS к себе домой на ужин. Нам велели идти, ведь для повышения продаж пластинки нам не помешала бы поддержка радио. Ужин протекал довольно скучно, пока наш хозяин не встал и не завел длинную речь. Напротив меня сидела его жена-красавица. Когда она провела каблуками по моей ноге под столом, я решил, что это произошло случайно, и отодвинул ногу. У меня уже была назначена после ужина интимная встреча в номере, и я совершенно не собирался приставать к жене этого человека. Но она прикоснулась ко мне снова и кокетливо улыбнулась. Когда хозяин стал показывать гостям свой дом, его жена быстро взяла меня за руку и отвела в ванную в дальнем крыле здания. Там она встала на колени и, не говоря ни слова, показала, как я ей понравился.

Некоторые из воспоминаний отдают горечью. Например, когда KISS впервые играли в Лас-Вегасе, после концерта мы сразу же направились в отель «Стардаст». Мы стояли в вестибюле и

ждали лифта, как Питер вдруг толкнул меня в бок и прошептал: «Ух ты, посмотри на ту девушку». Она была бесподобна: длинные светлые волосы, обтягивающая мини-юбка и туфли на высоком каблуке. Девушка улыбнулась. Я немедленно потянулся к ней, схватил за руку и затащил в лифт. Она не сопротивлялась. Никто из нас не произнес ни слова, пока лифт поднимался на мой этаж. А когда мы вошли в комнату, слова не потребовались. Мы буквально набросились друг на друга.

Позже она рассказала, что ее зовут Стар, то есть Звезда, и что когда-нибудь она обязательно станет звездой. Фамилия ее была Стоу. Мы не спали всю ночь, и когда наступило утро и пришла пора расходиться, она спросила у меня совета по поводу карьеры. Помню, я посоветовал ей отправить свои фотографии Хью Хефнеру. После этого я ничего не слышал о ней где-то полгода. А потом кто-то из наших показал мне выпуск журнала «Плейбой», где на развороте была Стар Стоу. В интервью она называла себя «преданной фанаткой» и очень тепло отозвалась обо мне. Я связался с ней, и какое-то время Стар была моей спутницей во время гастролей. Мы потрясающе проводили время. Мы вместе ходили в кино. Посещали клубы. Ели. Танцевали. Мы не могли насытиться друг другом.

А потом мы потеряли связь. Много лет спустя я встретил Стар на одном из наших концертов. Она прошла через трудные времена, осталась совершенно без денег и казалась такой грустной, какой я никогда раньше ее не видел. Позднее я пытался отыскать ее и был потрясен, узнав о ее гибели.

8. «Rock and Roll All Nite», или Рок-н-ролл ночь напролет: Альбомы «Alive!» и «Destroyer» 1975-1976

Относительный провал сингла «Rock and RoLL ALL Nite» немного огорчил нас, но не напугал, ведь мы точно знали, что делать. Мы должны были немедленно вернуться к концертам — нашей самой сильной стороне, позволяющей общаться со зрителями наиболее эффективно. На этот раз нас подогревала идея записать несколько концертов и выпустить их живым альбомом. У нас уже было три студийных пластинки, но мы считали, что они недостаточно хорошо передают дух группы. Они просто документировали ее деятельность. Чтобы прочувствовать KISS как следует, фанаты должны были ощутить вкус живых выступлений — причем не только театральность, но и мощь группы.

Записи, вошедшие впоследствии в альбом «Alive!», были сделаны на нескольких концертах, включая выступления в Нью-Джерси и Айове. Большая часть альбома, тем не менее, была взята с концерта в Кобо-холле в Детройте, прошедшего в конце марта. В какой-то степени решение записать концерты в Детройте далось нам легче, чем любое другое. Город никогда не бывает просто городом. Он всегда определяется своими жителями и тем, чем они зарабатывают себе на хлеб, ведь это очень сказывается на образе жизни. Поскольку Нью-Йорк — город космополитичный, здесь зародилась «Студия 54». Южные города в каком-то отношении — более консервативные, а в каком-то — более бесшабашные. Детройт, центр автомобильной промышленности, олицетворял собой антимоду и скорее ассоциировался с мясом и картошкой. Я бы не удивился, если бы узнал, что в Детройте «Макдоналдс» стоит на первом месте по продажам. Здесь одни синие воротнички — настоящий американский мегаполис для среднего класса. Крупные звезды, вышедшие из Детройта в конце 1960-х — начале 1970-х годов, — he MC5, Тед Ньюджент, Боб Сигер и Grand Funk Railroad — похожи друг на друга: громкие и страстные, с минимумом претенциозности и толикой грубости. Музыка Детройта лишена сантиментов. Детройт принял нас сразу

же, начиная с самой первой пластинки. Люди из Нью-Йорка и Лос-Анджелеса не понимали нас до конца — они искали определенной доли изощренности и считали, что мы не отвечаем их стандартам. Но Детройт понял нашу смесь веселья и энергетики с самого начала.

После концерта в Детройте мы получили награду и отправились на вечеринку в нашу честь. На вечеринке нас ожидала масса алкоголя, музыки и женщин. Выпивка меня не интересовала, музыки мне за день хватило, и даже подружка на вечер у меня уже была — журналистка из издания «Сгеет», работавшая над статьей о нашей группе. Я уже собирался уйти с ней с вечеринки, когда вдруг заметил официантку, которая пробиралась через толпу с подносом шоколадного печенья с марихуаной. Я сладкоежка, поэтому не смог удержаться и набросился на печенье, не подозревая, что оно с наркотиками. Я не успокоился, пока не съел, наверное, штук шесть или семь. Уже через пять минут я превратился в Джина в Стране чудес. Голова съежилась до размеров яблока. Ноги раздулись, как два огромных чурбана. Чем дольше я смотрел на свои руки, тем толще они становились. Я испугался, схватил подружку, и мы побежали к лимузину, который ждал нас у выхода.

Как только мы сели в машину, мне страшно захотелось молока. Терпеть было невозможно, так что, не успев проехать и квартала от концертного зала, мы остановились у круглосуточной забегаловки в сомнительном районе Детройта. Внутри было тихо, всего несколько человек клевали носом над тарелками и кружками кофе. Я подошел к прилавку и, опасаясь, что меня не услышат — ведь голосовые связки у меня съежились вместе с головой, — со всей дури завопил: «Дайте, пожалуйста, стакан молока!» Официантка перепугалась до смерти. Все, кто там был, в шоке уставились на нас. Мне стало неловко. Я был уверен, что все смотрят на мою голову, невероятно уменьшившуюся в размерах. Я вышел из забегаловки, сел в машину и поблагодарил Бога за то, что моя подруга знает, где находится отель. Она позаботилась о том, чтобы мы туда доехали, и пока она тащила меня по коридору, мне казалось, будто я иду по комнате смеха.

Когда мы добрались до двери моего номера, я не мог попасть ключом в замок. Ключ теперь стал размером с наковальню, а замочная скважина была не больше игольного ушка. Единственная радость той ночи — когда мы добрались до кровати, я смог по праву гордиться своим мужским достоинством: крупнее и вообразить сложно.

«Alive!» вполне мог и не выйти. «Casablanca» потерпела фиаско с пластинкой под названием «Bes Moments of he onigh

Show» — двойным альбомом, куда вошли лучшие моменты ток-шоу Джонни Карсона. (Что интересно, альбом составила Джойс Биавитц — наш бывший менеджер и будущая миссис Нил Богарт.) Хотя мы были призоносной группой лейбла, больших денег у нас не водилось. Ходили слухи, что альбом «Alive!» был основательно подправлен в студии. Это неправда. Мы действительно дорабатывали вокал и некоторые гитарные соло, но у нас не оставалось ни времени, ни денег, чтобы полностью переделать записанные треки. Чего мы хотели и что мы получили — это доказательство необработанного, мощного звучания группы.

«Alive!» вышел в сентябре 1975 года и сразу же стал двигаться к вершинам чартов. Продажи в итоге составили четыре миллиона. Невероятно, но живая запись дала нам первый победный сингл — концертную версию «Rock and Roll All Nite». Практически за одну ночь из группы работяг с контрактом на запись альбома и преданными фанатами мы превратились в национальных суперзвезд. Выход живого альбома в долгосрочной перспективе оказал влияние не только на судьбу KISS, но и на всю рок-индустрию. До «Alive!» группы не выпускали концертные альбомы как полноценные пластинки. Фактически их записывали, чтобы выполнить условия договора.

Мы стали одной из первых групп, кому эта идея оказалась действительно небезразлична и кто сумел реализовать ее надлежащим образом: в вышедшем альбоме присутствовал вкладыш с изображением всех трех студийных пластинок и фотографиями наших комментариев, написанных от руки. За последующие три года появилось множество вариантов оригинальных упаковок живых альбомов, включая «Frampton Comes Alive» и «Cheap rick a Budokan» — в котором, кстати, содержался небольшой реверанс в нашу сторону в виде песни «Surrender» со словами: «Rock and rolling, go my KISS records out» («Рок-н-ролл, вышла моя пластинка в стиле KISS»). Живые альбомы стали обязательным атрибутом суперзвезд 1970-х, и мы выступили в авангарде.

После невероятного успеха «Alive!» мы поняли, что пора выступить с громким заявлением. Мы хотели записать студийный альбом, который превзошел бы все наши прежние достижения. С этой целью мы пригласили Боба Эзрина, который уже был широко известным продюсером благодаря работе с Элисом Купером и который позднее стал продюсером пластинки Pink Floyd «The Wall». Мы начали работать над записью в нью-йоркской студии «Record Plant» в январе 1976 года — всего через пять месяцев после выхода «Alive!».

До того как познакомиться с Бобом Эзрином, мы никому не

позволяли давать советы по поводу записи. Ни менеджерам, ни лейблам, ни продюсерам — никому. Боб Эзрин стал первым и единственным продюсером, чье мнение действительно повлияло на группу.

Объяснить, почему мы дали Бобу столько власти, одновременно и сложно, и просто. Дело не в его прошлых заслугах. Послужной список никогда не ставится на первое место. Но если у человека есть идея и он может выразить ее так же ясно, как Боб, это сразу вызывает определенное уважение. Другие группы часто рассказывают, как им повстречались продюсеры, научившие их настоящему профессионализму, — якобы до встречи с этими продюсерами они были лишь благородными дикарями, которые бренчат на гитаре и надеются на лучшее. У KISS ситуация обстояла иначе. Мы с самого начала знали, что делаем. Боб не ускорил наше движение. Скорее, наоборот, он даже замедлил процесс, причем изрядно. Но то, как он его замедлил, поистине впечатляло. Помню, однажды он остановил нас посреди репетиции. «Так, — сказал он, — парни, вы хотя бы инструменты свои умеете настраивать?»

Мы все были музыкантами-самоучками. И сказали ему: «Конечно, вот так их надо настраивать».

Он нахмурился. «Нет, — заявил он. — Есть еще один способ, позволяющий добиться идеального звука. Называется гармоническая настройка». И он показал нам, как это делается, — мы ничего подобного в жизни не видели. Мы словно вернулись в школу или в летний лагерь: Боб повсюду носил с собой свисток и, когда хотел привлечь наше внимание, кричал: «Эй, бездельники!» Каждый раз, когда мы думали, что сделали все как надо, он придумывал новые придирки.

В каком-то смысле Боб нас дисциплинировал. Когда он считал, что мы не в состоянии работать, он выгонял нас из студии. Нам с Полом это нравилось, потому что мы знали, что дисциплина делает группу лучше. Мы потирали руки и думали: «Да уж, такого с нами еще не случалось». Это был хороший опыт: мы вскоре поняли, что в любом случае, даже меняясь, продолжаем звучать как KISS, только еще лучше. Работая в студии, мы буквально слышали будущий результат, и он впечатлял гораздо больше всех наших предыдущих работ.

Своим успехом «Destroyer» во многом обязан смелости Боба, и особенно его заинтересованности во внедрении новых элементов в нашу музыку. Боб иногда приводил с собой детей — он в то время переживал развод, — ив результате именно их голоса зазвучали в «God of hunder». Чего он только не придумывал: например, использовал симфонический оркестр и хор. Боб Эзрин

стал для нас тем же, чем Джордж Мартин был для he Beatles. Он обладал качеством, которого мы никогда раньше не встречали в продюсере, а именно: собственным видением. Он знал, куда двигаться в рамках, установленных группой KISS. А самое главное, он знал, как туда добраться. Хотя у нас с Полом имелись свои намерения и представления, мы не совсем понимали, как их осуществить, ведь мы были всего лишь музыкантами. Но одно мы знали наверняка: мы хотим пойти дальше любой рок-группы.

Боб слушал наши песни и отчетливо понимал, что нам важен не сюжет песни, а собственные чувства и мысли: «Я король ночного мира», «Я хочу наслаждаться рок-н-роллом всю ночь». В этом состояло главное отличие KISS. Или: «Я бог грома». Именно на таких фразах мы и специализировались, и это отличало нас от прочих групп. Когда мы поговорили с Бобом о наших текстах, он понял, что их простота и высокопарность преследуют свою цель: мы группа с четко выраженной точкой зрения, а не просто парни, не имеющие ни малейшего понятия о происходящем. Мы хотели писать гимны, взывающие к поколению, построенные по принципу «ты и я против остального мира».

Как бы нам с Полом ни нравилось работать с Бобом, Эйс и Питер его возненавидели. Впервые им не удалось пойти легким путем. Эйс не отличался дисциплиной — он даже приходить вовремя не мог. И с Питером никто до этого не садился рядом, чтобы объяснить: «Вот одна вторая и одна четверть». Питер вообще не умел говорить о собственной игре в таких терминах: «Бас-бочка на первой и третьей доле, малый барабан — на второй и четвертой». Он понятия не имел, что это означает, и до сих пор не разбирается в четвертях. Питер всегда играл интуитивно и не мог дважды повторить одно и то же.

В итоге то время, которое Боб Эзрин провел с нашей группой, оказалось очень нелегким для Эйса и Питера — во всяком случае, так им казалось. Питеру приходилось особенно тяжело. С дисциплиной он никогда не дружил, этакое дитя улиц. Мы с Полом всегда критиковали Эйса и Питера за то, что они не умеют видеть ситуацию в целом. Но теперь с нами был человек со стороны, который это умел и делал в десять раз эффективнее.

Мы с Полом часто обсуждали, кому приходилось труднее всего. Оглядываясь назад думаю, что оба наших товарища чувствовали себя довольно некомфортно, хотя и выражали свои чувства по-разному. Питер приходил в ярость, когда кто-то указывал ему, как играть или петь. Это ведь не по-рокерски. Именно из-за этой своей черты характера когда-то в 1974-м он угрожал уйти из группы, если мы не оставим его соло в «Strange

Ways».

Эйс мог просто исчезнуть. Иногда он не являлся на звукозапись. Однажды он захотел уйти раньше, потому что на семь вечера у него была намечена игра в карты. В какой-то момент Боб перестал обращать внимание на Эйса и его отговорки, а просто стал приглашать других гитаристов, которые приходили и играли партии Эйса. Чаще всего участие в сессиях принимал парень по имени Дик Вагнер, игравший в группе he Lou Reed Band. Мы не отметили его на альбоме, и люди до сих пор думают, что там играет Эйс. А сам Эйс считал, что мы с Полом оказались настоящими предателями и что это мы посоветовали Бобу Эзрину найти другого гитариста, ведь мы всегда стремились выдавить Эйса из KISS. И все же именно благодаря нам он попал в группу, начал сам писать песни. Мы дали ему возможность стать не просто гитаристом, а исполнять собственные песни. Однако это ему было и остается безразлично.

Во время записи «Destroyer» в 1975 году я снова столкнулся с наркотиками. Но не в том смысле, что я попробовал какой-то наркотик, — просто я впервые увидел, как выстраивают кокаиновые дорожки. В панель управления в студии было встроено зеркало, и я понятия не имел, для чего оно. Я часто говорил: «Ерунда какая: чтобы посмотреться в зеркало, приходится наклоняться. Лучше бы на стену повесили». И все смеялись, хотя никто мне ничего не объяснял. А я в то время клал в кофе заменитель сахара — всегда любил сладкое, но хотел сбросить вес. И вот однажды, увидев на зеркале порошок — а я был бесконечно далек от всего, что касалось наркотиков, — я решил, что это заменитель сахара. Я приготовил кофе и стряхнул порошок с панели к себе в чашку. Но потом задумался и решил про себя: «Нет, он, наверное, пыльный». Тогда один из инженеров объяснил мне: «Да нет же, это кокаин. Делаешь дорожку и снюхиваешь через трубочку».

«Какой бред!» — подумал я. Мне это действительно показалось таким бредом, что я взял заменитель сахара и выстроил дорожку на панели управления. Не знаю, снюхал ее кто-нибудь или нет, но тогда шутда казалась мне очень удачной.

Записывая «Destroyer», мы проводили много времени в студии — больше чем когда-либо. Во время этих сессий я развлекался с одной из местных сотрудниц. Я говорил: «Простите, парни, но мне надо отлить», — и шел ее трахать. Как-то раз я протащил свою подружку в кабинку для записи вокала и уложил прямо там. Мы страстно ублажали друг друга, пока она вдруг не остановилась, похлопав меня по спине и указав на окно: на нас смотрели Эзрин и парни из группы. Пол понял, что к чему, и тоже

занялся той девчонкой. Мы стали работать над ней посменно.

После концерта KISS в 1975 году во Флинте, Мичиган, мы с Питером ехали в одном лимузине, и он пытался напевать песенку, которую назвал «Beck» — о девушке по имени Бекки. Я предложил ему изменить имя на Бэт, чтобы было удобнее петь и чтобы убрать непредусмотренный намек на Джеффа Бека. Питер принес этот симпатичный напевчик в студию и спел его для Боба. Тот сразу же уселся и стал наполнять его содержанием. Его музыкальная эрудированность была гораздо шире, чем у любого из нас. Он слушал джаз, классику, кантри. Боб добавил к мелодии проигрыш из концерта Моцарта для фортепиано, переписал текст, и у нас появилась новая песня.

Но при этом мы не знали, что с ней делать. Рок-группы тогда не писали баллад, особенно если изо всех сил пытались доказать, что они настоящие рокеры. Единственным оправданием, которое мы придумали для своих мелодичных переборов, была битловская «Yesterday». Если медленная песня хороша для битлов, то и мы можем сделать то же самое. Первые два сингла с альбома «Destroyer» не стали такими успешными, как мы ожидали: первый, «Shou It Ou Loud», попал в список лучших сорока песен, а последующий «Flaming Youth», вышедший на пластинке со специальным изображением, добрался только до семьдесят четвертой позиции. Третьим синглом стал «Detroi Rock City», причем на второй стороне вышла «Beth», странная, не поддающаяся классификации баллада. Мы возлагали на «Detroi Rock City» большие надежды, но песня даже не попала в чарты, а сам альбом, достигший одиннадцатой позиции и разошедшийся тиражом в 850 ООО копий, уже начинал снижать популярность. И вот тогда стало происходить что-то странное. Радиостанции перевернули пластинку и начали ставить «Beth» вместо «Detroi Rock City», и композиция быстро стала громким хитом.

Сингл «Beth» оказался прорывом, прославившим альбом. Теперь, вместо того чтобы выпустить хит с живого альбома и опять уйти на задний план, мы вознеслись на гребне двух суперхитовых пластинок. Именно так в поп-музыке звезды становятся суперзвездами, а мы, несомненно, ими стали. Вскоре после выхода «Destroyer» мы впервые отыграли концерт на стадионе — это был стадион «Анахайм» в Калифорнии, вмещающий 55 ООО фанатов.

Если бы такое случилось не с нами, мы просто не поверили бы: 1976 год только начинался, с выхода нашего первого альбома прошло всего два года, а мы уже собирали стадионы — первые после he Beatles. Музыканты, игравшие почти десять лет, такие

как Тед Ньюджент и Боб Сигер, выступали у нас на разогреве. Мы понимали, что стоим на пороге всемирного успеха. Это было очевидно.

Взрыв славы совпал с первой волной товаров под торговой маркой KISS. Я всегда считал группу средством для достижения определенной цели — на мой взгляд, написание музыки составляет лишь часть работы. Мастер-план заключается в том, чтобы создать культурное явление наподобие Диснея. С самого начала мы были на передовой рок-н-ролльного мерчандай-зинга: мы предлагали традиционную продукцию вроде футболок и постеров, но также были заинтересованы в выходе на другие рынки. В какой-то момент этот интерес вылился в покупку Биллом Окойном части акций компании «Boutwell», и так мы оказались втянуты в производство. На складах в южной части Калифорнийской долины производились наши собственные футболки, пряжки для ремней и прочее. В пластинки вкладывались бланки заказов фирменной продукции по почте. Мы занимались тем, на что у других групп не хватало наглости, — аналогичные приемы использовались в журнале «Time», куда вкладывали бланк заказа. Изначально нам было безразлично, что это может дискредитировать нашу музыку. Мы не очень-то тревожились о том, как выглядим со стороны. Мы просто получали удовольствие.

Со временем некоторые группы стали выступать против подобных вещей. Прежде всего это были участники крупного движения арт-рока, зародившегося в Нью-Йорке. Мы их всегда считали придурками: парни, которым в школе никто не давал, вдруг ни с того ни с сего берут в руки гитары. Мы их не воспринимали всерьез. Они выглядели не звездами, а студентами. И вечно бубнили о том, на что нам было наплевать. Жечь здания? Вы это о чем?

Неожиданно мы стали одной из самых популярных групп в мире. В середине 1970-х многие команды, на которых мы выросли, оказались не на высоте: he Rolling Stones, he Who.

Наши продажи превосходили их больше чем в два раза. Группы вроде Queen гремели на весь мир, но в Америке выступали мало. У нас не нашлось серьезных соперников.

В то время в южных штатах библейского пояса*{7} начала распространяться ложная информация о группе, в том числе слух, что название «KISS» является аббревиатурой для «Knights In Satan's Service» («Рыцари на службе у сатаны») и что все мы поклоняемся дьяволу. Интересно, что этот слух пошел из-за интервью, которое я дал журналу «Circus» после выхода нашего первого альбома. В ответ на какой-то вопрос я сказал, что иногда

задумываюсь о том, каков вкус у человеческой плоти. На самом деле я не собирался это выяснять, но чисто умозрительно мне было любопытно. Позднее этот комментарий, похоже, разжег целую идею о том, что KISS так или иначе связаны с сатанизмом. Когда меня спрашивали, поклоняюсь ли я дьяволу, я просто отказывался отвечать — по многим причинам. Во-первых, конечно же, ради дополнительной рекламы. Пускай любопытствуют. Во-вторых, меня абсолютно не интересовали люди, которые задавались этим вопросом. Религиозные фанатики, спрашивавшие меня о дьяволе, не стоили моего времени. Невежды всегда тычут в лицо религиозными принципами. Все эти годы, стоило религиозным фанатикам, особенно в южных штатах, заговорить со мной и попытаться подавить меня словами из Ветхого Завета, я безошибочно называл им процитированную главу и стих. Они не знали, что теология была моим главным предметом в институте. Идиот остается идиотом, и неважно, может он цитировать Библию или нет.

Масла в огонь этой чепухи с поклонением сатане подливал и мой жест: выставленные вперед мизинец и указательный палец. Все это началось довольно невинно: во время концертов я держал медиатор между большим и средним и безымянным пальцами.

Кто-то из толпы решил, что это некий жест, и начал тоже махать мне указательным и мизинцем. Вторая часть жеста была обусловлена моей любовью к Человеку-пауку: в комиксах он иногда прижимает средний палец к внутренней поверхности ладони. Я повторил это движение на одной из ранних фотографий, и фундаменталисты это заметили. Оказывается, на языке жестов это означает «я тебя люблю», хотя тогда я этого не знал. Забавно, но этот жест стал стандартом для других групп и фанатов хеви-метала и не выходит из употребления до сих пор.

Постепенно я набивал руку в общении с журнальными репортерами. Один из авторов «Rolling Stone» хотел написать о нашей группе. Он пришел в двухквартирный дом, который я снимал на Риверсайд-Драйв в Нью-Йорке, и заявил, что хочет взять у меня интервью для заглавной статьи номера. В то время я ревностно культивировал мистицизм Демона. Для встречи с журналистом я надел кожаные штаны и все мои серебряные аксессуары с пауками, а волосы зачесал выше некуда. Мне казалось, что в своих сапогах на двадцатисантиметровой платформе с серебряными значками доллара и с черным лаком на ногтях я являю собой идеальный образ рокера-засранца. Репортер не отходил от меня все интервью. И тут в какой-то момент позвонили в дверь. Я открыл и увидел на пороге маму с горой

еды, которой хватило бы накормить весь мир: свежий горячий суп, телячьи котлетки, блинчики, варенье, пирог. Она настояла, чтобы мы с журналистом — кажется, она именовала нас «голодные мальчишки» — прервались и поели. Она называла меня моим еврейским именем, Хаим, и заявила журналисту, что я хороший мальчик. Большой ужасный Демон оказался всего лишь маменькиным сыночком.

Однако маменькин сыночек никогда не стеснялся бегать за юбками. Я затаскивал в кровать одну девушку за другой. Им не было конца — они находились в каждом гостиничном номере, в каждой гримерке, в каждом лимузине. Однажды я узнал, что мы остановились в одном отеле с he Carpenters. Я позвонил Карен Карпентер, жившей несколькими этажами ниже, а затем оставил свою спутницу одну в номере и спустился к Карен в надежде соблазнить ее. По телефону она была очень игрива: хихикала, кокетничала и вообще вела себя дружелюбно. Но когда я зашел к ней с видами на вечер страсти, все получилось совсем иначе. Карен была нежной хрупкой девочкой: она все еще выглядела довольно здоровой, не такой исхудалой, какой она потом стала из-за анорексии. Я почти весь вечер провел с ней в разговорах о всякой всячине. Больше всего Карен поразил и заинтересовал мой распутный образ жизни. Она не могла этого понять. Хотя она и признавала, что желание — это сильный порыв и что мужчины очень ему подвержены, она, тем не менее, была убеждена, что на самом деле я не хочу распутничать, а всего лишь пытаюсь избежать близости. Но она высказала это без тени упрека.

В конце разговора я сказал: «Что ж, рад был с тобой пообщаться, но мне пора». Карен спросила, куда я иду. Я ответил, что оставил девушку одну наверху и мне нужно вернуться и составить ей компанию. Карен была изумлена, что девушка безропотно меня ждет. А мне показался странным даже сам вопрос. Хотя я и шел к Карен как соблазнитель, если честно, секс — последнее, чего мы могли хотеть друг от друга той ночью. Возможно, именно поэтому тот случай остался в моей памяти на долгие годы.

После «Destroyer», и особенно после успеха «Beth», наш образ жизни радикально переменился. Я купил дома для обоих своих родителей, хотя я и не видел отца с тех пор, как он бросил меня ребенком в Израиле. Пол сделал то же самое для своих родных.

Эйс и Питер отрывались на полную катушку: они покупали кучу машин и кучу домов. В какой-то момент Эйс отстроил домашнюю студию звукозаписи из литого бетона, а потом обнаружил, что ее невозможно использовать, потому что в том

квартале нельзя получить разрешение на такую постройку. В сумме они повредили или разбили не меньше десяти машин — «мерседесы», «делореаны», чего там только не было. Смешнее всего получилось, когда Питер разбил машину в своем гараже. Пришлось вызвать наряд пожарных с аварийно-спасательными инструментами, чтобы вызволить его из собственного автомобиля в собственном гараже.

Изменилась и другая часть нашего образа жизни. Как я уже говорил, во время турне вокруг нас всегда крутилось много женщин, но теперь у нас были все средства, чтобы обращаться с ними по-королевски, и это вызывало трения в наших личных взаимоотношениях. Есть пара уморительных историй про Питера. У меня была связь с одной девушкой, а Питер в нее влюбился. Они какое-то время встречались, а потом Питер принес домой бумажку с ее телефонным номером и спрятал под магнитофоном. Ревнивая жена Питера была куда умнее его самого и однажды, наводя порядок, приподняла магнитофон и нашла номер. Она позвонила этой девушке и сказала:

● Алло? Это Управление здравоохранения в Орегоне. Вы такая-то?

● Да, а в чем дело? — ответила та.

● Нам необходимо выяснить, знакомы ли вы с Питером Крискуолой, также известным как Питер Крисе, барабанщик группы KISS.

● Да, а что?

● Видите ли, — сказала жена Питера, — у него подозрение на гонорею. Мы пытаемся установить, когда у вас с ним был физический контакт, поскольку вам, вероятно, нужно провериться. Вы не сообщите нам детали?

Бедная девушка выдала все секреты: время встреч, место, название гостиницы.

— Большое спасибо, — сказала жена Питера и повесила трубку.

Когда Питер пришел домой, она прижала его к стенке: «Питер, где ты был в семь тридцать вечера в понедельник?.. Ты был с такой-то?» Ее улики были неопровержимы.

* * *

В мае 1976 года мы распродали все билеты на три концерта

подряд в Мэдисон-сквер-Гарден. Для нас это стало важным рубежом. В самом начале карьеры мы вчетвером часто сидели на нашем чердаке в доме 10 по Восточной Двадцать третьей улице и обсуждали, что до Мэдисон-сквер-Гарден всего десять кварталов, ведь он располагается на Тридцать третьей улице. И вот мы оказались здесь.

На канале «CBS News» работала ведущая по имени Кейти Тонг — в то время она считалась одной из их крупных звезд. Камеры были повсюду, и Кейти засыпала меня вопросами, не столько о рок-н-ролле, сколько о фрик-шоу как аспекте нашей жизни: «Вы все так странно выглядите. А вот вы еще и язык высовываете — кстати, какой он все-таки длины?» В своем костюме я был выше двух метров ростом, а она, наверное, метр шестьдесят. Ей приходилось высоко задирать руку с микрофоном, чтобы поднести его к моему рту. Пока она меня интервьюировала при всех этих камерах, я вдруг почувствовал, что сзади что-то происходит. Я обернулся и увидел маму (все метр шестьдесят пять ее роста), пытавшуюся что-то починить или исправить. Через середину моих ягодиц проходила тонкая полоска кожи, усеянная заклепками, которая соединялась с гульфиком, покрытым шипами. И вот моя мама пыталась стряхнуть с нее пушинку или счистить пыль. Она бы еще попыталась подойти к танку сзади и убрать с него ниточку.

К тому времени мама снова вышла замуж. Ее избранником стал человек по имени Эли, польский джентльмен, лишившийся в войну семьи. Он работал в индустрии одежды и преклонялся перед моей матерью. Если они шли по улице и мама замечала в витрине какую-то вещь, которая ей нравилась, он внимательно изучал эту вещь, а затем дарил маме точную копию. Второй брак был заключен ею в должное время, что позволило мне продолжить жить своей жизнью. Когда я был помладше, нас всегда было двое — мама и я, — и тогда, вероятно, мне было бы сложно справиться с новым замужеством матери. Когда же появился Эли, я уже жил вне дома, учился и был готов к самостоятельной жизни.

Эли и мама никогда особенно не понимали затеи с группой. У меня с мамой был заключен пакт: если ничего не выйдет с музыкальной карьерой, я займусь преподаванием. Такой подход ее устраивал, но все остальное оставалось загадкой. Не помню, чтобы в то время я много с ними общался — я был слишком занят делами группы, — хотя вспоминаю, как мы говорили с Эли о политике. Я был молодым человеком, более либеральным и более открытым к различиям. Эли, напротив, не отличался либеральностью. Тогда я и понял: если пережить то, что довелось

пережить ему, а именно — увидеть, как твою семью убивают люди, представляющие правительство, — сложно поверить в либеральную политику.

* * #

В 1976 году KISS отправились в Европу с большим турне. Мы прибыли в аэропорт Хитроу в Лондоне и сошли с рейса в полном гриме. Пресса крутилась вокруг нас, а мы ездили по всем достопримечательностям и фотографировались для журналов. Я трепетал, ведь это была Англия, родина he Beatles. Все равно что совершить паломничество в Мекку.

Одной из наших помощниц в Англии была привлекательная индианка. К тому времени, как мы добрались до отеля, я убедил ее навестить меня в номере — замечательное начало пребывания в новой стране. Наш отель выходил окнами на Гайд-парк. Отель был среднего класса, но его гордостью считалось сохранение архаичных представлений о надлежащем поведении. Например, нельзя было принимать посетительницу себя в номере, и мне приходилось приводить их украдкой.

Британская ночная жизнь оказалась столь же богатой, как и американская. Однажды мы отправились в клуб «Marquis», который был забит под завязку. Я бродил по клубу в поисках новой подруги или двух. Я подошел к бару и попросил колу. Я не питал пристрастия к алкоголю и действительно ни разу в жизни не напивался. У бара стояла Патти Смит. Не помню, чтобы я сказал ей хоть слово. Я был больше поглощен двумя сногсшибательными красотками, стоявшими в другом конце зала. И вдруг Смит повернулась ко мне, влепила пощечину, пробормотала что-то невнятное и направилась к выходу. Я до сих пор понятия не имею, что стало тому причиной. Но я недолго думал и подошел к тем двум девушкам, начал танцевать с ними, а вскоре увел обеих к себе в отель. Дамы оказались участницами Kid Creole and he Coconuts — группы, которую я впоследствии полюбил и чьи концерты часто посещал. Вечер в отеле начался горячо и жестко. Похоже, мы довольно громко шумели, поскольку в дверь постучали. Это был Пол: «Неужели не понятно, что ночь на дворе? Нельзя ли потише?» Я извинился, вернулся к девочкам, и мы с ними отодвинули кровать от стены, положили матрас на пол и продолжили свои занятия. Где-то в пять утра мы все до смерти проголодались. Я заказал кучу еды. Она прибыла удивительно быстро, но, как оказалось, я неправильно сообщил номер комнаты, и еду доставили в номер к Полу. Он к тому времени совершенно утерял чувство юмора. С тех пор Пол всегда требовал, чтобы наши с ним номера не были соседними.

Остальная Европа не принесла такого же удовлетворения, как Англия. Во-первых, условия размещения оказались не такими, как мы ожидали. Европейские гостиницы отличались от американских: они были меньше, и сантехника не всегда работала исправно. Кроме того, «Alive!» не везде продавался одинаково хорошо, так что в некоторых странах нам почти казалось, что мы все начинаем сначала. Где-то мы собирали арены, а где-то играли перед практически пустым залом. Франция, например, не имела сильной традиции рока — оттуда до сих пор не вышло никаких значимых рок-звезд. Временами мы очень огорчались. Но на каждую Францию приходилось по нескольку таких мест, как скандинавские страны, и это было великолепно. Великолепные толпы, великолепные фанаты, великолепные девочки.

* * *

Мы были в восторге от обрушившейся на нас славы, ведь именно ради этого мы работали годами. Наши семьи гордились нами. Но даже на пике славы мы стояли особняком в мире рок-н-ролла. Мы никогда не появлялись на чужих пластинках. Мы не тусовались. Мы были этакими одиночками. И это мы тоже почерпнули у битлов. Когда играли he Beatles, зал принадлежал им одним. Если играли he Stones, на сцену могла выйти Тина Тернер и кто угодно. Но если выступали he Beatles, то только he Beatles. То же я чувствовал и относительно своей группы. Если моя группа дает концерт, я не хотел, чтобы вмешивался кто-то еще. Так мы и поступали. Многие в разное время предлагали нам поиграть вместе. Но мы не джемовали. Мы не тусовались до или после концерта. По крайней мере, для меня на первом месте стояли женщины. Мне плевать было на то, как другие играют на гитаре. Я хотел знать, кто нынешней ночью разделит со мной постель.

Кроме того, в то время в первом ряду на рок-концертах часто сидели кинозвезды, но мы знаменитостей никогда не привлекали. Только впоследствии я узнал, что почти каждый из них втайне является поклонником KISS. Например, Джимми Баффетт написал песню «Мапапа», в которой он поет: «Ты не видел ничего, если ты не видел заката. / Ты не видел рок-концерта, если ты не видел KISS». А группа Cheap rick исполняет песню «Surrender» о матери и отце, валяющихся на диване с пластинками KISS,

принадлежащими их ребенку. Каждый день я встречаю наших фанатов, будь то Гарт Брукс или Ленни Кравитц.

Я создал персонажа по имени Демон, рестлера в гриме Джина Симмонса. В прошлом году у меня попросил автограф пятилетний мальчик по имени Дэвид. Вообще-то с просьбой обратился его отец, спросив, нельзя ли написать «Дэвиду от Демона». «Может, написать «от Джина Симмонса?»» — спросил я. «Нет, — ответил отец. — Он не знает, кто такой Джин Симмонс и что такое KISS. Он знает только рестлера Демона». Монстр стал звездой!

9. «I'm a Legend onight», или Сегодня я легенда: Альбом «Love Gun» 1976-1977

Когда пришла пора возвращаться в студию для работы над нашим следующим альбомом, нужно было решить, продолжать ли сотрудничество с Бобом Эзрином. Эйс и Питер давили на то, что нужно вернуться к основам, опять стать рок-н-ролльным квартетом без планов, без баллад и без людей, которые указывают нам, как играть. В то время определенный сегмент наших фанатов считал, что альбом «Destroyer» получился слишком плюшевым. Слушая его сегодня, можно увидеть, что это одна из наиболее последовательных наших пластинок, которая выдерживает проверку временем не хуже любой другой, но там звучат скрипки, и для многих это оказалось проблемой. Перемены часто с трудом даются именно тем, кто считает себя настоящими рокерами.

Так что Эйс и Питер снова хотели делать рок-н-ролл без прикрас, а мы с Полом относились к этому настороженно. Мы сняли «Star heater* — театр на севере штата Нью-Йорк, где, кстати, играл сам Фрэнк Синатра. (Позднее здание загадочным образом перестали эксплуатировать после пожара.) Сцена находилась по центру, а вокруг нее располагались сиденья. Мы позвали Эдди Крамера и начали работать над новым альбомом, «Rock and Roll Over». Мы записали песни, которые сочинили с Полом во время турне. Эйс и Питер тоже предложили свои номера, но, по крайней мере, по нашим оценкам, большинство из них не соответствовало уровню. Те, что уцелели, в результате попали на альбом, но в сильно измененном виде. Мы с Полом много чего делали за других, потому что знали, что фанаты предпочитают думать, что все в группе одинаково талантливы.

Для группы это было относительно стабильное время. Мы вполне радовались жизни. И все же говорить о стабильности в KISS — все равно что говорить о свободе в тюрьме. Все относительно. Эйс и Питер продолжали вытворять самые нелепые

вещи. Эйс восхищался нацистской символикой, и в пьяном угаре они с друзьями снимали себя в нацистских костюмах на видео. В то время мэром Нью-Йорка был Эд Кох, еврей, и Эйс показывал мне запись, где они с лучшим другом угрожают «еврею Нью-Йорка», заявляя: «Мы его укокошим!» Ясно, что он был пьян в стельку. Нам с Полом это не понравилось. Но Эйса лишь забавлял собственный вид на пленке.

Питер тоже много пил и употреблял наркотики. Однажды он пошел в клуб и, по слухам, потребовал, чтобы определенное вещество положили перед ним прямо на тарелку. Владелец клуба отказался. Тогда Питер попытался запугать его, но у него ничего не получилось. Собака все так же лаяла, но не кусала. Именно так он решал все вопросы — шантажом и блефом.

Несмотря на все стычки, мы с Полом хранили верность группе. Несмотря на все безумия, группа держалась вместе. Оглядываясь назад, я понимаю, что, возможно, это было ошибкой. Мы бы уберегли себя от массы головной боли, если бы при первых же признаках беды внесли бы в группу изменения. Ведь Эйс и Питер именно на это и напрашивались. Позднее, записав свой сольник, Эйс заявил, что, не уйди он из группы, покончил бы с собой, потому что, по его выражению, в KISS он был лишен творческой свободы. Но, покинув группу, он разорился, объявил себя банкротом и стал еще большим наркоманом, чем раньше, как ни печально об этом говорить.

Эйс, благослови его Бог, рассказывал мне, что верит в инопланетян, духов, карму и прочие странные вещи. У него было счастливое число, двадцать семь. Стоило ему получить от кассира на сдачу два пенни и четвертак, он таращился на них, пока не спросишь его, что случилось, а потом отвечал: «Смотри, если сложить эти монеты, получится двадцать семь». Или если мы сидели в ресторане и меню было написано на доске, он складывал цены блюд, чтобы решить, что заказать. Если сумма не вписывалась в его теорию счастливого числа, он начинал заново. Как-то я ему сказал: «Эйс, мне кажется, тебе лучше выбрать другое счастливое число. А то что-то тебе не очень везет». Но он меня не понял. Он из тех, кто возвращается из Лас-Вегаса и рассказывает о том, сколько денег выиграл, не говоря ни слова о том, сколько проиграл.

Слава порождает монстров, и я говорю здесь не только об Эйсе и Питере. Я говорю и о себе. Приблизительно в это же время, в 1977 году, мы наняли нового концертного менеджера, Фрэнки Скинларо. Все обожали этого невысокого толстячка. Он явно занимался не своим делом — его настоящее призвание состояло в том, чтобы постоянно всех смешить. Фрэнки уже прошел через

рок-войны с другими группами. Он слышал все наши истории про наркотики и выпивку и с мудростью относился к Эйсу и Питеру. И с такой же мудростью он относился к Джину и Полу.

Узнав нас получше, он дал всем нам прозвища. Эти имена в точности описывали каждого из нас и наши стремления. Одним из прозвищ Питера, например, было Питер Недоволинг, потому что он вечно жаловался. Также его называли Аятолла Крискуола и Мистер Страдание. Эйса Фрэнки прозвал Высокооктановым, потому что тот частенько накачивался. Пол был Он/Она из-за своего андрогинного имиджа. Меня он окрестил Джином из Назарета. Фрэнки считал, и совершенно справедливо, что я взрастил в себе чувство превосходства и считаю всех остальных идиотами. Он часто говорил: «О, спасибо тебе огромное, что ты со мной поговорил. Это такая честь для меня. Я хочу стать точно таким же, как ты, когда вырасту». Он постоянно мне кланялся и шаркал ножкой. Унизительно, но я это заслужил.

В середине 1970-х мы были настолько популярны, что наши пластинки стали покупать даже тинейджеры и дети помладше. А это означало, что вырос спрос и на массу другой продукции KISS — маски для Хеллоуина, коробки для ланча, наклейки для школьных тетрадей, ластики. Продвижение коммерческой продукции изменило облик группы. Эйсу и Питеру это не нравилось, потому что они не умели видеть картину в целом. Но даже Пол немного колебался. Кое-что он считал неуместным в контексте рок-н-ролла. Пол часто убивал идеи на корню — и до сих пор это делает, — потому что он более осторожен и старается сохранить то, что мы имеем. Хотя предполагается, что я должен постоянно звонить ему и обсуждать с ним все новые идеи, часто я избегаю этого. Я просто беру и делаю то, что считаю нужным, будь то туалетная бумага «KISS: поцелуй меня в задницу» или книги «KISST0RY», а потом нам с Полом приходится серьезно разговаривать. Но это не смертельные диспуты. Это горячие разногласия.

Я часто садился и делал наброски. Так, в 1976 году я придумал идею «Мира KISS», защищенную нашим торговым знаком. Я хотел взять десять оборудованных грузовиков-платформ, спроектированных таким образом, чтобы на городской ярмарке можно было открыть и закрепить их стенки в горизонтальном положении, соединив таким образом все грузовики между собой. Там были бы лестницы, а посередине — большой шатер. Неожиданно перед публикой появлялась бы концертная площадка, и не нужно никаких арендованных залов. Вместо этого можно было бы приехать в открытое поле и

проводить там конкурсы мокрых футболок KISS, демонстриррвать концертные записи, проводить выступления групп, исполняющих композиции KISS, а главное — продавать сувенирную продукцию KISS. Я все тщательно продумал, но группа зарубила мою затею. Они решили, что она слишком крупная и слишком коммерческая. Я до сих пор держусь за свою мысль. Изначально все считали подобные предложения недостойными. Но сейчас каждый, кем бы он ни был, помнит свою первую коробку для ланча с символикой KISS. Многие хранят их до сих пор.

Периодически мне встречались группы, которым, как я считал, суждено было прославиться. Одной из таких групп были Van Halen. Я увидел их в клубе «Starwood» в 1977 году. Я пошел туда с Бебе Бьюэл, моделью, дружившей со многими рок-звездами. (Лучше всего она сейчас, пожалуй, известна как мать актрисы Лив Тайлер.) Мы с Бебе хотели пойти послушать группу под названием Boyzz, а на разогреве у них играли новички Van Halen.

После первых же двух песен я понял, что им светит слава. Удивительно, но в клубе их приняли только на троечку. Они понравились публике, но маниакальной реакции не последовало. Но я сразу все понял. Я пошел за сцену, подошел к музыкантам и представился. Затем я сразу приступил к делу. Я хотел знать, каковы их планы. У них был потенциальный спонсор — производитель йогуртов. Я сказал: «Пожалуйста, сделайте мне одолжение — избавьтесь от него. Я оплачу вам перелет в Нью-Йорк, я спродюсирую вашу демо-запись». Так я подписал с ними контракт.

Я сразу же начал повсюду их таскать. В Лос-Анджелесе мы побывали в студии «Village Recorders», а в Нью-Йорке я купил Дэвиду Ли Роту кожаные штаны, ремни и обувь на платформе. Потом я спродюсировал их демо-запись в студии «Electric Lady» — песен тринадцать-пятнадцать, большинство из которых в результате вошли в их первый и второй альбомы. Для некоторых треков я сделал аранжировку. Следующим шагом было убедить Билла Окойна и остальных участников KISS подписать с Van HaLen контракт. Но мои коллеги по группе были недовольны тем, что я занимаюсь другими коллективами, а Билл Окойн посчитал, что Рот слишком похож на Black Oak Arkansas. Он совершенно не врубился. Я пообещал Эдди Ван Халену и остальным, что, хотя контракт у них подписан только со мной, я все же снова попытаюсь договориться с KISS после наших гастролей. Спустя два или три месяца на Van Halen обратили внимание «Warner Bros.». Я сказал: «Дерзайте. Я расторгну контракт и просто отпущу вас». Это был первый, но далеко не последний раз, когда я

заинтересовался молодой командой, — впоследствии у меня будет масса возможностей поработать с группами, только начинающими свою деятельность, а также помочь изменить ход карьеры более взрослых музыкантов. Работа с другими группами, помимо KISS, была во многих отношениях раскрепощающей, ведь я мог поделиться всем тем, что узнал о музыкальном бизнесе. А именно наивное отношение к этому бизнесу подчас губит молодые группы.

KISS завоевали Америку. Мы завоевали Европу. А затем, в начале 1977 года, мы отправились в Японию, чтобы отыграть несколько концертов в Будокане в Токио, билеты на которые были полностью распроданы. Позднее мы узнали, что побили там рекорд he Beatles. Мы ничего не знали о Японии. Мы приземлились там так же, как сделали это в Англии, то есть сошли с трапа при полном гриме и в костюмах на случай, если будут репортеры. Что ж, отличный план, но только вот японские таможенники не хотели впускать нас в страну, потому что не верили, что мы — те же люди, чьи фото они видели в наших паспортах. Так что нам пришлось снять грим, пройти таможню, а потом снова загримироваться.

Когда мы наконец вышли из аэропорта, то увидели на улице около пяти тысяч японских фанатов. Наш японский промоутер мистер Удо позаботился о том, чтобы все машины были в двойном экземпляре, и большинство фанатов побежали за дублями наших машин, в то время как мы прокрались через задний выход и залезли в свои машины. Но некоторые фанаты раскусили наш трюк и побежали за нами. Я действительно думал, что мы не уйдем оттуда живыми, столько там было людей, готовых нас раздавить. Они залезали на машины сверху. Они физически могли поднять машину. Это была невероятная KISS-мания, вроде того, что можно увидеть в битловском «A Hard Day's Night», только еще хуже, потому что фанаты толкали и разворачивали машины и потому что, помимо девчонок, здесь были и парни. Позднее мы узнали, что японские фанаты чувствуют к нам особую близость из-за нашего макияжа, напоминающего театральный грим кабуки, а еще супергероев из японских телешоу. Так же как некоторые из наших ранних американских фанатов были чернокожими, потому что не ассоциировали нас с белыми или черными, японцы приняли нас, потому что не воспринимали нас американцами или азиатами.

Девушки в Японии тоже были замечательные, готовые на все и очень доступные. Интересно, что японки, по моему опыту, напоминают маленьких девочек, их сексуальность в каком-то роде невинна. «Кокетка» — слово французского происхождения, и

такого понятия в Японии нет, во всяком случае я этого не увидел. Например, когда японка испытывает оргазм, она издает своеобразный звук, который похож на плач ребенка.

Япония была не просто другой страной, она была скорее другим миром. В пределах страны мы путешествовали на сверхскоростном экспрессе, самом быстром поезде в мире. Японские фанаты, и особенно девушки, следовали за нами повсюду. Они хихикали, дарили нам подарки и впадали в истерику прямо перед нами.

В турне по Японии Питер привез с собой свою жену Лидию, так что вне работы мы его почти не видели. Эйс же, наоборот, давал жару. Однажды ночью он постучал ко мне в дверь и предстал передо мной в стельку пьяный при полном нацистском параде вместе со своим другом, салютуя и крича мне в лицо: «Хайль Гитлер!» У меня даже фотографии есть. Эйс знал о моем отношении к нацистской Германии. Он знал, что моя мать побывала в концлагерях и что вся ее семья была уничтожена. Но его это не остановило. Спустя много лет, во время прощального тура KISS по Японии, барабанщик Эрик Зингер (в то время заменявший Питера Крисса) в шутку начал называть Эйса «Рэйс Фрэйли»*{8}.

В один наш выходной в Японии мы отправились в ночной клуб, где нас встретил джентльмен, представившийся Гэном. Он был крепким и мощным и, без сомнения, мог постоять за себя. Мы по-японски не говорили и полагались на своих переводчиков. Едва мы прошли в VIP-зону, девушки стали выстраиваться в ряд, дефилировать мимо нас и хихикать. Человек рядом со мной оказался важной персоной — это было ясно потому, что, когда он подносил сигарету ко рту, два других парня сразу же кидались дать ему огня. Мы обменялись любезностями. Позднее я сообразил, что он, вероятно, был членом *якудза,* японской мафии.

Одна девушка из толпы протянула мне руку, и я ее пожал. Гэн разорвал это рукопожатие, плюнул девушке в лицо и закричал на нее по-японски. Она заплакала и убежала. Переводчик объяснил, что Гэн повел себя так, как посчитал нужным. Он находился там, чтобы защитить нас, а девушка показалась ему «недостойной» коснуться меня. Очевидно, что это была совершенно иная культура.

В какой-то момент я поднялся, чтобы пройти на танцпол, и охранники последовали за мной. Большинство японцев ниже ростом, чем американцы: средняя японка примерно полтора метра ростом. Одна девушка, красотка около метра семидесяти, поймала мой взгляд. Я сразу же направился к ней, взял ее за руку и потянул на танцпол. Она улыбнулась. Я предложил пойти в

отель, но музыка была слишком громкой. Девушка просто продолжала улыбаться. Когда мы приехали с ней в отель, я попытался пообщаться, но потом меня осенило, что она не знает ни слова по-английски. Хотя это, казалось, не имело никакого значения. Разговаривать было ни к чему. На следующий день один из наших охранников объяснил, что это известная японская телезвезда. Поздно ночью перед рекламными паузами на японском телевидении показывали кадр с красивой обнаженной девушкой, улыбающейся в камеру. Когда мы вернулись в Америку, пресс-служба KISS показала мне газетную вырезку из Японии. На фотографии была та самая девушка, дарившая свою улыбку бесчисленной японской аудитории. Переводчик сообщил, что статья называется «Моя ночь страсти с Джином Симмонсом». Я был не против. Если честно, мне это польстило. Она была прекрасна.

Хотя «Love Gun», вышедший в 1977 году, стал нашим третьим альбомом подряд, разошедшимся миллионным тиражом, группа в то время трещала по швам. Не то чтобы мы хотели разойтись, но появилась жажда собственного пространства. Мы были вместе пять лет — типичный срок жизни для группы. Раньше мне казалось, что he Beatles существовали всегда, но, если разобраться, их недолговечность поразительна: всего десять лет — и лишь семь из них группа записывала пластинки, от «Mee he Beatles» до «Le It Be».

Напряжение, с одной стороны, разрывало нас на части, с другой — толкало вперед к новым проектам и неисследованным водам. С ранних летя был страстным приверженцем комиксов, и в 1978 году мы извлекли пользу из этого увлечения, издав собственный комикс. Сначала наш большой фанат Стив Гербер, художник издательства «Marvel», включил нас в два последних номера «Утки Говарда». Мы изображали демонов, вселившихся в Говарда. В «Marvel» заметили, что эти два выпуска «Утки Говарда» продавались с бешеным успехом, хотя мы даже не были помещены на обложку. Тогда они предложили нам издать комикс про KISS.

Мне организовали встречу со Стэном Ли, главой издательства «Marvel». Для меня он был богом. Ребенком я посылал письма издателю со своими замечаниями и однажды даже получил в ответ открытку, подписанную Стэном Ли, со словами: «Никогда не сдавайся». И подпись: «Стэн». И я тогда подумал: «Вот оно, я это сделал». Комиксы «Marvel» нравились мне потому, что реальная жизнь персонажей вроде Человека-паука была очень непростой и шла вразрез с их существованием в качестве супергероев. «Супермен», комикс издательства «DC», считавшийся

классикой жанра, я не читал с тем же постоянством. Супермен не был тинейджером и не ведал проблем.

Когда мы встретились со Стэном Ли, я сказал ему, что знаю, что на самом деле его зовут Стэнли Либер и что Ларри Либер, один из иллюстраторов «Marvel», — его брат, а еще что «Marvel» принадлежит корпорации «Сааепсе Industries». Я даже знал, как зовут его секретаршу, — Фло Стейнберг. Он был в шоке. Мы разговорились, и выяснилось, что мы родственные души. Он взял другое имя, потому что не хотел, чтобы люди знали о его еврейском происхождении, — так же, как и я. А крылья на моем костюме были вдохновлены Черным Громом — персонажем, созданным Стэном Ли.

Пока мы развивали идею с комиксом KISS, кто-то придумал добавить в чернила для комиксов настоящую кровь. Это был не я — может, Билл или Шон. Мы сели в «DC-3», большой винтовой самолет, и полетели в Буффало в типографию «Marvel», где заливают чернила и печатают комиксы. При взятии крови, кстати, присутствовал государственный нотариус. Комикс, вышедший в 1978 году, стал самым продаваемым комиксом «Marvel».

Приблизительно в это же время мы решили записать еще один живой альбом — подборку материала из «Destroyer», «Rock and Roll Over» и «Love Gun». Отчасти это решение было продиктовано настойчивостью звукозаписывающей компании, а отчасти — желанием отблагодарить наших фанатов за их постоянную поддержку: первый живой альбом во многом определил нашу карьеру, а второй мог бы стать хорошим подспорьем. В каком-то смысле было безумием с нашей стороны даже просто попытаться это сделать, ведь 1977-й оказался невероятно насыщенным годом для группы: японское турне заняло большую часть марта, в июне вышел «Love Gun», а уже в ноябре последовал «Alive II». Мы были не готовы к работе в студии, грызлись из-за материала. И даже если бы мы были готовы, студия отнимала немало времени. Мы же не хотели, чтобы наши фанаты почувствовали себя обманутыми, поэтому для одной стороны «Alive II» писали новые песни.

Когда мы наконец добрались до студии, Эйс просто перестал появляться на сессиях. Нам пришлось обратиться к другим гитаристам: например, Бобу Кулику и Рику Дерринджеру. Эйс был зол, как никогда. «Как вы могли записываться без меня?» — бушевал он. Как мы могли? Да вот так, ведь другие парни, в отличие от него, приходили. Это был не первый и не последний из бесчисленного ряда случаев, когда Эйс подводил группу. Несмотря на это, и без Эйса «ALive II» стал еще одним нашим мультиплатиновым двойным диском.

В середине 1978 года известная мультипликационная студия «Hanna-Barbera» обратилась к нам с предложением поучаствовать в фильме. К тому времени мы уже появились в «Утке Говарде» и в собственном комиксе «Marvel». Мы встретились, выслушали их идею, после чего пожали плечами и решили: «Звучит неплохо».

Фильм снимался в парке развлечений «Мэджик маунтин», где находились самые большие американские горки в мире. Мы не провели в съемочном павильоне буквально ни минуты. Все действие происходило в парке. По сюжету сумасшедший ученый терроризировал посетителей этого парка развлечений разными призраками. KISS должны были разоблачить ученого и раскрыть тайну.

Режиссером фильма выступил Гордон Хесслер, снимавший боевики и триллеры. Кстати, с ним было очень приятно работать. После каждой отснятой сцены он спрашивал, как мы. А что мы? Съемки фактически крутились вокруг нас, ведь мы были звездами. Два часа уходило только на грим.

К тому времени Эйс и Питер находились в плачевном состоянии. KISS появлялись на обложках всех журналов, но часто на фотографии был один я. Иногда на обложку попадал Пол, в исключительных случаях Эйс, и никогда — Питер. Я ничего специально не планировал. Пресса освещает тех, кого освещает. Однако Эйс и Питер были уверены, что именно из-за моих происков они не попадали на обложку.

Но шанс у них все еще был. Над фильмом «KISS против фантома парка» с нами работали два сценариста, которые хотели послушать, как мы все разговариваем, прежде чем писать диалоги. С Эйсом в те дни общение было невозможно. Он почти не говорил. Что бы ему ни сказали, он только издавал звук «Оок!» на манер попугая. Никто не мог его понять. Либо он бормотал себе под нос всякий бред: «Тринадцать за дюжину... Мое «я» уничтожит их всех по одному...» — а потом смеялся. Значение этих фраз понимал только Эйс — остальные представления не имели, о чем он говорит.

В готовом сценарии персонаж Эйса все время молчал. Он только издавал звук: «Оок!» Эйс был в ярости. Он хотел знать, почему ему не дали никаких слов. Надо отдать должное сценаристам — они повернулись к нему и сказали: «Да ты чего? Мы от тебя, кроме этого «Оок», ничего не слышали. Мы думали, ты именно так и хочешь разговаривать». Эйс заявил, что ему есть что сказать. Что ж, надо было раньше думать.

Пока мы работали над «KISS против фантома парка», остальные участники группы возмущались тем, что в газетах

преобладают мои фотографии. Если на снимках и были другие музыканты, они находились на заднем плане, а мое лицо было в четыре раза крупнее других. Между мной и Полом всегда существовал соревновательный момент, как бывает между братьями, и с ходом времени мы немало поперетягивали одеяло на себя. Пол начинал злиться, если ему казалось, что я слишком доминирую в группе, и наоборот. Но Эйса и Питера действительно обидела реклама фильма, особенно та, что появилась в журнале «TV Guide». Они чувствовали, что их участие в фильме не так важно, как мое или Пола. На самом деле выбора у нас не было. Во-первых, Питер снова попал в автомобильную аварию. Он пробуксовал метров сто, прежде чем разбиться и попасть в больницу. К тому же его реплики в фильме было невозможно понять из-за тяжелого бруклинского акцента. Так что озвучивал Питера другой человек. Да даже добиться того, чтобы Питер и Эйс появились перед камерой, получалось не всегда. Иногда они просто пропадали, не приходили на съемки. Единственным выходом было использование дублеров. Питера заменял пятидесятипятилетний актер, на которого мы накладывали наш грим. Дублером Эйса был афроамериканец.

Работа над фильмом оказалась непростой, неспокойной и не особенно интересной. Но, как и почти все, что мы тогда делали, фильм принес успех. «KISS против фантома парка» был в итоге показан в хеллоуин на канале NBC. Поскольку телерейтинги оказались очень высокими, студия «AVC0 Embassy» также организовала кинопоказы за пределами США. Когда мы ездили с концертами по Канаде, этот фильм шел в кинотеатрах. Во время наших гастролей по Австралии его показывали в кино для автомобилистов на открытом воздухе. Очень странное ощущение, ведь я вырос, преклоняясь перед Белой Лугоши и Борисом Карлофф, а теперь нас показывали в чокнутом кино наряду с Франкенштейном и Дракулой.

Однако проблемы продолжали выходить на поверхность. Большинство из них было связано с Эйсом, который постоянно вредил сам себе, да и Питер от него не отставал. В какой-то момент Эйс начал говорить: «Ну все, я ухожу. Я записываю собственную сольную пластинку». Тогда Билл Окойн сказал: «Слушай, не бросай группу. Давайте каждый из вас сделает сольник. Может, нам просто нужно провести какое-то время раздельно». И все мы согласились.

10. «Then She Kissed Me», или И тут она меня поцеловала: Жизнь с Шер 1978

Впервые Я встретился с Шер в 1978 году на вечеринке, которую Нил Богарт устраивал для «Casablanca». Я практически ни с кем там не был знаком — некоторых знал в лицо или понаслышке, но не лично. В какой-то момент тем вечером я заговорил с Шер. Я представился ей, а она не поверила, что я именно тот, за кого себя выдаю. Оказалось, что ее дочь Честити была фанаткой KISS и очень советовала маме пойти на ту вечеринку, потому что знала, что туда приглашен Джин Симмонс. Но Шер почему-то решила, что речь идет о киноактрисе Джин Симмонс. Она не сразу поняла, что дочь говорит обо мне.

В то время я уже начал подумывать об идеях для своего сольного альбома, представлявшегося мне крупным проектом, с кучей приглашенных звезд и атмосферой дорого постановочного шоу. Мне показалось, что будет здорово, если на этой пластинке споет и Шер.

После вечеринки я отправился к ней. В лимузине с нами ехала Марша Стрэссмен из сериала «Добро пожаловать назад, Коттер» и пугала Шер моим непостоянством. В любой другой ситуации это было бы справедливо, но в данном случае я испытывал куда более глубокий интерес. Мы приехали к Шер, и я сам не заметил, как мы уже начали говорить о жизни, о местах, откуда мы родом, о детстве. Неожиданно я встретил в ней достойного собеседника. Для меня это было странное чувство. Шер оказалась умной, интересной, забавной. Я не допускал и мысли о том, чтобы придать общению — по крайней мере, в тот момент — какую-либо сексуальную подоплеку.

Вечер продолжался, Шер приготовила горячего шоколада, а мы все говорили о всякой всячине — ее жизни, моей жизни, моем сольном альбоме. Я до сих пор помню тот горячий шоколад, потому что она положила в него зефиринки, — раньше я такого никогда не видел. Ее, казалось, удивило, что я, хоть и являюсь

рокером, могу нормально изъясняться, и к тому же не гомосексуалист и не алкоголик. Шер как раз рассталась с Грегом Оллманом, серьезно злоупотреблявшим химическими веществами. Сама Шер всегда была против наркотиков.

На заре следующего утра — часов в пять или шесть — она отвезла меня обратно в отель «Эрмитаж», где я остановился. Мы простились и договорились вернуться к теме моей сольной пластинки. Я чувствовал, что назревает нечто значительное. Я решил спросить, не сходит ли она со мной куда-нибудь вечером. Шер ответила, что собирается на концерт рок-группы he ubes. «Отлично, — сказал я. — Во сколько за тобой заехать?» Тогда она объяснила, что уже пригласила свою подругу Кейт Джексон, игравшую тогда в сериале «Ангелы Чарли». С Кейт я был не знаком, но меня это мало волновало. Мы поужинали втроем, а потом пошли послушать he ubes. Обычно на подобные концерты я приходил с толпой и уходил с толпой. Но тут все вышло иначе. Мы отправились за сцену, и мне было очень неловко. Парни из he ubes увлеклись общением с Шер, а я сидел в углу и разговаривал с Кейт Джексон. Наконец закулисная вечеринка закончилась, и мы сели в машину, чтобы поехать домой. На обратном пути в салоне стояла гробовая тишина, а уже дома, наконец заговорив, Шер взорвалась. Она заявила, что не очень-то любит, когда ее игнорируют и особенно когда клеятся к ее подружке Кейт. Я онемел от удивления. Когда я попытался что-то объяснить, она сказала, что больше не желает меня видеть.

Оглядываясь назад, я понимаю, что нужно было вести себя предусмотрительнее. Но я не осознавал подобных вещей, поскольку у меня никогда не существовало полноценных отношений, и вся эта ревность была мне совершенно чужда. Я не привык обсуждать чьи-то чувства. Я единственный ребенок в семье. Моя мама пережила невероятные беды, побывала в концлагере, испытала самую страшную трагедию двадцатого века. Я рос в относительной бедности и радовался, если было что поесть. Мне это казалось самым главным. Если мне нужна была компания, я ее находил. Если уставал, ложился спать. Жизнь была хороша, проста и однозначна. Однако жизнь с Шер поначалу не выглядела ни простой, ни однозначной. Я позвонил Шер из отеля и сказал, что еду в Нью-Йорк работать над альбомом и позвоню, когда доберусь туда. «Ладно, — ответила она. — Сейчас я не могу разговаривать».

По дороге в Нью-Йорк и по приезде туда я все еще думал о ней. Конечно, в моей жизни были и другие девушки — те, с кем я сходился до и после того, но Шер поглощала огромное количество моих мыслей. Днем я постоянно звонил ей под тем

предлогом, что хочу слышать ее на своем альбоме. Мы говорили часами, и я был от нее в восторге. Однако наши разговоры, как правило, очень быстро переходили на личные темы. На заре наших отношений она настояла на том, чтобы мы обсудили ту ситуацию с Кейт и ее собственное раздражение оттого, что я уделял внимание другой женщине. Мне это показалось справедливым и логичным. А самое главное, ее аргументы выглядели убедительными. И тут я снова оказался в Нью-Йорке, в окружении других женщин. Казалось, старая жизнь вернулась ко мне. Но вот только это было совсем не так — часть меня оставалась за тысячи километров от Нью-Йорка, рядом с Шер.

Однажды, когда я наслаждался обществом прелестной молодой девушки, зазвонил телефон. Это была Шер, и я, не успев моргнуть глазом, оказался втянут в очередную длинную беседу. Шер хотела знать, когда я вернусь в Калифорнию. Хотела знать, когда мы сможем спокойно сесть и поговорить о пластинке. Потом мы снова переключились на нас — на чувства Шер и на то, чего она от меня ждет. Ситуация странная, и еще более странной ее делал тот факт, что в соседней комнате меня ждала юная красотка. Та девушка мне нравилась. Но в женщине на другом конце провода было что-то особенное — у нас еще даже не случилось физической близости, а я не мог ее игнорировать.

В Нью-Йорке мы работали над новым альбомом лучших хитов «Double Platinum», и в частности над новой диско-версией песни «Strii er». Это была идея Нила Богарта: он хотел объединить два своих самых крупных дела — KISS и диско. В целом композиция осталась прежней, только были добавлены ударные. Меня этот трек особенно не волновал, и я практически им не занимался. Но как раз после записи новой версии я сказал парням, что мне нужно уехать. Я собирался в Калифорнию, чтобы прояснить ситуацию с Шер. Если бы вы знали меня раньше, то решили бы, что меня подменили. Уйти, не доработав песню до конца, да еще и лететь через полстраны, чтобы повидаться с девушкой, — такое не в моем духе. Но в области отношений я был новичком.

Шер встретила меня в аэропорту Лос-Анджелеса в джинсах и футболке. Тогда свободный наряд служил одним из основных отличий западного побережья США от восточного. Калифорния уже перешла к неформальному стилю в одежде: главный принцип заключался в том, чтобы одеваться и выглядеть естественно. В Нью-Йорке наличие денег показывали всем своим видом: шелковые рубашки, кожаные брюки и тому подобное. Никто, кроме бомжей, не носил джинсы и футболки. Стиль Нью-Йорка воплощали he Dolls. Стиль Лос-Анджелеса — he Doobie Brothers.

Из аэропорта мы поехали на лимузине к Шер домой. Я,

видимо, ожидал, что ход наших отношений сразу же ускорится, и надеялся, что уже в машине что-то произойдет. Но Шер меня удивила: никакого секса в машине. Мы только обнимались и держались за руки. Я испытывал какое-то головокружительное чувство, которого раньше не ведал. Когда мы приехали к ней, все было почти как раньше: горячий шоколад, шутки, смех. Я приехал с чемоданом и фактически сразу же, без лишних раздумий переехал к ней.

В мире KISS мой отъезд в Калифорнию вызвал некоторую волну недовольства. Во-первых, это не понравилось Эйсу и Питеру. Им показалось, что мое поведение указывает на мое пренебрежение к ним, что в моей жизни есть нечто более важное и что такая ситуация представляет для них угрозу. Интересно, что точно так же чувствовали себя и некоторые фанаты. В какой-то степени нечто похожее происходило с первыми британскими группами: менеджеры старались скрывать информацию о постоянных девушках музыкантов, а иногда даже об их женах, поскольку такие факты не вписывались в тот образ поп-кумиров, который хотели видеть фанаты. Здесь происходило то же самое: фанаты KISS хотели видеть нас трудолюбивыми, но отвязными нью-йоркскими музыкантами, которых ругают критики и которые бесцеремонно нарушают все устоявшиеся принципы рока. Одна мысль о том, что кто-то из нас живет в Калифорнии со знаменитой поп-звездой и актрисой, была абсолютно неприемлема.

Единственным человеком, понимавшим мою ситуацию (хотя и не одобрявшим ее поначалу), был Пол. С годами Калифорния нравилась ему все больше — периодически мы

приезжали туда записывать пластинку или играть концерт — и, когда я отправился на запад к Шер, он начал встречаться с ее сестрой Джорджианной. Все шло так хорошо, что я думал, они поженятся. Однако этого не произошло, хотя и не потому, что Пол противился женитьбе. Он всегда мечтал о браке, о моногамных отношениях и о детях.

Жизнь с Шер означала для меня адаптацию ко многим вещам. Во-первых, у меня появилась совершенно новая компания друзей. Хотя «друзья» — не совсем точное определение. Скорее, это были знакомые — в основном близкие друзья Шер, начиная с Долли Партон и Кейт Джексон и заканчивая Джейн Фондой. Поначалу я чувствовал себя не очень комфортно, поскольку идея дружбы между знаменитостями всегда казалась мне немного странной.

Однако мало-помалу я начинал свыкаться с ситуацией. Помогало и то, что они были актерами, а не музыкантами. Во-первых, актеры умеют излагать свои мысли. В этом состоит

важнейшее различие между актерами и музыкантами. Для актеров разговоры — часть профессии. Они общаются, глядя в глаза собеседнику. К тому же они могут появиться на публике и не считаться психами. Творчество в KISS, напротив же, не готовило нас к социальному миру. Мы не очень-то умели общаться с людьми, поскольку были слишком обособлены. Никто даже не знал, как мы выглядим без грима. Мы вообще редко сталкивались с людьми за пределами гостиничных номеров, потому что всегда прятались от папарацци.

И все же, впервые приехав в Калифорнию, я растерялся. Фанаткам-группи мне не приходилось объяснять, кто я такой и что собой представляю. А тут я начал везде появляться с Шер и даже исполнять роль отца для Честити и Элайджи, гулять, разговаривать. Помню, как однажды Шер разбудила меня ранним утром. Мы как раз только переехали в ее дом в Малибу. Я пробормотал: «Ну что, что?» Было, наверное, часов шесть утра.

● Пойдем пробежимся, — предложила она.

● Куда? — спросил я и стал надевать свои кожаные штаны, шелковую рубашку и сапоги из змеиной кожи.

● Так не пойдет, — заявила она.

● Почему? — удивился я.

● Потому что придется надеть кроссовки и шорты. Ведь мы пойдем бегать по пляжу.

● Зачем? — спросил я. Я был ошарашен. В Нью-Йорке никто подобными вещами не занимался. Во всяком случае, в 1978 году. Я даже не знал слова «пробежка». В Нью-Йорке всегда слишком холодно для бега, да и где там бегать? Там люди бегают, только если за ними кто-то гонится.

Итак, мы отправились на пляж. Я бежал рядом с Шер в своих змеиных сапогах и едва мог удержаться на ногах, потому что подошвы увязали в песке. И вдруг я увидел на пляже Нила Даймонда, а потом Барбру Стрейзанд. Я словно оказался на другой планете.

Удивляло то, что они вели себя совсем не так, как я ожидал. Они были обыкновенными людьми. Хотя фанаты KISS, пожалуй, могли бы сказать то же самое после встречи со мной. Я ведь тот парень, который сначала плюется кровью, а потом вдруг говорит: «Здравствуйте, приятно познакомиться». А фанаты думают: «Подождите-ка, а почему это у него кровь изо рта не хлещет?»

Через Шер я познакомился с Джейн Фондой. Наше общение было недолгим. Я сидел в студии, а Джейн зашла, чтобы вместе поужинать. В реальности она оказалась еще привлекательнее, чем на фотографиях или в фильмах. Она была очень умна и говорила только по делу. Видимо, ее очень интересовала сама концепция

KISS, и она много спрашивала о группе. Джейн также хотела узнать мое мнение о фильме, над которым она тогда работала, и о его названии — «Китайский синдром». Она рассказала мне сюжет, и я заметил, что название мне не очень нравится. Я бы предпочел что-нибудь вроде «А если бы...». И еще было бы здорово, если бы три точки после «бы» могли загораться поочередно и крутиться все быстрее и быстрее, причем каждый визуальный акцент сопровождался бы звуковым сигналом. Фильм вышел на экраны. Он назывался «Китайский синдром».

Проведя какое-то время в Калифорнии, я начал немного отвлекаться от мира рок-н-ролла. И хотя я всегда любил кино и интересовался этой областью, я все же оставался парнем из группы. Я понятия не имел, как пробраться в мир кинематографа, кто руководит студиями и какова их структура. Но я начал погружаться в эту сферу — в основном благодаря Шер, которая тогда еще не была кинозвездой, но старалась прорваться в кино. У нее была своя телевизионная программа, которую она сначала делала вместе с Сонни, а потом и одна, и в Лас-Вегасе она организовывала громкие шоу. В тот момент она была, пожалуй, самой крупной звездой в стране или, по крайней мере, гарантом того, что журналы с ее фотографией на обложке будут распроданы.

Когда мы ходили на вечеринки, я наблюдал за тем, как звезды общаются друг с другом. Я заметил, насколько сердечно Шер разговаривает с людьми, хотя впоследствии она могла признаться, что даже не знает, кто это был. Мне это казалось странным, потому что в группе я привык совершенно к другому: если ко мне кто-то подходил и говорил: «Здравствуй, рад тебя снова видеть», я отвечал со всей честностью: «Прости, но я не помню, чтобы мы встречались. Ты кто?»

К Лос-Анджелесу я привык не сразу, и не только из-за сюрреалистичного ощущения, что вокруг сплошные знаменитости, которые общаются между собой как самые обычные люди, но и потому, что там я должен был играть по другим правилам.

Выяснение отношений, которое произошло у нас с Шер после концерта he ubes, повторялось снова и снова. Мы говорили о ее чувствах, о том, что она в них не уверена, и так далее. Для меня подобные разговоры были китайской грамотой. Я никогда не смотрел мыльных опер — отчасти потому, что совершенно не понимал, почему там все так несчастны. В этих сериалах все красивы. Все богаты. Все здоровы и молоды. И все несчастны. Распутные персонажи страдают и мучаются, поскольку не могут удовлетворить свои естественные желания. Другие же говорят о

своих глубоких чувствах, нуждах и приоритетах. А в результате все равно распутничают. Мне их проблемы казались абсолютным абсурдом. И вдруг они вошли в мою собственную жизнь. Шер говорила мне: «Вот что я чувствую, и вот что это значит, — и спрашивала меня: — Что ты хотел этим сказать? Что чувствуешь ты?» Я совершенно не умел говорить о таких вещах. Меня непрестанно мучил вопрос: зачем вообще об этом говорить? Если хочешь быть со мной, будь. Не хочешь быть со мной, не надо. Все просто, и не надо никаких слов.

Ко мне впервые в жизни относились подобным образом. Большинство девушек, с которыми я раньше встречался, не очень-то умели разговаривать, а может, просто не хотели напрягать извилины. Они наслаждались возможностью проводить со мной время, будь то в гримерке или в гостиничном номере. Конечно, кого-то из них я видел неоднократно, но в целом наши отношения основывались исключительно на сексе. Однако в Шер я нашел человека, который мог отстоять свою позицию в разговоре, который испытывал определенные чувства и обо всем имел свое мнение.

Так, у Шер было свое мнение и относительно женщин, с которыми я встречался до нее. Не могу сказать, что она ревновала, это будет не совсем верно. Ведь я был признанной рок-звездой и к тому же имел репутацию бабника. Как я уже говорил, расслабляться на гастролях я мог только с помощью секса,

ведь я не пил и не принимал наркотики. Что немного зацепило Шер, так это фотографии. Начиная с 1976 года или около того я стал фотографировать девочек, с которыми проводил время, а иногда и снимал их на видео. Я не проводил съемку без ведома и согласия девушек, но на самом деле большинство из них было в восторге, что их снимают. Это было мое хобби — я делал это отчасти ради интереса, а отчасти — ради составления своего рода документации. Девушек было так много — до встречи с Шер их накопилось уже несколько тысяч. В какой-то момент я рассказал Шер о фотографиях. Я не собирался исповедоваться, потому что не считал себя виноватым. Я просто хотел, чтобы она все знала. Шер была в шоке. Она не могла понять, зачем мне нужны эти фотографии. А мне казалось, что мое увлечение не порочнее любых других гастрольных выходок — алкоголя, наркотиков и прочего. Фактически такое поведение гораздо более нормально и никому не причиняет вреда.

Политика в наших разговорах тоже затрагивалась нередко, хотя это была политика в стиле звезд. Помню, однажды я сидел в комнате с кучей народа, друзьями Шер, и мы смотрели ролики по телевизору, в которых показывали бедных африканских детей.

Люди становились все грустнее и грустнее, пока наконец кто-то не произнес: «Ну все, этого ребенка я усыновляю». Ему вторил другой: «Да, и я тоже». Будто «Магазин на диване» по продаже детей. Я не знал, как реагировать. В сущности, импульс благородный: захотелось сделать кому-то что-то хорошее. И при этом звезды не собирали пресс-конференции, чтобы объявить: «Дамы и господа, я только что пожертвовал деньги на благотворительность». Но было странно думать, что они открывают для себя мир именно таким образом, что они узнают о существовании бедных по телевизору. И дико выглядело, что они собираются помочь детям, просто набрав номер телефона и оставив заявку.

В Калифорнии встречалось много подобных несоответствий. Например, психотерапия мне никогда не нравилась. Пол часто ходил к психоаналитику и пытался мне объяснить, что мое отношение к женщинам и нежелание связать себя брачными обязательствами в конечном итоге создаст огромный конфликт в психике, а затем мой мир треснет, и мне придется ходить к психотерапевту, чтобы понять, почему я действовал именно так, а не иначе. Опять же, мне это казалось чудачеством. Я делал то, что мне нравится, и мне это не мешало. Общение с женщинами придавало жизни смысл, и я получал от него удовольствие. По иронии судьбы намного позже терапевт Пола стал работать на KISS в совершенно иной роли, уже как бизнесмен. И в один прекрасный день он слетел с катушек прямо на глазах у меня и Пола. Вот тебе и терапия.

Калифорнийцы также повально увлекались эрхардовским семинаром-тренингом, медитацией и восточной мистикой. Я не видел в них особого смысла. Еще когда he Beatles проходили через свой период увлечения Махариши, я чувствовал себя обманутым. «Вот идиоты», — думал я. Может, Индия и великолепная по своей духовности страна, но духовность для меня ничего не значила. В той же Индии дети каждый день умирают от голода. Лучше я буду бездуховным, но сытым, чем духовным, но голодающим. Уж простите. Моей философией всегда двигал прагматизм. Пускай другие входят в транс и медитируют над духовностью Вернера Эрхарда. Я лучше сосредоточусь на том, как заработать на хлеб. Здесь и сейчас. Радуйся, если можешь выспаться и вкусно поесть, а если повезет, еще и разделить постель с привлекательным человеком. Вот и все, что важно в жизни.

Между тем журнал «People» напечатал несколько статей, посвященных нашим отношениям с Шер. И хотя я уже привык к тому, что фотографы стараются снять меня без грима KISS, это

усугубило ситуацию невероятным образом. Нас постоянно преследовали папарацци, днем и ночью. Я начал закрывать лицо платком, как бандит.

Меня привлекало отношение Шер к другим мужчинам в ее жизни, и особенно к Сонни Боно. Мне Сонни очень нравился. Их отношения с Шер представляли собой постоянные взлеты и падения. Им было довольно хорошо вместе, но существовали и свои проблемы, как она мне рассказала. Они были женаты, но брак не сложился. Брак вообще сложная штука. И все же пару раз мы ходили вместе по магазинам: Сонни со своей тогдашней женой Сьюзи и мы с Шер. Когда я признался, что мне нравятся его песни, Сонни был поражен, что я вообще знаком с историей его творчества: что он сотрудничал как продюсер с Филом Спектором, что он написал «The Bea Goes Оп», «I Go You Babe» и многие другие песни.

В основном моя жизнь с Шер была великолепна. Мы постоянно веселились и дурачились. Я мог пробежать по улице, усадив ее к себе на спину. Мы вели себя как два подростка. Однажды мы проходили мимо книжной лавки в Вествуде, и Шер со своей сестрой Джорджианной собирались идти дальше, а я решил заскочить в магазин. На мне впервые были надеты сандалии и очень короткие шорты — стандартный наряд для Калифорнии, — и тут я увидел пару, указывающую на меня пальцем.

— Эй, что уставились? — обратился я к ним. — Да, я играю в KISS, но сейчас я надел шорты и зашел в книжный магазин. Что тут такого? — Типичная нью-йоркская черта — сразу лезть на рожон.

Пара повернулась и зашагала прочь. Вернувшись к Шер, я рассказал ей о происшествии:

● Представляешь, эти люди на меня таращились! Ну и что теперь, что я из KISS!

— Они не на тебя смотрели. У тебя яйца из шорт торчат. Я глянул вниз — и точно, так оно и было. Хоть неоновую

вывеску над ними вешай.

Похожий случай произошел, когда в Нью-Йорке я пригласил Шер в ресторан «Таверна в зелени» и во время ужина заметил вспышку фотоаппарата за моей спиной.

● Слушай, — сказал я Шер. — Это просто хамство. Я с ними разберусь.

● Не надо, пускай, — ответила она. — Я уже привыкла.

● Но это мой долг, — возразил я и набычился: — Я же мужчина. И разберусь с ними по-мужски.

Я встал и направился к столику, где сидела типичная семья

со Среднего Запада, человек восемь — дети, мама и папа. Глава семьи поднял фотоаппарат, а я указал на него и пустился в долгие прения:

● Сэр, неужели вы не понимаете, что если вы из дремучей провинции, то сейчас мы в Нью-Йорке… допустим, вы видите Шер и меня… допустим, я играю в KISS и я тот самый парень с длинным языком, но незачем нас фотографировать, это же просто неприлично. Вот вам бы понравилось, если бы я вас стал фотографировать?

А он отвечает:

● Да вы вообще о чем? Я просто снимаю свою семью.

Наша совместная жизнь чаще была комедией, нежели трагедией. Однажды мы о чем-то поспорили. Вообще-то я никогда не ссорюсь, нету меня такой привычки. Уже не помню, что именно, но что-то разозлило Шер. Я сказал ей: «Слушай, оно того не стоит. До встречи», — погрузил свои вещи в фургон и уехал в Вествуд. А потом Шер приехала на джипе вместе с Честити и сказала: «Ладно, не будем ссориться, возвращайся». Нет ничего, ради чего стоит ссориться, кроме здоровья и денег.

По большей части я придерживался моногамии. По большей части. У меня нет пунктика по поводу верности. Если моя девушка захочет завести роман на стороне, она все равно это сделает, так что тут можно просто расслабиться. А если назревает разрыв, он все равно произойдет. Идея о том, что кто-то кому-то «принадлежит», всегда была мне чужда. Я хочу, чтобы женщина оставалось со мной, потому что она этого хочет, а не по обязанности. Когда два человека обязаны жить вместе, отношения превращаются в типично семейные: люди мучают друг друга. Есть такая старая шутка: «Почему мужья умирают раньше жен? Потому что не хотят жить».

Мне такого не надо. Каждый день должен быть в радость. Если мы друг другу не в радость, если не получаем удовольствия от наших отношений, почему бы не расстаться и не перестать мучить друг друга? И неважно, спала ли моя подруга с десятью моряками и спал ли я с десятью медсестрами. Если мы не можем быть любовниками, лучше остаться хотя бы друзьями.

Шер пробудила мою буйную фантазию. На свой день рождения она проснулась под звук самолета, описывающего круги над нашим отелем в Беверли-Хиллз. Казалось, самолет едва не задевал крышу. Выбежав, она увидела, что к самолету прикреплен плакат «С днем рождения». Мне пришлось получить в аэропорту особое разрешение, чтобы самолет мог покружить над отелем. Позднее Шер услышала пение снаружи нашего коттеджа. Когда она открыла дверь, перед ней предстали тридцать четыре

студента из хора «Azusa Citrus», поющих великолепные песни. А чуть позже прямо через наш коттедж промаршировал целый духовой оркестр, обойдя вокруг нас. Потом в дверь постучали два маленьких человечка, подарили Шер мороженое «Сникерс» (ее любимое) и проводили нас до двери к танку, который должен был отвезти нас на бульвар Сансет в ресторан «Ле Дом». Все машины расступались и пропускали нас, когда видели орудийную башню танка в зеркале заднего вида. В ресторане я собрал практически целый «Сатирикон» Феллини — клоунов на ходулях, фокусников и танцовщиц, исполняющих танец живота.

Все друзья Шер тоже присутствовали, и вечер шел как нельзя лучше, пока танцовщица не начала исполнять недвусмысленный танец живота прямо передо мной. Тут Шер рассвирепела и выскочила из ресторана. Ее остановил бывший менеджер, которому удалось ее успокоить, и мы вместе поехали обратно в отель в полной тишине.

И опять я оказался в совершенно новой ситуации. Мое эмоциональное состояние было очень шатким. Я не совсем понимал, что на самом деле чувствую. С одной стороны, я знал, что ничего не произошло, а с другой — был в негодовании. Почему я вообще должен чувствовать себя виноватым? Вернувшись в отель, я купил огромный телевизор, лучший из существовавших на тот момент, и взял в прокат порнофильм. Я никогда раньше не смотрел порно, и, оглядываясь назад, понимаю, что тогда просто пытался привлечь внимание Шер. В результате фильм мы так и не посмотрели.

Однажды Шер купила маленького черного песика, которого я назвал Луи. Я его обожал. В детстве мы держали собаку, которая была для меня всем. Друзей у меня никогда особо не водилось, и, будучи единственным ребенком в семье, я изливал свою любовь на собаку. Мама работала целый день, и со мной был только пес. Он часто лизал меня в лицо. Однажды я сильно заболел, и отец обвинил в этом собаку. Он отвез пса в город и бросил там. Мое сердце было разбито, и я навсегда сохранил память о своем четвероногом друге. Когда я впервые увидел Луи, я словно снова обрел ту мою первую собаку из детства, наконец вернувшуюся домой. Знаю, что это звучит сентиментально: демон, изрыгающий кровь на сцене, плачет, когда на него смотрит маленькая черная собачонка. Поди разберись.

Когда мы с Шер вернулись в Нью-Йорк, наши отношения продолжились. Она побывала в доме моей матери в Куинсе, когда там собрались все мои дяди и их дети. Шер вела себя мило, как никогда. Элайджа Блю, ее сын от Грега Оллмана, был тогда еще малюткой. В какой-то момент он забрался на коленки к моей

двоюродной сестре и плюнул ей прямо в лицо. Он не понимал, что делает, ведь он был всего лишь ребенком. С одной стороны, мы были шокированы, с другой — это было очень смешно.

В Нью-Йорке Шер открыла мне совершенно новый мир, своей причастности к которому я никогда не осознавал. Я побывал в доме у Холстона, и там были все, кто что-то собой представлял, — от Энди Уорхола до Лайзы Миннелли. Со мной в основном говорили как с диковинкой, парнем, высовывающим язык и изрыгающим огонь. На всех этих мероприятиях люди постоянно исчезали в ванной. Я никак не мог понять, что они там делают, — настолько я был далек от наркотиков, даже тогда. Да и разговоры их мне были не особенно интересны, ведь моего любопытства к жизни других людей не хватало даже на короткую беседу. «Вы слышали, что такой-то только что купил новый дом? — спрашивали меня. — И что он собирается оформлять его в средиземноморском, а не южнокалифорнийском стиле?» Для меня это было пустой болтовней. Я люблю только факты — дайте мне информацию. А потом дайте мне развлечений. Но просто так сидеть, играть в маджонг и потягивать чай кажется мне нелепым. Я этого совершенно не понимаю. Терять время подобным образом просто скучно.

В конечном итоге встречи с другими звездами меня не очень интересовали. Хотя многие из них были замечательными людьми. Стив Рубелл всегда отлично ко мне относился. Уорхол был очень доброжелателен. «Мне нравится ваше искусство», — говорил он. (Мне такая формулировка казалась странной, однако из уст парня, превратившего в поп-арт банку супа «Кэмпбелл», она, наверное, звучит логично.) По большому счету претенциозность тусовки отдавала глупостью. Я всегда считал, что Арт (искусство) — всего лишь мужское имя, сокращение от «Артур». А уж остальное решает публика. Я верю в американский идеал: все должно исходить от людей, делаться руками людей и для людей. Пускай один что-то делает, будь то картина или книга, а потом мы, народ, будем решать, искусство это или нет, — мы, а не создатель произведения. Так что художник, который заявляет: «Я художник», — всего лишь самоуверенный дурак. Мне хотелось бы думать, что у автора нет права на такие слова, если люди с ним не согласны. Я всегда верил в «великие неотесанные массы».

И все же, какой бы идиллией ни казалась жизнь с Шер, пора было возвращаться к работе.

С тех пор как Эйс поднял вопрос о сольниках во время съемок фильма «KISS против фантома парка», я обдумывал идею своего сольного альбома. Я начал работать над новыми песнями. В KISS

мы все работали по-разному. Обычно я приносил и показывал группе от двадцати до тридцати новых песен. Из этой кучи выбиралось от четырех до шести песен для альбома. Имя Питера указывалось на альбоме в числе авторов песни, если он добавлял свой фрагмент к чьему-нибудь уже почти законченному номеру. Эйс, который изредка вспоминал о работе, мог время от времени написать пару песен. Пол обычно ждал до последнего, но ему каким-то образом всегда удавалось придумать нечто стоящее.

Мне хотелось, чтобы мой сольник стал величайшим на планете, чтобы там присутствовали хор и масса приглашенных звезд. Изначально я планировал привлечь всех, начиная от Джерри Ли Льюиса и заканчивая Ленноном (он тогда еще был жив) и Маккартни. Естественно, сделать все это было невозможно. Джерри Ли Льюис не смог принять участие из-за плотного графика. А что касается Леннона и Маккартни, я позвонил их менеджеру и предложил им появиться на альбоме. Когда они отказались, я позвал двух парней из Beatlemania — группы, исполнявшей хиты he Beatles, — чтобы записать их вокал.

Джерри Ли я заменять не стал, но в конечном итоге на пластинке отметилось множество звезд. Я загодя снял студию «Cherokee Studios» в Лос-Анджелесе и стал приглашать музыкантов из других групп, чтобы они помогли мне сделать демо-записи новых песен. Джо Перри из Aerosmith записал убойное соло для одного из моих новых треков. Кэти Сагал, с которой я познакомился приблизительно в то же время, что и с Шер, и еще две девушки из группы he Group With No Name пели на нескольких других треках. Я увлеченно играл для Шер песни, над которыми работал, но ее лицо при этом, как правило, принимало отсутствующее выражение. Если честно, она никогда не понимала нашей музыки. В то время как я рассказывал ей о своих новых песнях, она говорила о своей мечте сделать римейк на фильм «Зачарованный дом», который она обожала. Мы оба были мечтателями.

Продолжая работу над сольным проектом, я поддался своей одержимости группой Beatles, поэтому снял студию звукозаписи в Оксфорде, в Англии, на той же улице, где жил Джордж Харрисон. Если я собирался привлечь для пластинки какую-нибудь звезду, я организовывал ей перелет и обращался с ней по-королевски.

Я пытался создать впечатление — пусть и не слишком соответствующее истине, — что я умею играть на гитаре. Поэтому на альбоме я вообще не играю на басу, только на гитаре. Шер и Честити появились на треке под названием (diving in Sin a he Holiday Inn».

Продюсером моего сольного альбома стал Шон Делейни, и он

же привлек Майкла Кеймена в качестве аранжировщика и дирижера струнного оркестра из тридцати превосходных музыкантов из Лос-Анджелеса. Однажды утром они приехали в студию, сели и отыграли свои партии для песни «Map of 1000 Faces», которую я написал. Шон договорился, чтобы все они были в масках с лицом Джина Симмонса, которые тогда продавались в магазинах. Это был, пожалуй, один из самых невероятных моментов в моей жизни: я открыл дверь и увидел целую комнату скрипачей, как две капли воды похожих на меня.

В другой раз в студию зашла Дженис Иэн, как раз в то же время, когда там записывалась Грейс Слик. Я познакомился с Грейс в турне: она встречалась с нашим режиссером-осветителем и навещала его на гастролях. Мы с Дженис и Шоном как раз обсуждали кое-какие идеи, когда вдруг разразилась настоящая катастрофа. Оказывается, Грейс приняла какое-то химическое вещество, на которое ее организм отреагировал странным образом. Она никак не могла взять себя в руки, и сотрудникам студии пришлось проводить ее к выходу.

Другие примеры сотрудничества были не менее захватывающими. Хелен Редди приехала в студию, чтобы записать вокал для песни под названием «Тгие Confessions*. В помещении студии у меня были установлены столы для пинг-понга, и мы с Хелен сыграли пару партий. Донна Саммер оказала мне честь и спела со мной «Burning up with Fever». Она с первого же дубля сделала все как надо. Мы хорошо поладили. К тому времени она уже стала новой сенсацией нашей звукозаписывающей компании. KISS первыми подписали контракт со студией «Casablanca», а Донна теперь считалась многообещающим музыкантом лейбла. А Боб Сигер, еще один настоящий рокер-вокалист, исполнил со мной композицию «Radioactive», ставшую синглом. Мы знали Боба давным-давно, еще с тех пор, как он играл у нас в турне на разогреве.

На одном из концертов, пока Сигер и его группа готовились к выходу на сцену, я оказался рядом с Альто Ридом, саксофонистом Сигера. Альто пожаловался, что у него в горле пересохло. Я предложил ему жвачку, и он с радостью ее взял. В тот вечер Сигеру и компании пришлось не сладко. Видите ли, в то время я очень любил разыгрывать людей и часто покупал разные приколы, вроде пердящих подушек и тому подобное. Так вот, я купил тогда луковую жвачку — она выглядела совершенно обычно и поначалу ничем не отличалась от нормальной, но через несколько секунд во рту у жующего разливался жуткий вкус лука.

Наш сольный проект был беспрецедентным. Ни одна группа в истории не выпускала четыре сольника одновременно. Хотя Эйсу

и Питеру сольные альбомы нужны были прежде всего для того, чтобы почувствовать себя более творческими музыкантами, мы собирались полностью контролировать проект. И наши менеджеры, и наша звукозаписывающая компания «Casablanca», выпустившая все четыре сольника в один день 1978 года, настаивали, чтобы альбомы были оформлены одинаково. Мы все воспользовались услугами одного и того же художника, Эральдо Каругати, так что весь проект как бы стал скоординированным сольным релизом группы, чего не делал никто ни до, ни после нас.

Все альбомы оказались удачными: они сразу показали высокие продажи и продолжили сохранять должный уровень. По результатам более двадцати лет продаж я занимаю первое место, чуть обгоняя Эйса, который в свою очередь идет чуть впереди Пола. Наименее успешно из всех продавался диск Питера. Впрочем, ни один из альбомов не сыпал хитами. Дальше всех пошла кавер-версия, которую Эйс сделал на песню «New York Groove», — она достигла 14-го места. Питер в чарты не попал. Мой сингл «Radioactive» застрял на двадцатых позициях, а песня Пола «Hold Me, ouch Me» остановилась чуть ниже.

Сольный альбом стал огромным толчком для Эйса. Впервые в жизни он испытывал восторг, поскольку. теперь в любой компании мог считаться самодостаточной звездой — парнем, который что-то делал самостоятельно, который выпустил собственный альбоме собственным изображением на обложке. Самое смешное, что поначалу, на заре своей работы в группе, он не желал ни петь, ни писать песен. Он хотел быть просто гитаристом. Мы заставили его писать песни. Когда он обнаружил, что у него получается, он действительно начал сочинять неплохие вещи. Он смог выпустить альбом, который во многих отношениях, возможно, был самым целостным из всех наших сольных проектов.

Каждая из сольных пластинок разошлась тиражом около миллиона копий. Но лейбл «Casablanca» привык получать от нашей группы по два альбома в год, и считать сольники он был не намерен. Так что сразу после выхода наших дисков Нил Богарт выпустил коллекцию лучших хитов под названием «Double Platinum».

Мне нужно было возвращаться в Нью-Йорк и готовиться к очередному турне KISS, и я очень хотел, чтобы Шер с детьми переехали жить ко мне. Я отправился в магазин «Ф. А.О. Шварц» и купил Честити двухметровую кровать в форме кроссовки. Наконец Шер приехала вместе с детьми и няней, но, увидев, где я

живу, решила, что там слишком тесно, и переехала в отель «Пьер».

Вскоре я понял, что для того, чтобы удержать Шер со мной в Нью-Йорке, придется купить дом, который ей подойдет. Я стал подыскивать жилье побольше. В «Дакоте», где поселился Джон Леннон, нам с Шер отказали. Наш приезд вызвал бы слишком много проблем, поскольку пресса сидела у нас на хвосте днем и ночью. Наконец я нашел место, которое, как мне казалось, могло понравиться Шер: верхний этаж бывшего здания фонда «Харт» на углу Пятой авеню и Шестьдесят четвертой улицы, через дорогу от детского зоопарка в Центральном парке. В то время на верхнем этаже ничего не было, так что я выкупил «права на воздух», то есть возможность строительства жилища величиной с весь верхний этаж существующего здания. Я вызвал архитектора Шер из Калифорнии в Нью-Йорк. Ну а пока мой пентхаус строился, KISS уехали в турне. Вернувшись с гастролей, я отправился на лифте в свой пентхаус. Двери лифта открылись на моем этаже, и я увидел колонны в романском стиле и огромную ванну посреди большой спальни, отделанной мрамором. Это был настоящий шедевр. Шер пришла в восторг, и я тоже. Проблема состояла только в том, что к тому моменту, когда пентхаус был готов, мы с Шер из любовников снова превратились в друзей.

Головная боль от двух участников нашей группы никуда не делась. Питер находился в депрессии, Эйс вел себя совершенно невыносимо, и оба они все более увязали в наркотиках. Поведение Эйса выглядело, наверное, чуть интереснее, хотя тоже и близко не лежало к нормальному. Эйс неизменно поражал меня тем, что никогда полностью не задействовал свой потенциал. Он мог играть на гитаре, писать песни и заниматься множеством других вещей. Но он даже не старался найти себе применение. Он признавался в хронической лени и сумасбродстве. У него могут появляться идеи с искрой гениальности. Но он и пальцем не шевельнет, чтобы зарегистрировать торговую марку и авторские права. Сейчас существуют сотни ремней для гитары, например с изображениями огромных молний, — такими ремнями пользуются все, от кантри-групп до рэперов, — а ведь их придумал Эйс. Однажды я увидел у него такой ремень и предложил: «Отличная идея, давай ее запатентуем. Такие ремни будут расходиться как горячие пирожки». Я говорил совершенно искренне, но Эйс просто отмахнулся. Позднее я заметил: «Ты круто промахнулся». «Да ладно, — ответил он. — Придумаю что-нибудь другое». Но так и не придумал.

При таких проблемах в группе я часто жалел, что не остался с

Шер. Но когда я начинал серьезно обдумывать свое положение, я понимал, что не готов — по крайней мере, пока — разбивать KISS или бросать музыку. Группа была для меня всем и проникала в каждую область моей жизни. Так что в каком-то смысле я просто забыл, что у меня есть выбор: я полностью отдался группе и нашел в этом свое самоопределение. Я превратился в «Джина Симмонса из KISS»; определение «из KISS» вполне могло бы стать моей фамилией. Вскоре наша четверка снова возобновила общение. Но речь шла не о концертах в поддержку сольных альбомов: мы обсуждали возможность встретиться в Нью-Йорке для записи нового альбома, который решили назвать «Dynasty».

11. «Dirty Livin'», или Тяжкая жизнь: Альбомы «Dynasty» и «Unmasked» 1979-1980

«Dynasty» был записан в Нью-Йорке при участии Винни Пончиа, продюсировавшего сольный альбом Питера. Мы с Полом встретились с Винни по рекомендации Билла Окойна, отчасти чтобы продемонстрировать Питеру уважение к его пластинке, отчасти — чтобы вернуть его в команду. В то время Питер являлся нашей самой большой проблемой, поскольку он приобрел серьезную зависимость от наркотиков. По иронии судьбы, хотя Винни и был продюсером пластинки Питера, он считал, что Питеру не хватает таланта барабанщика, чтобы играть на альбоме KISS. По его выражению, Питер недостаточно квалифицирован для того, чтобы судить о материале или об аранжировках. По мнению Винни Пончиа, Питер не отличался музыкальным слухом и не слишком хорошо играл на ударных.

Периодически я пересматривал свое критическое отношение к Эйсу и Питеру. Иногда мне приходится напоминать себе, что каждый несет свой крест. Будь я на месте Эйса или Питера, мне бы тяжело приходилось в компании Джина Симмонса. Я никогда не испытывал на себе действия наркотиков, не считая наркоза у стоматолога да того случая с шоколадными кексами, и я не умею вести пустых разговоров. Обращаясь к Эйсу или Питеру, я хотел получить информацию: кто, что, зачем, когда, где и как. А у них с этим было неважно. Перед турне или сессией звукозаписи мы проводили бесконечное количество встреч, но парни не могли даже просто усидеть на месте. Они отпускали шутки и кидались друг в друга едой, а в конце встречи каждый раз спрашивали меня: «А что мы, собственно, обсуждали? О чем вообще речь?» Или днем позже интересовались: «А когда мы про альбом-то поговорим?» И мне приходилось объяснять, что мы это уже сделали и что они согласились на определенные условия. У них ничего не держалось в голове. Эйс и Питер не вели собственных записей и не читали наших памяток. Они вели себя как слон в

посудной лавке: заявлялись на встречу, понятия не имея, о чем идет речь, и просто ждали, что все произойдет само собой.

Это всегда представляло проблему, в 1979 году ставки возросли. К тому времени KISS стала огромным, заплывшим жиром чудищем. За каждым из нас следовал свой охранник. Расцвет популярности группы пришелся где-то на 1979 год. Три года подряд — с 1977-го по 1979-й — мы возглавляли список «Гэллапа» как лучшая рок-группа. На втором месте были Beatles, за ними шли Bee Gees и Led Zeppelin. Мы стали такой важной частью культурной арены и рок-н-ролла в целом, что дальше расти уже было некуда.

Телохранителей каждый из нас использовал в своих целях. Меня устраивало присутствие охранника, потому что благодаря этому мне удавалось получить в два раза больше телефонных номеров девушек, и к тому же во время концерта я мог сказать своему охраннику: «Четырнадцать-три», что означало: «После концерта приведи мне девушку с четырнадцатого места в третьем ряду». Для меня все вертелось вокруг юбок. Охрана как таковая мне не нужна: я и сам ростом под два метра.

В туре в поддержку альбома «Dynasty» в 1979 году мне хотелось восполнить ставшие очевидными пробелы в музыкальном исполнении с помощью грандиозного шоу. Сцену значительно расширили и оформили по задумке Пола. Были установлены лифты, которые поднимали нас из-под пола на сцену, что позднее начнут делать все, от Майкла Джексона до Bon Jovi и Гарта Брукса. Кроме того, наше сценическое освещение напоминало кадры из фильма «Близкие контакты третьей степени». Свет двигался вверх и вниз. Ударная установка размещалась еще выше прежнего. Мы даже придумали отделяющуюся переднюю часть сцены, которая могла поднимать группу над головами зрителей, сидящих в передних рядах.

Чтобы еще больше повысить зрелищность, я решил соорудить подъемник, с помощью которого я мог бы возноситься к осветительной будке на высоту шестнадцати метров над землей. На каждом концерте я изрыгал кровь, которую набирал в рот, пока сцена находилась в темноте. Я гордо стоял на подъемнике, выпрямившись во весь рост, и ждал, когда зрители воздадут мне заслуженные почести. И хотя в тот момент я упивался своим могуществом, ощущения быстро менялись, когда я взмывал в воздух со скоростью 2 метра в секунду. Каждый раз было ужасно страшно, и каждый раз я говорил себе, возносясь в высоту: «Ну какой же я идиот, что ввязался в эту аферу!»

Отношения с Шер изменили мою личную жизнь. Они

заставили меня переосмыслить некоторые основополагающие идеи относительно женщин. Они изменили и мою финансовую жизнь. В какой-то степени, пожалуй, Шер заставила меня повзрослеть. До нее я никогда ни с кем не жил вместе. Даже в 1979 году, когда мы были на вершине мира, я все еще платил двести долларов в месяц за съемную квартиру в Нью-Йорке, и на этом заканчивались мои финансовые заботы. Машины у меня не было. Я не умел водить и не собирался учиться. Я был совершенно счастлив и сколотил приличное состояние, поскольку вообще не тратил денег. Я редко что-то покупал и не имел серьезных отношений, на которые нужно тратиться. Периодически я сорил деньгами и заказывал еду из дорогого ресторана «Таверна в зелени» на дом, но не больше того.

Тем не менее, начав встречаться с Шер, я. стал привыкать к большим тратам. Вообще-то мы все стали расходовать больше денег, будь то понятные издержки на семью или подружек или ребячества вроде дорогих машин. Поэтому как из творческих, так и из финансовых соображений нам необходим был хит.

К моменту записи «Dynasty» Пол целенаправленно пытался сочинить хитовый сингл, и ему это удалось. Помог ему в этом парень по имени Дезмонд Чайлд. Песня Пола «I Was Made for Lovin' You» обладала всем, что требовалось «Casablanca», — они с невиданной ранее настойчивостью давали нам понять, что им нужен сингл от KISS. Пол ухватился за эту идею, а я пытался сопротивляться, хотя особых принципиальных причин у меня на это не было. Я предпочитал работать с Винни Пончиа, который, хоть и вышел из другой эпохи, очень мне нравился. Он был продюсером у Ринго Старра и съел собаку на попсовых хитах. В песне «I Was Made for Lovin' You» присутствовали определенный драйв и запоминающаяся мелодия. Впрочем, я не видел в ней ничего особенного. Пол предполагал, что она может стать хитом, но именно Винни Пончиа убедил нас ее записать.

Наряду с этим группа разваливалась на части. Самую серьезную проблему представлял Питер, у которого к тому моменту начало ухудшаться здоровье, отчасти из-за наркотиков, но в основном из-за того, что ему не позволяли играть на ударных. Раньше нам удавалось его усмирять, но в этот раз, находясь под еще большим давлением, он стал совершенно неуправляемым. Мы не так много времени провели в отрыве друг от друга — всего год, — и фанаты получили за этот период достаточно музыки — «Alive II», «Double Platinum» и все четыре сольника, завоевавших статус платиновых, однако из-за той бешеной скорости, которую мы набрали в середине 1970-х, лейбл каждый год ждал от нас по две пластинки KISS в год.

Когда мы уже готовились к окончанию работы над «Dynasty», Билл Окойн изложил нам идею кампании «Возвращение KISS» и сообщил, что фотографии для обложки будет делать сам Скавулло, знаменитый фэшн-фотограф. Для фотосессии он нарядил нас в смирительные рубашки, и получилось потрясающе. Спустя несколько дней мы снялись для нескольких телевизионных рекламных роликов в том же образе. Эти съемки прошли не так гладко. Режиссер требовал переснимать дубли один за другим, и работа затягивалась до бесконечности. Питера особенно раздражало такое положение дел, поэтому он сбежал в ванную и начал жаловаться. Билл Окойн попытался его успокоить, но Питер настолько разозлился — то ли на себя, то ли на ситуацию, да и наркотики в его организме сыграли тут не последнюю роль, — что с размаху ударил по стеклянному шкафчику, и осколок насквозь пронзил ему руку. Пришлось везти его в больницу и накладывать швы. Теперь встал вопрос о том, состоится ли турне вообще, или же поврежденные сухожилия Питера не позволят ему играть правой рукой. Мы были в панике. Во-первых, мы волновались за Питера, ведь он был частью нашей жизни и мы все равно переживали за него, каким бы пыткам он нас ни подвергал. Но позднее, когда прошел шок от случившегося, мы с Полом разозлились: ну что за идиот этот Питер! Как можно на что-то так сильно разозлиться, чтобы протаранить кулаком стеклянный шкаф? Вся эта идея жизни в стиле Джеймса Дина мне никогда не нравилась. Когда такой парень погибнет в автокатастрофе, я не стану рыдать — я лучше пересплю с его девушкой.

Сразу же после выхода «Dynasty» сингл «I Was Made for Lovin' You» взлетел на вершины чартов. Он стал невероятно популярным — самый крупный международный хит, который у нас когда-либо был. До сих пор он остается одним из двух золотых синглов, выпущенных KISS (наряду с «Beth»). Но когда появляется хит, сразу начинаешь чувствовать давление — хочется закрепить успех новыми синглами и гастролировать еще больше. За год до этого все мы нащупывали собственный путь в жизни, наслаждаясь своим личным пространством. А теперь мы очутились в самой гуще событий.

Турне гремело, а психика Эйса и Питера была настолько расшатана, что они умудрились перессориться даже друг с другом. Впоследствии, правда, оба плакали и обнимались.

На дворе стоял 1980-й — время для очередного альбома. Начав работать над «Unmasked», мы поняли, что проблемы Питера с наркотиками больше нельзя игнорировать и что ему нужна серьезная помощь. Но, оставаясь в группе, получить такую

помощь он не мог: слишком много соблазнов, слишком много развлечений. Он ставил под удар всю группу.

Мы обсудили это с Винни Пончиа, и он сказал: «Слушайте, я не хочу, чтобы Питер играл на «Unmasked». Давайте возьмем вместо него Антона Фига». Антон, ставший впоследствии барабанщиком на шоу Дэвида Леттермана, дружил с Эйсом и даже отметился на его сольном альбоме. К тому же он играл в группе под названием Spider, чьим менеджером был Билл Окойн. Если бы мы привлекли вместо Питера Антона, это сыграло бы на руку Эйсу, придало бы ему больше веса. Мы с Полом старались придерживаться тактики уравновешивания — этот год помогаем Питеру почувствовать себя более значимым, а в следующем делаем то же самое для Эйса.

Решение взять для альбома другого барабанщика было лишь первым шагом, предпринятым в отношении Питера. Если честно, мы не знали, что с ним делать. Он играл в группе с самого начала, а KISS отличалась исключительной преданностью своим участникам. Ближе к концу звукозаписывающих сессий Пончиа пригласил Питера добавить несколько партий в отдельные песни. Запись прошла не блестяще. После выхода альбома мы начали готовиться к турне, и Билл Окойн пришел к нам обсудить ситуацию. «Слушайте, парни, — сказал он, — вам надо отыграть тур. Я не хочу искать нового барабанщика. Дайте Питеру еще один шанс». Питер поговорил с Биллом и Эйсом, и они согласились, что ему стоит попробовать начать все сначала. Он хотел прийти и показать нам, что изменился.

Тогда мы организовали встречу в репетиционной студии «SIR Rehearsal Studios» в Нью-Йорке, и в назначенный час явился Питер с пюпитром вроде тех, какие бывают у музыкантов симфонического оркестра, с зажимом для нот. Он выглядел очень серьезным и собранным. Напомню, что Питер не знал нотной грамоты ни тогда, ни сейчас. Да и никто из нас ее не знал, мы были рокерами-самоучками. Но в тот момент Питер настолько потерял связь с реальностью, что решил, будто, купив пюпитр, сможет убедить нас в своей серьезности. Еще бы с дирижерской палочкой пришел. «Парни, — обратился он к нам. — Я полностью изменил свою жизнь. Я уже шесть месяцев учусь игре на ударных и нотной грамоте и могу теперь читать по нотам. Я играю намного лучше».

Я недоверчиво посмотрел сначала на ноты, а потом на него: «Так ты можешь читать и записывать ноты, Питер?»

«Конечно», — подтвердил он и что-то пробормотал, но я не смог разобрать ни слова. Потом мы начали репетировать, и он играл еще хуже, чем обычно. Так что вскоре мы провели собрание

и решили, что Питер серьезно болен и может себе навредить. Он должен уйти из группы и обратиться к специалистам. Так что после долгих раздумий все, включая Эйса, проголосовали против участия Питера в группе. Прессе мы дали традиционные для рок-групп объяснения: разные взгляды на творчество, желание начать сольную карьеру и тому подобное. Никто из нас не признался, что Питера выгнали из группы за наркотики. Мы никогда не поступили бы так ни с ним, ни с фанатами, ни с самими собой.

К 1981 году роман с Шер перешел в новое качество. Мы продолжали видеться, но чувства исчезли. Хотя наши отношения приобрели другую форму, они изменили меня навсегда. Вплоть до тридцати я был твердо намерен никого и ничто не впускать в мою жизнь. Как бы я ни любил женщин, идея отношений всегда казалась мне слишком обременительной. Если поддерживаешь серьезные отношения или даже женишься, жизнь превращается в дрессировку: сядь, стой, перевернись на другой бок. Я не желал осваивать новые трюки. Мне хотелось остаться свободным зверем, который может задрать лапу и поссать, где ему только захочется. Я думал, что достаточно хорошо себя знаю и никогда не сдамся, не ввяжусь в отношения, ограничивающие мою свободу, и не заведу детей. Я придерживался абсолютного эгоизма, потому что иногда мне просто хотелось быть честным и не начинать того, что я не смогу закончить. Многие мужчины женятся, заводят детей, а потом уходят. Как мой отец. Я не хотел стать таким, как мой отец.

А потом я повстречался с Шер, и меня словно подменили. Я настолько потерял бдительность, что начал делать такие вещи, которых раньше и представить не мог. Я носил шорты.

Зачесывал волосы назад. Позволял себе радоваться простым вещам. Когда мы с Шер все-таки решили расстаться, не было ни боли, ни страданий, потому что мы друг друга никогда не мучили. Я заметил, что очень многие отношения основаны на крайних проявлениях любви или ненависти. На первом этапе все вертится вокруг любви и верности, на ощущении, что каждый готов на что угодно ради другого. И если что-то идет не так, люди вдруг становятся ядовито-мстительными и пускают в ход любые средства. Мы с Шер никогда такими не были. Когда отношения начали заканчиваться, я напомнил себе, какая она замечательная и какой я счастливчик, что мне довелось ее встретить, и приготовился к возвращению к своей распутной жизни. Меньше всего я ожидал, что встречу другую женщину и начну новые серьезные отношения.

Близилось Рождество, и мне нужно было возвращаться из Калифорнии в Нью-Йорк, чтобы провести прослушивания новых барабанщиков на место Питера. Мы с Шер все еще были близки, и

однажды она завела разговор о рождественских подарках.

● Я не знаю, что тебе подарить на Рождество, — признался я.

● А ты поговори с моей подругой Дайаной. Она тебе покажет, что я люблю. Мы ходим в одни и те же магазины.

Речь шла о Дайане Росс, которая начала свою карьеру в he Supremes, став не только самой крупной звездой лейбла «Motown», но и одной из самых известных певиц в мире, а потом занялась сольной карьерой, завоевав огромную популярность как в музыке, так и в кино. Она была не просто певицей. Она была настоящей иконой.

Приехав в Нью-Йорк, я разыскал Дайану по телефону, и она пригласила меня к себе. Помню, как я вошел к ней и сразу же почувствовал две вещи: во-первых, что она очень чувственна, а во-вторых, что она абсолютно четко контролирует свою карьеру. В тот момент она предпринимала первые шаги, чтобы уйти из «Motown», и, казалось, совершенно точно представляла свое будущее. Я сел, и мы стали разговаривать. Она хотела узнать, как функционирует KISS, ведь наш успех не опирался на синглы. Я постарался объяснить ей нашу философию: мы играем концерты и создаем фан-базу, которая держится на преданности, а не на хитовых песнях. Такой способ был прямо противоположен тому, как строила свою карьеру Дайана, но я видел, что ей интересно и она хочет лучше меня понять. Пока мы разговаривали, она сварила кофе и предложила мне кусок шоколадного пирога. Это не эвфемизм. Я так быстро его заглотил, что она предложила мне второй кусок, исчезнувший так же стремительно.

В течение последующих нескольких недель мы с Дайаной стали друзьями. Мы много разговаривали, а несколько раз я приглашал ее на ужин. Мы даже в ракетбол играли. Играл я довольно неплохо, а для Дайаны такое занятие было в новинку, так что большую часть времени мы провели на полу корта, смеясь над тем, с какой скоростью летает мяч. Мы не придавали встречам особого значения, и не думаю, чтобы у кого-то из нас имелись тайные помыслы, но довольно скоро стало ясно, что между нами что-то происходит.

Дайана сильная женщина, но она никогда не стремилась подавить меня. Я восхищался тем, как она строит свою личную жизнь. Ранее она была замужем за Бобом Сильверстайном, и я был поражен тем, что она по-прежнему с ним так близка. Он был хорошим парнем, и мы подружились.

Время, проведенное с Дайаной, дало мне возможность наслаждаться самыми разными вещами. Я думаю, об этом мечтают все — чтобы отношения строились не только на

сексуальной энергии, но и, например, на возможности просто сесть рядом и получить удовольствие от общения друг с другом. Мы с Дайаной говорили о многих вещах. Я с самого начала признался ей, что боюсь заводить детей и не собираюсь жениться. Казалось, Дайана понимает меня лучше меня самого, но она никогда не читала мне нравоучений. Было видно, что она любит своих детей и наверняка желает мне такого же счастья, но она не навязывала мне идею о том, что я должен стать отцом.

В глубине души — вероятно, чтобы оправдать мой страх перед обязательствами, — я считал, что мужчине не пристало мучиться мыслью, что пора заводить детей. У нас внутри нет биологических часов. Если у нас и есть какие-либо часы, так это те, которые начинают трезвонить после одного-двух дней, проведенных без «компании». Женщинам, с другой стороны, постоянно напоминают о том, что дети им необходимы, — об этом говорят и культура, и сама биология.

Участие в KISS обеспечило мне доступ к неиссякаемому потоку красивых девушек, которые жаждали моего общества — вероятно, просто потому, что я играл в KISS. И они хотели только одного — того же, что хотел я. Общественная мораль не распространялась на мой гостиничный номер, гастрольный автобус или любое другое место, где я вступал в связь с девушками. В любой другой среде девушка, наверное, сначала захотела бы познакомиться с потенциальным поклонником и получить от него приглашение на ужин, но в моей спальне все было предельно просто: «трах-пам-пам, спасибо, мадам». Никаких выяснений отношений, никакого ужина — сразу десерт. И девушки принимали такое положение вещей. Чем больше народу, тем веселее. Если я брал с собой одну из таких девушек на целую неделю, все начиналось чудесно, но уже через несколько дней становилось ясно, что влечение — это одно, а общение — совсем другое. Я хотел не только спать с красивой девушкой, но и разговаривать с ней. Я хотел, чтобы она могла мне достойно ответить. Поспорить со мной. Заставить меня попотеть... ладно, не будем заходить так далеко.

Если я нахожусь в студии, девушка должна меня ждать. Если хочу куда-то пойти, то она тоже должна этого хотеть. Пожалуй, о такой ситуации мечтает любой парень, но, хоть мне и нравилось делить кровать с юными страстными особами, просыпаться с ними мне уже поднадоело.

Изнутри меня раздирали противоречия. С одной стороны, я жаждал наслаждений в объятиях красоток, с другой — мне нравились и более осмысленные отношения. Мне нравились девушки, но не хотелось, чтобы они на мне зацикливались — во

всяком случае, не слишком.

Я сам придумал собственный образ. Я приехал из другой культуры и оказался в совершенно другой реальности, разительно отличающейся от той, которая была мне знакома. В Америке я быстро усвоил секрет «плавильного котла», создавшего великую нацию: я родился в Израиле, говорил на странном языке, носил кипу и принадлежал к «избранному народу». Если я хочу добиться в жизни успеха, я должен «ходить в бритише, думать на идише».

Джин Симмонс — действительно мое имя. Я сам дал его себе, а не получил от кого-то. В жизни так много вещей, над которыми мы не имеем власти. Мы рождаемся с определенной расой и национальностью. Нас воспитывают в определенной религии. Нас учат определенному языку. Родители дают нам имя и фамилию. В таких вещах ни у кого выбора нет. А потом мы в свою очередь должны жениться и заводить детей — и растить их в своей религии и своей расе.

Мне это претило. Я хотел сам решать, как жить. И с кем делить кровать. И мне, черт возьми, было совершенно безразлично, кто и что думает по этому поводу. В конце жизни я смогу сказать, что сделал или попытался сделать все, чего мне когдалибо хотелось. Я ни о чем не буду жалеть. Я не буду думать: «А вот если бы... Может, надо было...»

Жизнь должна строиться на выборе, и я намеревался выбирать только то, что хорошо для меня. Но вот проблемка: к тому времени, как я встретился с Дайаной Росс и влюбился, мне уже начала нравиться мысль о детях. Я не признавался себе в этом. Тогда еще не признавался. Но я помню, как заходил в дом Дайаны в Коннектикуте и чувствовал, какая любовь связывает Дайану и трех ее дочурок. Мне нравилось там бывать.

Я чувствовал себя в безопасности. Я был окружен детьми. Я жил с женщиной, с которой мне нравилось проводить время и днем и ночью. Но дети были не мои, и нас с Дайаной не связывал брак. Отношения с Дайаной давали мне свободу. Она не нуждалась во мне, чтобы заполнить свою жизнь. Она была матерью и суперзвездой. Мы жили вместе просто потому, что хотели этого.

Я свозил Дайану и ее детей в дом моей матери на пасхальный ужин. Мы провели вместе целое лето на острове Мартас-Винъярд. Впервые я не думал о работе. Во всяком случае, забывал о ней хоть иногда.

Мои соратники по группе к тому моменту решили, что я совершенно спятил. Так оно и было. Я, главный охотник за юбками, примериваюсь к домашней жизни. Уже во второй раз!

12. «Jus a Boy», или Новичок среди «стариков» 1980-1982

После ТОГО как в 1980 году свет увидел «Unmasked», мы приступили к поиску нового ударника. Прослушивания проходили в Нью-Йорке. Мы просмотрели сотни кандидатов и наконец нашли одного парня, Пола Каравелло, который зарабатывал мытьем плит в Уайт-Плейнс.

Пол откликнулся на одно из наших объявлений, и, надо сказать, я никогда не забуду то прослушивание. У Пола оказалась самая огромная копна волос, которую я когда-либо видел. Он был такой лохматый, что походил на персонажа кукольного театра. А еще он был ниже нас всех. Питер тоже невысок ростом, но Пол оказался еще ниже — наверное, метр шестьдесят пять. Тем не менее он сразу пришелся всем по душе — этакий красавчик с золотым сердцем. В конце прослушивания он, представьте, встал и сказал: «Можно я перед уходом возьму у вас автографы?» Это было так мило, что мы все растаяли — даже Эйс. Пол искренне, по-настоящему хотел получить возможность выступать с нами. Занимаясь чисткой плит, он постоянно играл в разных группах и значительно превосходил Питера по мастерству. К тому же он еще и петь умел. В общем, на тот момент Пол по всем статьям был для KISS лучше Питера.

По окончании прослушивания мы тут же решили, что возьмем парня в группу. Когда мы с ним связались и предложили работу, он просто не мог поверить своему счастью. Мы дали ему новое имя, Эрик Карр, и даже купили «порше», чтобы он не

чувствовал себя лузером среди остальных участников. Нам хотелось дать ему понять, что он не посторонний, а один из нас.

Позвав Эрика в группу именно таким образом — перед самым туром, практически без подготовки, на чистом энтузиазме, — мы будто вернулись к самому началу нашей карьеры. Было невероятно интересно наблюдать, как он вживается в новую роль, пока мы пытаемся ему помочь стать полноценным членом группы. Сначала надо было понять, каким будет его образ в группе. Какой грим выбрать? Слона? Жирафа? И в обычной-то группе образ

нового участника придумать непросто. В KISS же эта задача была в десять раз сложней. Сначала мы решили, что Эрику подойдет образ ястреба, но потом он придумал собственный персонаж — лису. Мы представили его публике (тогда собралось тысячи три человек) во время выступления в Нью-Йорке, в «Palladium». Это было настоящее боевое крещение, и Эрик с успехом выдержал испытание. А потом мы отправились в Европу, захватив Bon Jovi в их первый европейский тур.

Для Эрика все было в новинку. В начале европейского турне он оставался еще совсем «зеленым», к нашей славе он не привык. Помню, мы жили в каком-то отеле в Англии, и он спустился в бар. Там — как обычно — сидели девушки. Одна из них представилась фотографом от английского музыкального журнала «Melody Макег». Поговорив с Эриком, она поняла, что он только вживается в амплуа рок-звезды. В какой-то момент Эрик предложил девушке подняться к нему в номер и устроить фотосессию ню. Она согласилась. В общем, они поднялись в его номер, и он, само собой, предупредил ее: «Учти, эти фотки только для тебя». Она заверила, что все поняла. Эрик голышом залез в ванну — в руке бокал шампанского, волосы гигантской копной во все стороны... Они, разумеется, даже не провели ночь вместе — девица сбежала, как только закончила съемку. Наутро Эрик нам про все это рассказал — мы хохотали до упаду. Попался как по учебнику «Жизнь рок-звезды для чайников», глава «Опасности в турне». «Ты не иначе как спятил, — объяснили мы Эрику. — Она напечатает фотки, вот увидишь». Он еще с минуту возражал, но потом до него дошло: «О боже! Думаете, она это сделает?» Разумеется, она их напечатала.

И куда бы мы с Эриком ни отправились, везде он выступал в том же духе. Он работал как проклятый, ни на кого не держал зла, приходил точно вовремя — в общем, настоящий профи. И в то же время он постоянно влипал во всякие комические истории, потому что был наивен и неопытен, как младенец. Как-то он приехал в один европейский аэропорт в камуфляже, с патронной лентой на поясе. Пули, конечно, были холостыми, но с виду не догадаешься, — в общем, в таком виде в аэропорт приезжать не стоит. Разумеется, сразу понабежали охранники с автоматами и отвели его в сторонку. Больше того — из-за его пышной шевелюры копы решили, что он надел парик. «Отвечай, что ты под ним прячешь?» — пытали его. Дошло до того, что Эрика обыскали с ног до головы, даже в задницу залезли. Он, конечно, всю дорогу возмущался: «Что вы делаете? Я из Уайт-Плейнс!» По сравнению с Питером, который постоянно на все жаловался, Эрик оказался настоящей находкой. Потрясающий компаньон!

Из Европы мы отправились в Австралию. На тот момент мы были самой популярной группой, которую австралийцам доводилось принимать у себя в гостях. У каждого пятнадцатого австралийца имелась хоть одна запись KISS. Мы отыграли несколько стадионных шоу, когда никто другой даже не мечтал о таких площадках. Первыми в мире на стадионе выступили Beatles; концерт проходил в 1965 году на арене «Shea». До того момента группы просто не достигали такого уровня. Но когда мы выступали в Австралии, наши лица красовались на обложках всех газет. Причем в заголовках обсасывали буквально все. Например, был даже такой: «Боты KISS». История банальна до скуки — мы отдали наши сапоги на платформе в местную обувную лавку на починку. Так вот, владелец лавки оказался на обложке журнала. В мире шли войны, случались теракты, но в газетах царили мы: армия KISS вторглась в Австралию. Выйти на улицу не было никакой возможности: мы буквально забаррикадировались на верхнем этаже нашей гостиницы. Над нами кружили вертолеты, с которых ушлые ребята со специальной оптикой пытались заснять нас без макияжа, поскольку за эти фотографии была обещана серьезная награда. Америка сошла сума по KISS в 1974-м. Япония возвела безумие на новый уровень в 1977-м. Но Австралия в 1981-м переплюнула все, что мы пережили раньше. Чего бы мы ни пожелали — все было у наших ног.

В результате всей этой истерии мы вообще не могли никуда выбраться. Гастроли стали бы пыткой, если бы не наш австралийский промоутер, который снимал для нас целые клубы и набивал их под завязку девчонками — сплошь местными топ-моделями. И уж поверьте, им удавалось нас развлечь. Эйс на этих вечеринках надирался в хлам. Его собутыльником стал местный парень, который был в ответе за прессу, и на одной из вечеринок, пока все о чем-то трепались, Эйс и этот парень начали обжиматься. Не верится, что Эйс изначально играл за другую команду, но дело даже не в этом. Было очевидно, что он так основательно набрался, что просто себя не контролирует. Ему сорвало все предохранители, поцелуй с парнем явно его не смущал. Эйс и Питер оба не видели ничего зазорного в том, чтобы, к примеру, целоваться друг с другом. Думаю, сказалось их увлечение «Крестным отцом» и всей этой культурой — они вечно выпендривались, что «знают нужных людей». Поцелуй служил своего рода символом их связи, тем более что Питер был итальянцем, а Эйс постоянно всем грозил, что в случае недостаточно уважительного отношения к нему вызовет «нужных людей», которые выполнят за него всю грязную работенку.

На одной из отвязных вечеринок, сопровождавших наше

австралийское турне, Эрика очаровала одна девушка. Он снова нарядился в камуфляж, а вся остальная публика в клубе была одета как и положено на вечеринках: парни в кожаных куртках, девушки почти без одежды. И только эта девушка тоже была в камуфляже, будто женская копия Эрика. Она была настоящей красавицей, с отличной фигурой, но Эрик не решался к ней подкатить, так что я договорился, что она придет и пообщается с ним. Они нашли общий язык, но когда Эрик начал уговаривать ее отправиться с ним в отель, она рассмеялась: «Не могу, я замужем». Эрик тут же отступил. Я удивился: «В чем проблема? Если хочешь, чтобы она ушла с тобой, просто позови ее, а дальше решение зависит от нее. Замужем она или нет, это будет ее выбор». В результате Эрик сообщил ей место нашего следующего концерта — кажется, в Мельбурне. Как и следовало ожидать, девушка все-таки решилась: взяла билет на самолет и рванула к нам.

Большинство парней были бы в восторге, но Эрик так разнервничался, что к концу дня у него начался жуткий метеоризм. Каждые пять минут он бегал в туалет. Причем по части газов он был не из тихонь — «концерт» звучал ничуть не хуже торжественной увертюры «1812 год». В общем, надолго та девушка не задержалась. С Эриком всегда так — вечно какие-то происшествия. Несколько лет спустя, во время другого, уже американского, турне (в поддержку «Creatures of he Night»), Эрик написал какой-то фанатке пространное ответное письмо. Эрик всегда отличался эмоциональностью: для него в порядке вещей настрочить пять-десять страниц в ответ на письмо какого-нибудь поклонника. В общем, ответил он на это письмо, и вскоре у него завязалось что-то вроде дружбы по переписке с одной девушкой из Финикса.

Когда мы в ходе турне добрались до Финикса, Эрик рассказал мне о ней. Он дождаться не мог момента, когда увидит ее лично. После очередного саундчека Эрик куда-то отошел, а я заметил шикарную девушку в красном платье — она стояла в дальнем углу зала. Она была при полном параде — макияж, духи, все дела. Я, в своей обычной тогдашней манере, пригласил ее к себе (в душевую за сцену) и завалил прямо на полу. Мы, назовем это так, удачно обменялись опытом. Сблизились, так сказать, по ряду позиций, а потом еще и сфотографировались — в общем, все как обычно. Затем девушка в полном восторге удалилась.

Вечером того же дня, пока мы наносили грим, я рассказал Эрику о своем приключении. Он слушал едва ли вполуха — все его мысли занимала его подружка из Финикса. В общем, мы разговорились о ней, и я возьми да спроси, как он собирается ее

узнать в толпе. «Она мне сказала, — сообщил Эрик, — что на ней будет красное платье». Когда он описал ее приметы, до меня дошел весь ужас произошедшего. Я показал ему свежеотпечатанные фотки и спросил: «Это она?» Эрик был убит. Я извинился, объяснив, что не знал, кто она. Но это еще не конец истории: тем же вечером Эрик с девушкой повстречались в отеле. Он был очень зол на нее, они как следует поругались, и в итоге она снова оказалась у меня.

Я не хотел расстраивать Эрика — ни этой историей, ни чем-либо другим. Я постарался все ему объяснить и убедить не принимать всерьез подобные случаи. Для меня все это было просто игрой, развлечением: вот пришел ты в клуб, и там четыре девицы — не все ли равно, с какой из них развлекаться? Но поскольку ему статус звезды был в новинку, его эта история очень задела.

Турне в поддержку «Unmasked» оказалось для группы непростым. Дайана решила прилететь в Лондон, чтобы провести со мной побольше времени, пока идет первая часть тура. В итоге даже простой поход в ресторан становился для нас настоящим испытанием. Вокруг постоянно кружили папарацци, которые пытались заснять нас вдвоем и меня без грима. Хуже того, мои товарищи по группе вместе с Биллом Окойном решили предъявить мне претензии по поводу моих «голливудских замашек». По их словам — в общем-то, справедливым — мои отношения с Дайано, й, а до нее с Шер своей публичностью повлияли на мнение фанатов о KISS. Мы всегда считались аутсайдерами, которые не водятся с другими знаменитостями, а теперь получалось, что у меня самого с этими знаменитостями складываются весьма тесные личные взаимоотношения. Все это, по их словам, шло вразрез с духом рок-н-ролла.

Треволнения внутри группы ничуть не способствовали улучшению психического состояния Эйса. В Окойне искорка лидерства будто угасла. Эрик был счастлив от одного факта своего присутствия в KISS и практически не подавал голоса. Я же в тот момент был далеко не самым популярным парнем в группе. По завершении турне мы разъехались по домам, чтобы провести время подальше друг от друга. Я вернулся в Нью-Йорк и тут же окунулся в водоворот новых событий.

С Дайаной мы большую часть времени проводили порознь. Как-то мне позвонила Шер и рассказала, что ей предложили роль в бродвейской постановке «Приходи ко мне на встречу, Джимми Дин, Джимми Дин», которую собирался ставить режиссер Роберт Олтмен, а затем спросила, нельзя ли остановиться у меня. Я без промедления согласился. Пусть мы больше и не были

любовниками, мы все еще оставались друзьями.

Сейчас я понимаю, что это, пожалуй, было нечестно по отношению к Дайане. У нас обоих были дома на Пятой авеню,

в паре кварталов друг от друга, и часто получалось так, что днем я встречался с Дайаной, а вечерами составлял компанию Шер, у которой в жизни начался новый, актерский период, из-за чего она чувствовала себя не очень уверенно. Хотя Дайана и Шер раньше были подругами, в тот момент стало ясно, что их дружбе пришел конец. Однако скоро все улеглось, и мы с Дайаной сблизились еще теснее. Она записывала новый материал, который должен был лечь в основу ее первой пластинки, выходящей вне «Motown Records». В это же время музыканты KISS готовились отправиться в студию записывать альбом, подобного которому мы еще не делали: концептуальную работу под названием «The Elder».

На фоне позитивного заряда Эрика Эйс все сильнее замыкался в себе. Хотя Эрик ему нравился, тусоваться с ним Эйс не мог, поскольку Эрик не баловался алкоголем и наркотиками. Так что Эйс все чаще устраивал со своими дружками вылазки в Вегас, где они надирались, играли в казино и оголтело гоняли на своих тачках.

Мы решили, что нам снова нужен Боб Эзрин, ведь именно он был тем парнем, который создал наш, вероятно, лучший студийный альбом, «Destroyer». Мы связались с Бобом, и он решил, что готов поработать с нами над новой пластинкой. Предполагалось, что для окончательного сведения записи мы приедем к нему в Торонто. Мы начали репетировать в домашней студии Эйса, в Коннектикуте, но там почти сразу возникли проблемы, первой из которых стало совершенное отсутствие у Эйса готовности покинуть Коннектикут и отправиться в Торонто к Бобу. Кроме того, Эзрин дал понять Эйсу, что записанный в Коннектикуте материал по большей части не войдет в альбом, поскольку не впечатлил Боба. К тому же у самого Эзрина хватало проблем с различными веществами. Ситуация для всех нас складывалась чрезвычайно нездоровая — к великому сожалению, поскольку для Эрика Карра это была первая запись в составе KISS.

Тем не менее материал для нового альбома, который в итоге получил название «The Elder*, выглядел многообещающим (по крайней мере, поначалу). Эрик доказал нам, что он на голову выше Питера, самостоятельно научившись играть на гитаре. Кроме того, он еще и сочинил (с моей помощью) песню под названием «Underthe Rose». Он стал настоящим активным членом группы — он не только вносил свой вклад, но и достойно мирился с нюансами жизни KISS как коллектива. К примеру, я

написал песню под названием «I» («Я»), в которой были такие строки: «Мне не нужно надираться; выпивка лишь отвлекает. / У меня своя голова на плечах, и кишка не тонка жить своим умом», а потом припев: «Потому что я верю в себя». Я всегда смотрел на жизнь именно так, ну и решил написать о своем мировоззрении песню. Так вот, запись «I» мне очень понравилась, но Эзрин решил, что Эрик не справился с партией ударных, и пригласил для перезаписи сессионного барабанщика. С Питером эта история превратилась бы в крупный скандал, а Эрик, хоть ему и было обидно, воспринял все спокойно.

«The Elder» вышел в достаточно странное для группы время. Во-первых, мы расстались с «Casablanca Records». Нила Богарта с потрохами купил «Polygram», и мы внезапно из личных друзей президента лейбла превратились в наемных артистов, которым приходится работать на монстра индустрии с кучей сотрудников. Нам казалось, что нас бросили.

Кроме того, оказываясь в Калифорнии, я начал целенаправленно обивать пороги голливудских студий. У меня сложилось несколько идей, которые можно было воплотить в виде фильмов и телешоу. Один сюжет рассказывал про черного ковбоя по имени Гэбриел, который жил перед самой Гражданской войной. По моей задумке, он был незаконнорожденным сыном владельца плантации, которому пришлось вступить в армию Союза в качестве кавалериста. В конце герой оказывался на Юге, где и встречал своего отца, который, ко всему прочему, изнасиловал его мать. Мне казалось, что из этого выйдет приличный фильм, и я пошел с этой идеей в «Парамаунт пикчерз».

Когда я говорю «пошел в «Парамаунт»», на деле это означает встречу с Шерри Лэнсинг, главой студии. Я не из тех, кто сидит и ждет, пока менеджеры и агенты договорятся о встрече. В общем, я рассказал Шерри историю Гэбриела, и она обещала подумать. Мы нашли общий язык — оказалось, что у нас совпадают взгляды на многие вещи. Шерри сразу показалась мне привлекательной, однако, несмотря на наши периодические встречая не сделал никаких шагов в этом направлении.

Встречи в Голливуде и подтолкнули меня к идее, которая легла в основу «The Elder». Я еще не знал, будет ли это альбом или фильм. Сперва я понял только одно — в моей голове засела строчка: «Когда Земля еще была молодой, мы уже состарились». Я придумал расу бессмертных существ, разумных сгустков энергии, в чем-то схожих с расой Наблюдателей из комиксов «Марвел».

Эти создания были скорее свидетелями, чем участниками событий. Они не вмешивались в развитие человечества, в результате чего люди сами несли ответственность за свои поступки — как хорошие, так и плохие. Я решил, что эта идея может послужить приличной основой для фильма.

Когда Боб Эзрин прочитал мой рассказ об этих созданиях, он заявил: «Идея просто супер. Надо записать концептуальный альбом по мотивам твоего рассказа». Эзрин объявил об этом группе, и мы попытались сделать так, чтобы все наши новые песни соответствовали центральной идее. Затем собрали весь материал в кучу, потратили некоторое время на правку текстов, и достаточно скоро у нас появился сырой, но вполне связный сюжет. Работа спорилась, поскольку мы все знали, чего хотим: сделать собственный «Тотту». Кроме того, этот проект стал для KISS первым, когда кто-то (в данном случае — Боб Эзрин) постарался донести до музыкантов мысль, что уважение и положительные отзывы критиков для группы столь же важны, как и любовь поклонников. В общем, эта запись стала для нас действительно серьезной работой.

Для Эрика, я уверен, наше решение оказалось изрядным сюрпризом. Когда он к нам только присоединился, группа собиралась записать классический рок-н-ролльный альбом, поэтому он слегка растерялся. Вряд ли сама идея пришлась ему по душе. Кроме того, хотя мы с Полом и поддержали Боба, доверяя его инстинктам, Эйс встретил предложение в штыки. Он был настолько против нашей затеи, что снова перестал с нами встречаться. Он не хотел ехать в Торонто, но пообещал прислать нам свои соло. В итоге участие Эйса в этой записи превратилось в сложный процесс. К нему в студию, в Коннектикут, из Торонто приходили двадцатичетырехдорожечные мастер-записи, он их слушал и записывал у себя разные соло. Получив от Эйса пленки, Боб решал, какие из них выбрать, а какие отсеять или перезаписать. Поскольку Эйс не являлся на запись, к созданию альбома приложили руку и несколько сессионных гитаристов.

К сожалению, весь труд, вложенный в «The Elder», оказался напрасным. На выходе получился альбом, который продавался так плохо, что даже не получил «золотого» статуса (впервые в нашей истории). Мы оказались на перепутье: уже подстригли волосы, но все еще использовали грим. К тому же группа пополнилась новичком, Эриком. И с учетом всех этих обстоятельств мы пытались понять, что же нам делать в свете столь разочаровывающего старта «The Elder».

Мы не собирались ехать в турне с альбомом, который не продается, так что переключили свое внимание на телевидение и

клипы. Мы сняли видео на песню A World Withou Heroes», которую в соавторстве написали я, Лу Рид, Пол и Боб Эзрин (потом, кстати, кавер-версия этой песни попала на один из альбомов Шер). Еще был сделан клип на «I» — и он имел весьма сомнительный успех, оказавшись в десятке только в Италии. Помимо этого, мы ураганом пронеслись по Европе с промо-ту-ром и плотно оккупировали телевидение, появляясь в различных передачах. Потом мы отправились в Мехико, где KISS были на пике популярности. Въезжая в город на лимузине, мы успели послушать четыре радиостанции, где передавали посвященные KISS программы, — четыре часа песен и интервью KISS в формате нон-стоп.

В гостинице в Мехико нас поймали ребята с нашего местного лейбла. Нас завалили «золотыми дисками» и другими наградами, а потом мы провели пресс-конференцию в полном боевом облачении. Эйс отличился тем, что отлил в бутылку, а потом поставил ее среди других открытых бутылок шампанского. Хотя случай был забавный, он стал своего рода сигналом, предупреждающим о грядущих неприятностях.

Когда мы вернулись в Америку, Эйс перестал отвечать на телефонные звонки. У нас впереди было выступление на «Евровидении» — конкурсе, который смотрели миллионы людей. Это была реальная возможность выступить перед огромной аудиторией и попытаться оживить мертворожденную запись. Мы заказали прямой эфир, в котором нас должны были показать на сцене нью-йоркской «Studio 54» под фонограмму «I». В десять нас ждали в студии. Живьем и в полном составе.

Эйс не явился. Мы послали к нему домой лимузин и Джорджа Сьюитта, нашего охранника. Вернувшись, он сообщил, что Эйс находится в состоянии, близком к коме. Однако шоу должно было продолжаться. Мы выступили без Эйса — в первый и последний раз как трио.

На «Polygram» решили выпустить в Европе сборник лучших хитов, озаглавленный «Killers». Для него требовалось записать четыре новые песни. Мы собрались и позвали продюсера по имени Майкл Джексон, который нам с Полом очень нравился. Он занимался совершенно другой музыкой, но у него-имелось несколько хороших идей. В частности, он продюсировал Джесса Колина Янга из Youngbloods — одной из моих любимых групп. Когда мы встретились, я настоятельно рекомендовал ему придумать что-нибудь с именем — вы же понимаете, двух Майклов Джексонов быть не может. Я предложил имя «Майкл Джеймс Джексон», и он согласился.

Запись началась. Было ясно, что теперь многое изменится.

Эйса нам не удалось разыскать. Мы решили разобраться с этой проблемой, когда (и если) придет время, но сейчас нам и без того хватало хлопот. KISS отправились в Лос-Анджелес, где жил Джексон. Пол и Эрик сняли жилье, а я въехал в дом Дайаны в Беверли-Хиллз. Меня постоянно отвлекали Голливуд и кино, что в итоге сильно сказалось на процессе подбора нового материала. В итоге все четыре новые песни сочинил Пол в соавторстве с другими людьми. У одной из новых песен Пола возникла проблема с бриджем — переходом от куплета к припеву, — и я придумал для него мелодию. Полу она не понравилась, но я ее сохранил и позже использовал в качестве лейтмотива песни «I Love I Loud».

К1981 году я все больше времени проводил в Голливуде. Со мной связалась Марси Кэрси, продюсер телешоу (например, «Третья планета от Солнца»), с идеей передачи под названием «Гротус», звездой которого я должен был стать. Мы сняли короткий пилот, и всем он так понравился, что мне решили устроить встречу с менеджерами телеканала ABC. Там присутствовало десять человек, и проговорили мы с ними минут пять. После чего мне предложили собственный телесериал. Я был ошарашен.

Пришлось встретиться с парнем, который вел мои дела, чтобы он объяснил мне суть сделки. Я должен был получать по 60 ООО долларов за серию. Он заметил, что в случае моего ухода из KISS, где я зарабатывал куда больше, я получу взамен возможность пробиться на телевидении.

Окойну и остальным не нравились мои телевизионные планы. Они еще раз подтвердили уже сказанное до этого — мысль о том, что я продался Голливуду (худший из возможных грехов в то время). Группу ощутимо трясло: Эйс был несчастен, Окойн растерял энергию, Эрик лишился розовых очков, а Пол считал, что я предал его ради телевидения. Не забудем и о фанатах — их тоже вряд ли радовало мое поведение. Пресса как следует утюжила тему «романа Чудовища из KISS с дивой «Motown»». В результате многие фанаты от меня отвернулись. Я же всего лишь хотел жить своей жизнью и готов был заплатить за это даже такую цену. Но в конце концов я не ушел на телевидение, оставшись в группе.

В Европе вышел сборник «Killers», и наши издатели были счастливы, что смогут заработать на нас еще немного денег. Одновременно с окончанием работы над «Killers» мы начали серьезную подготовку к новому альбому, который планировался довольно тяжелым по звучанию, с упором на гитары, — этакое возвращение к корням. Мы знали, что Эрик достаточно

талантлив, чтобы снискать лавры Джона Бонэма, а ко всему прочему он еще и петь умел. Итак, когда был дан старт работе над этим тяжелым альбомом — мы назвали его «Creatures of he Night» («Порождения ночи»), — Майкл Джеймс Джексон вызвал из Канады одного парня, автора диско-хитов. Парня звали Брайан Адаме, и мы втроем — я, Брайан и его напарник Джим Вэлленс — написали «War Machine», а затем и «Rock and Roll Hell». Новый материал получился отличным. Участники группы были довольны — все трое. Я говорю «трое», поскольку Эйс в очередной раз куда-то исчез. Он наотрез отказывался приезжать в Калифорнию, не появлялся в студии и не сыграл на новой пластинке ни единой ноты. Когда мы наконец с ним поговорили, он заявил, что работает над сольным материалом. Это был явный знак того, что он хочет расстаться с нами, — и все же мы вопреки очевидному изо всех сил старались сохранить его присутствие в группе. В какой-то момент Пол приехал домой к Эйсу, чтобы наконец прояснить ситуацию. Эйс разразился длинной речью о том, как ему необходима сольная карьера. Пол вполне разумно заметил, что одно другому не мешает. Эйс попросту отмел эту мысль, и стало совершенно очевидно, что он собрался уходить из KISS.

Оказавшись перед лицом его неизбежного ухода, мы постарались по возможности сгладить последствия. Мы даже поместили лицо Эйса на обложку нового альбома, хотя он не сыграл на нем ни единой ноты. Мы понимали, что поклонникам слишком тяжело смириться с уходом двух музыкантов подряд на протяжении двух альбомов. Это не только расстроило бы поклонников, но и подорвало бы их веру в нас.

Незамедлительно начался поиск нового гитариста. К записи «Creatures of he Night» мы привлекали пятерых или шестерых гитаристов, от Рика Дерринджера до Винни Кузано, который позже стал Винни Винсентом и некоторое время выступал с KISS. Его поведение сразу послужило нам тревожным

звоночком — работать с ним было сущей пыткой. Он категорически не любил, когда ему указывали, что и как играть. К тому же всю дорогу он проделывал разные штуки — например, приглашал нас на ужин, а потом, когда приносили чек, заявлял, будто забыл бумажник. Мне заплатить не проблема, но зачем же обставлять это как приглашение на ужин, а потом устраивать спектакль с забытым кошельком? Мы сразу поняли, что он нам не подходит. Я постоянно говорил Винни: «Ты не будешь нашим гитаристом. Ты слишком тощий, низкорослый, да и вообще ты не похож на участника группы». А он без конца твердил: «Нет, я вам подхожу, я гожусь».

К началу 1982 года проблемы у группы возникли и с Биллом Окойном. Как бы то ни было, мы ждали поступления определенной суммы, а денег все не было. Как выяснилось, Билл, будучи просто гением по части идей, в области рационального использования средств совершенно не компетентен. Скажем, при планировании турне вовсе не обязательно нанимать четырех телохранителей для группы. Может, вполне достаточно двух. А если каждый просит 1500 долларов в неделю, то отказ от двух лишних экономит, соответственно, 3000 за тот же период. А каждый сэкономленный доллар — это доллар, который вполне может оказаться в наших карманах. Но вся эта экономия на издержках никогда не была сильной стороной Билла.

Впрочем, беды преследовали не только нас. Примерно в то же время к нам в студию зашел Эдди Ван Хален и сыграл нам отрывки будущей песни «Jump». Я пригласил его на обед и он пожаловался мне, что недоволен своим участием в Van Halen и что Дэвид Ли Рот сводит его с ума. Он хотел знать, не готовы ли мы рассмотреть его кандидатуру в качестве нового участника KISS, поскольку до него дошли слухи, что нам нужен лид-гитарист. Впрочем, не думаю, что он говорил всерьез. Мы обедали через дорогу от студии звукозаписи «Record PLant», и я слушал рассказ о бедах Эдди. С нами в тот момент выступал

Винни Винсент — тогда он числился только лид-гитаристом и автором песен на «Creatures».

Мы подумали, что KISS с Эдди Ван Халеном в качестве гитариста — это, безусловно, отличная идея. Но каким будет его персонаж? В итоге было решено найти кого-нибудь неизвестного, а Эдди остался с Van Halen. Я постарался убедить Эдди, что все у него наладится. В свое время так и произошло.

В конце концов мы сдались и приняли в наши ряды Винни. Однако, если мы и надеялись, что введение его в основной состав группы упростит и облегчит работу с ним, наши надежды разбились в пух и прах. Во-первых, он хотел оставить свое имя, Винни Кузано. Я сразу ему сказал, что идея паршивая: имя звучит как название компании по оптовой продаже фруктов, а рок-н-ролл, хотим мы того или нет, держится на имидже. У всех остальных были неопределенные имена, по которым не вычислишь ни этническую принадлежность человека, ни его происхождение. Я свое имя поменял, и Винни предстояло сделать то же самое. Наконец он согласился взять псевдоним, но тут же стал закидывать нас собственными идеями по этому поводу. Он желал зваться Мик Буря. Мне не хватило храбрости сказать ему, что выбор псевдонима — не его дело, пусть только приходит вовремя и зарабатывает кучу денег. Дальше — хуже: Винни никак

не мог подписать контракт. Наконец мы сказали ему, что документы придется подписать. Бумага представляла собой договор найма, и его необходимо было оформить, будет Винни участником группы или нет. Это просто не обсуждается. Кроме прочего, нас поджимало время — после завершения работы над «Creatures» нам нужно было либо отправляться в турне с этим парнем, либо упустить удобное «окно» для гастролей. Плохо ли, хорошо ли, но мы решили ехать в турне с ним. Пол придумал Винни грим с анкхом, и персонажа — Мага.

13. «All Hell's Breaking Loose», или Разверзшийся ад: «Lick I Up» и моя карьера кинозвезды 1983-1984

Теперь KISS состояла из Эрика Карра, Винни Винсента, Пола и меня. Нам самим «Creatures of he Night» очень нравился, и мы надеялись на лучшее. Но альбом продавался плохо. Мы отправились в турне по Америке, и оно оказалось самым неудачным в истории группы. Музыка менялась: на подъеме были проекты вроде he Clash и Майкла Джексона, а на нас никто смотреть не хотел. Так, во всяком случае, дела обстояли в Северной Америке: за границей, особенно в Южной Америке, мы легко собирали стадионы и выступали перед как никогда огромными толпами людей. Такое положение, несмотря на некоторое разочарование, открыло нам глаза и заставило понять, что ни один конкретный город или даже регион не является определяющим в качестве рынка. Не получается в США — отправляйся в Бразилию. Неудача в Колумбии — попробуй свои силы в Италии.

Главным нововведением в музыке в ту пору стало появление MTV. Музыка подчинилась определенным визуальным образам. Мы всегда делали упор на внешность и подачу, но, как ни странно, наш стиль визуального оформления не слишком соответствовал генеральным тенденциям рок-н-ролла начала 1980-х. В ту пору мир сходил с ума по хайр-металу. Хайр-группы правили бал, поскольку именно они давали подросткам (особенно тем, что помладше, и особенно девушкам) ту музыку, которая еще недавно считалась слишком опасной для их ушей. Девочки тринадцати-четырнадцати лет постигали азы сексуальности, и хайр-метал, вроде Bon Jovi или Poison, предоставлял им идеальных кумиров для первой влюбленности.

Но и у нас нашелся кое-кто на потребу публике: Пол Стэнли. В качестве танцующего на сцене яркого фронтмена, кумира девушек, он чувствовал себя как рыба в воде. Так что, впервые в истории группы, мы последовали примеру других, быстрее сориентировавшихся команд. Все оправдания, а также замечания по поводу оригинальности и самобытности можно оставить в

стороне: мы были рабочим коллективом. Если не получается быть лидерами, надо следовать общей тенденции.

Примерно в это же время мы решили оставить в прошлом важный элемент нашего визуального стиля, который сильнее всего ассоциировался с KISS, причем с самого начала: наш грим. Когда мы приступили к работе над «Lick I Up», с точки зрения музыкальной индустрии для этого шага наступило самое время. Продюсером снова выступил Майкл Джеймс Джексон, а Винни Винсент поучаствовал в записи как гитарист и соавтор песен. В тот момент у Винни и Пола все более-менее ладилось — именно они вдвоем написали заглавную композицию с альбома, «Lick I Up». В какой-то момент, когда работа над альбомом подходила к середине, Пол отозвал меня в сторонку и сказал: «Джин, думаю, пришла пора отказаться от грима». Его доводы звучали разумно — в силу изменений в составе группы мы все сильнее отдалялись от тех персонажей, которые когда-то так нравились публике. Образ Винни Винсента, Маг, не нашел у поклонников такого же отклика, как, например, Демон или Звездное Дитя. «Давайте покажем фанатам, чего мы стоим, — говорил Пол. — Выйдем на сцену как настоящая группа, без макияжа».

Я, пусть и неохотно, но все же согласился. Я не знал, сработает такой ход или нет, но и к словам Пола не мог не прислушаться — нам и правда было некуда больше двигаться. Мы организовали фотосессию без грима, чтобы понять, на что все это будет похоже. Мы демонстративно смотрели прямо в объектив фотокамеры. На одну уступку поклонникам я все-таки пошел — высунул язык, чтобы остался хоть какой-то намек на прошлое, который напомнит поклонникам: мы — группа с историей, а не какие-нибудь новички.

Мы решили представить новых себя миру в прямом эфире на MTV. Поверх наших лиц наложили соответствующие фотографии в гриме KISS, и когда ведущий называл наши имена, эти фотографии постепенно исчезли, открывая настоящие лица. Презентация прошла в лучшем виде, хотя я жутко нервничал. Затем вышел «Lick I Up», который тут же стал продаваться втрое лучше «Creatures of he Night». Альбом взял «платину», и скоро мы снова стали собирать концертные залы. Группа буквально вернулась к жизни.

Эрик Карр, должно быть, чувствовал себя как на минном поле. Он был счастлив стать участником тех KISS, которых он знал и любил, но первой же записью с его участием стал концептуальный альбом. Второй — «Creatures of he Night». А на третьем альбоме группы, в создание которого Эрик уже внес свой вклад - KISS расстались с гримом.

Когда мы отказались от макияжа и гордо вошли в эпоху MTV, у нас критично поменялась аудитория. В начале карьеры, когда мы разогревали другие группы, а KISS считались «опасными рок-метал-бунтарями», наша публика представляла собой нечто весьма специфическое. Когда мы вошли в мейнстрим, игрушки и прочие развлечения привели к нам даже самых юных слушателей. Доходило до того, что на концерт могли явиться мама и папа в сопровождении своих трехлетних детей. Состав публики походил на тот, что бывает в цирке. В 1980-е все снова поменялось. Внезапно мы стали популярны среди девочек-подростков. Они приходили на концерты, пробирались в первые ряды, визжали, а иногда казалось, что они готовы далеко не только, повизжать — во многих отчетливо просматривались будущие группиз. Для'протокола хочу заявить, что сам я никогда не покушался на несовершеннолетних — вокруг всегда полно взрослых девушек. Тем не менее эти мелкие пигалицы пробирались за сцену и вообще постоянно вертелись поблизости. Зайдешь в гримерку, а там уже сидит хотя бы одна девочка-подросток.

Начало и середина 1980-х в определенном смысле стали для меня непростым временем. Моя связь с KISS — группой, которая десять лет была центром моей вселенной, — приобретала новые формы. Я перестал чувствовать себя «в своей тарелке» — не понимал, как себя вести, поскольку группа без грима представляла нечто совершенно новое. Зато Пол был в ударе. Сохранять индивидуальность ему удавалось на ура — во многом потому, что Пол на сцене и в быту практически один и тот же человек. В ту пару лет KISS стали в гораздо большей степени его командой, чем чьей-либо еще. Именно Пол давал интервью от имени группы. На фотографиях KISS того периода тоже все чаще появлялся именно он. Правда, если я достаточно активно высовывал язык, и мне удавалось урвать часть внимания зрителей.

Здесь важно пояснить, что именно произошло. Пол не оттеснил меня на задний план — он никогда так не поступил бы, — просто его способность управлять публикой только выросла в ходе перемен в музыкальной индустрии. Моей же реакцией стала попытка силой (точнее, эпатажем в форме выбора чрезвычайно вызывающей, андрогинной одежды) вернуть себе внимание аудитории. Попытка не удалась (точнее, не привела к желаемому результату) — я лишь стал напоминать футболиста в балетной пачке.

В то же время у меня появилась возможность со стороны понаблюдать за тем, как работает Пол, и этот процесс оказался весьма интересным. Взгляды Пола на различные вещи весьма

приближались к тому, что принято называть «женской точкой зрения». Считайте меня простаком, но я полагаю, что женщине гораздо менее интересен некий результат — например, оказаться с кем-то в постели, — чем сам процесс, когда ее замечают, считают привлекательной. С Полом похожая история. Полу гораздо важнее знать, что он нравится девушке, чем оказаться с ней в постели. Вот мне, например, наплевать, считают меня красавцем или уродом, лишь бы дело дошло до койки. Мы с Полом оба любим шоколадный торт, поэтому многим кажется, что мы с ним похожи. На деле же мы совершенно разные: ему нравится глазурь, а мне — бисквит и все остальное, во что можно вцепиться зубами и как следует прожевать. В общем, если от торта остались только кремовые розочки, так и знайте — здесь пировал я. А если слизана вся глазурь и завитушки, а бисквит не тронут — вините Пола. Ну а вместе мы раздраконим любой торт. Проще говоря, мы те самые противоположности, которые притягиваются, будто соседние кусочки одного пазла, — может, потому наш тандем и работал без осечек.

Один из самых забавных случаев в моей жизни произошел, как ни странно, не на сцене, а в толпе. Была середина 1980-х, и я пошел в один лос-анджелесский ночной клуб, «La Cage aux Folles». Там собирались различные деятели шоу-бизнеса — скажем, слева от меня оказался актер Милтон Берл с женой, ну и других знаменитостей тех лет хватало. Погас свет, и заиграла вступительная музыка для шоу трансвеститов. Первый вышел на сцену одетый как Шер. Трансвестит-Шер продефилировал по сцене и спустился с противоположной стороны. Следующий транс изображал Дайану Росс. А сразу за ним шел третий, одетый как Лайза Миннелли. Вот она, «святая троица» див, которые стали иконами для геев, — и все три сыграли важную роль в моей жизни.

Лайзу я впервые увидел, когда был с Шер на вечеринке у Холстона. В 1979 году мы снова встретились — у Лайзы как раз было несколько шоу в мюзик-холле «Radio City». У меня не было на ее счет никаких романтических намерений, и я уж точно не хотел с ней переспать. Мы подружились и от случая к случаю стали вместе ужинать. К тому времени Лайза, дочь Джуди Гарленд, уже на протяжении десятков лет была звездой сцены и кино.

Когда бы мы с ней ни встречались, разговор обязательно заходил о музыке. Лайза расспрашивала меня о KISS — ей хотелось знать, как все это началось и как мы попали из числа фриков в круг всемирно известных музыкантов. Я объяснил ей,

что это не заслуга какого-нибудь одного человека, а плод совместных усилий рекорд-компаний и менеджмента. Потом Лайза обмолвилась, что у Мадонны нет ничего, что бы не могла дать публике сама Лайза, за исключением разве что правильного репертуара. В ответ я описал ей свое видение ситуации. По моему мнению, стиль исполнения Этель Мерман, с широким вибрато в бродвейском стиле, остался в прошлом, и девочек-подростков он не привлекает. И если Лайза готова отбросить устаревшие взгляды и возродить свою карьеру певицы, я готов ей помочь. Так я стал ее менеджером.

Я отвел Лайзу в рекорд-компанию «Columbia Records* и познакомил с Уолтером Йетниковым. Он тут же дал нам «зеленый свет», не теряя времени на консультации с вице-президентами и экономические расчеты. Уолтер был магнатом старой школы. Один парень из репертуарного отдела, Майкл Голдстоун, подкинул идею свести Лайзу с Pe Shop Boys и записать альбом современного евродиско. Я рассказал об этом Лайзе и объяснил, что от нее потребуется.

По мере того как я все глубже и глубже погружался в музыкальную карьеру Лайзы Миннелли, нас стали чаще видеть вместе. В желтой прессе начали появляться заголовки вроде «Звезда KISS покорила сердце Лайзы», что не имело ни малейшего отношения к реальности. У нас с Лайзой были сугубо профессиональные отношения. Конечно, я бывал у нее дома, а она периодически приезжала на встречи в мой пентхаус на Пятой авеню. Мы без конца говорили о кино, музыке и стремлении Лайзы сделать карьеру поп-певицы. Мне нравилось проводить с ней время, ходить на разные мероприятия, вроде торжественного открытия первого «Hard Rock Cafe». Я уважал ее как творческую личность и стремился помочь ей с карьерой — не меньше, но и не больше.

Совместный сингл с Pe Shop Boys стал значительным событием международного уровня. В Америке он почти не продавался, зато здесь Лайзе удалось нечто поважнее — поймать удачный момент. В это самое время Дин Мартин выпал из турне, в котором выступал вместе с Сэмми Дэвисом-мл. и Фрэнком Синатрой. Лайза тут же заняла его место на гастролях, в течение которых ей удалось дать аж двадцать три шоу в одном мюзик-холле «Radio City». Полагаю, это можно считать своего рода рекордом — собирать 6,5 тысяч человек три недели кряду.

Кстати, Фрэнк Синатра нравился далеко не мне одному: когда я начал работать с Лайзой, Питер Крисе беспрестанно говорил мне, как любит Синатру. Я связался с роуд-менеджером Фрэнка, и тот достал мне билеты в первый ряд на концерт в Лос-

Анджелесе. В какой-то момент Синатра посмотрел на нас со сцены и подмигнул. Питер был на седьмом небе от счастья.

У Лайзы в жизни случались свои взлеты и падения. Когда я основал собственную звукозаписывающую компанию «Simmons Records», мы с ней решили расстаться. Ей хотелось вернуться к пению в старомодной манере. Я был от этой идеи не в восторге, поскольку считал, что в этом случае публика примет ее попытки изображать поп-певицу за дешевый маскарад. Однако Лайза не готова была отказаться от Бродвея — многим брод-вейская карьера кажется важной, но для тех, кто покупает пластинки, она не значит ничего. В итоге мы поняли, что сотрудничество не получается. Я встретился с Микки Рудиным, одним из лучших юристов в шоу-бизнесе, и мы с Лайзой расторгли договор.

Примерно в это же время у Нила Богарта, президента нашего лейбла и человека, который нам столько помогал в годы становления группы и поддерживал нас на протяжении всего пути к славе, нашли рак. Как-то я попал на благотворительное мероприятие в нью-йоркском «Хилтоне» и встретил там Нила. Он выглядел располневшим, и я как следует подразнил его шуточками вроде «Да-да, я тоже люблю послаще». Я не понимал, что он болен. У меня аж сердце замерло, когда — уже позже — я понял, что полнота вызвана именно болезнью.

Пару лет спустя мне позвонил наш менеджер и спросил:

- Ты собираешься на похороны?
- На какие похороны?
- Так ведь Нил Богартумер, — ответил он.

Мы прилетели в Лос-Анджелес, совершенно опустошенные, и поприсутствовали на церемонии, где буквально все — от Нила Даймонда до Донны Саммер — говорили теплые слова о покойном. Без сомнения, Нила любили очень многие люди. Любопытно, что его сын, Тимоти Богарт, написал сценарий, легший в основу фильма, который я прямо сейчас продюсирую. Воистину, в жизни все взаимосвязано.

К 1983 году KISS избавилась сначала от Эйса Фрэйли, а потом и от Винни Винсента. Мы превратились из самой популярной группы в мире в хромоногую клячу. Мы быстро нашли нового гитариста, Марка Сент-Джона, который принял участие в записи «Animalize», но он продержался в группе только на протяжении одного альбома. У него началась болезнь под названием «синдром Рейтера» — недуг, при котором, в частности, повреждаются мышцы в кистях рук. Руки у Марка раздулись до размера воздушных шаров и он, разумеется, больше не мог играть на гитаре. Синдром Рейтера проявился уже во время записи альбома, и нас обеспокоили симптомы, но Марк настаивал, что

ему они не помешают. Больше того — мы с ним успели отправиться в турне и даже сыграли в небольшом зале в Покипси, штат Нью-Йорк, но после концерта стало ясно, что у него серьезное заболевание, и он не сможет работать гитаристом KISS.

«Animalize» мы с Полом решили спродюсировать сами. Когда были записаны основные дорожки и я напел свои вокальные партии, завершение работы над пластинкой полностью перешло к Полу. Он от этого был не в восторге, но у меня появилась возможность сняться в кино, и я не хотел ее упускать, так что Полу пришлось доделывать альбом самостоятельно.

К тому времени я уже давно мечтал о кино. Эта история тянулась чуть ли не с домузыкальных лет, когда научно-фантастические и фэнтезийные фильмы среди моих интересов занимали более важное место, чем даже музыка. При каждом просмотре я обязательно обращал внимание на титры. В титрах к одному из фильмов было написано, что за кастинг отвечала некая фирма «Фентон и Файнберг». Я позвонил в справочную и узнал, где находится эта самая компания. Самое смешное, что я даже не знал имен Фентона и Файнберга, просто позвонил и сказал: «Здравствуйте, я Джин Симмонс из KISS. Могу я приехать и пообщаться с вами?» «Конечно», — ответил Майк Файнберг.

Мы назначили встречу. Придя в положенное время, я первым делом объявил: «Хочу сниматься в кино». Прямо в лоб. Не вижу. никакого смысла в том, чтобы тратить время на пустую болтовню. Майк Фентон вызвал Майкла Крайтона, писателя и сценариста — того самого, который потом придумал «Парк юрского периода», «Смерч» и «Инопланетянина», — и через полминуты мне предложили работу.

На самом деле мне все-таки пришлось пройти небольшой кастинг. Майкл Крайтон попросил меня сделать что-нибудь странное. «Посмотри мне в глаза, — предложил он, — и все. Никаких гримас, никакой мимики. Убеди меня одним взглядом в том, что ты прямо сейчас вырвешь мне сердце». Я уставился на него с мыслью об убийстве, и это, кажется, сработало. Я получил роль второго плана в фильме «Бунт роботов» («Runaway») с Томом Селлеком в главной роли. Я даже сценарий не читал — мне только сказали, что я буду играть злодея.

В первый день съемок — они проходили в Ванкувере — мне по сценарию нужно было подойти к некоей двери, позвонить и произнести свою реплику. По сюжету я притворялся рабочим, который пришел что-то чинить. Мне было велено создать впечатление определенного недоверия, беспокойства и надвигающейся угрозы. Я проговорил нужный текст, и тут Майкл Крайтон как заорет: «Стоп!» Я сразу подошел к нему извиниться:

«Прошу прощения, что напортачил, и в следующий раз постараюсь справиться лучше. Что я сделал не так?»

«Все отлично, — заверил меня он. — Дай-ка я тебе кое-что объясню. Если режиссер говорит «стоп» и дальше идет переход к следующей сцене, значит, все в порядке. А вот если я скажу: «Давайте заново», это уже плохо».

В работе над фильмом динамика совсем иная, чем в рок-н-ролле. Все тянулось, как очередь к зубному, — сидишь по 16 часов в день. Единственным развлечением мне служили размышления о том, с кем из ошивающихся вокруг актрис массовки сегодня замутить. Стоит отметить, что симпатичных девушек на съемочной площадке и поблизости всегда достаточно, и я буквально купался в женском внимании. Суматошное было время, но и интересное: я повстречал множество новых людей и попробовал себя в уйме разных занятий.

Девушку моего героя играла Кирсти Элли. По ходу фильма я должен был раскроить ей шею ножом — лишнее подтверждение того, какого милого персонажа я изображал. На съемках я попытался подкатить к актрисе Синтии Роде. Не вышло, и я переключился на ее сестру. Там меня тоже ждал облом, и я приударил за одной из актрис массовки, настоящей канадкой. И теперь уж все получилось как надо. Если не удалось в первый раз...

Однажды, когда я случайно оказался в Лос-Анджелесе, я встретил Стэна Брукса, который работал на кинокомпанию «Грубер—Петере». Мы с ним были знакомы со времен истории с «Гротус». Он представил меня Джеффу Лоубу и Мэтту Вайсмену, и на встрече в отеле «Беверли-Хиллз» мы вместе придумали фильм, который потом вышел под названием «Коммандо» — боевик, ставший серьезным прорывом в карьере Арнольда Шварценеггера. Сначала предполагалось, что главную роль сыграю я, но потом, когда я показал сценарий Майклу Рачмиллу, продюсеру «Бунта роботов», он от этой роли меня отговорил. Больше я уже никогда не позволял другим решать, что мне стоит делать, а что — нет.

* * *

В 1984 году, во время работы над «Бунтом роботов», у меня оставалось достаточно времени на выходных, чтобы летать в Лос-Анджелес потусоваться. Лучшие вечеринки в то время проходили в особняке «Плейбоя». Отдельно хочется отметить цикл

тематических вечеров «Сон в летнюю ночь» — масштабные летние гулянки, где собирались сотни девушек в одних корсетах и нижнем белье, а также сравнительно небольшие группы избранных самцов. Мужчинам разрешались только пижамы, а на девушках допускался самый минимум одежды. Обычно на одной вечеринке собиралось около четырехсот девушек и сотня парней. Вот так умел веселиться Хью Хефнер.

На тот момент мы с Дайаной несколько устаканили наши отношения — мы все еще были вместе, но давали друг другу волю. Перед тем как отправиться на подобную вечеринку, я говорил Дайане, что собираюсь в особняк «Плейбоя», пофлиртовать и хорошо провести время.

На одной из вечеринок я провел какое-то время (с толком, надо сказать, провел) с парой красавиц, а потом наткнулся на Ричарда Перри — музыкального продюсера, который с кем только не работал, от Рода Стюарта до he Pointer Sisters. Перри представил меня девушке, которую звали Шеннон Твид, и ее сестре, Трейси Твид. Обе были на шпильках и в корсетах, и обе отличались изрядным ростом — сильно за метр восемьдесят. Можете себе представить, какое действие они на меня оказали.

Особенно я был покорен Шеннон и приложил все усилия, чтобы ее впечатлить. Мы немного поговорили. Сначала она не заинтересовалась мной, но потом вернулась, чтобы продолжить разговор. Слово за слово, она отвела меня в библиотеку и показала секретную дверь, ведущую в винный погреб. Она присела на стол, и я — как сейчас помню — подумал, что тем самым она приглашает меня к действию. Но вот проходит пять минут, потом десять — и никакого секса. А все дело было в том, что я не на шутку увлекся беседой с Шеннон. Она была из Ньюфаундленда, из Канады, а я приехал в Америку из Израиля, и оба мы чувствовали себя немного чужаками в этой стране. В конце концов мы вернулись наверх, так и не доведя нашу первую встречу до логического завершения. На выходе Шеннон дала мне свой номер, добавив: «Позвони мне».

После встречи с Шеннон я полностью потерял интерес ко всем остальным участницам тогдашней вечеринки, включая даже Мисс Февраль.

Вернувшись в гостиницу, я всю ночь и все следующее утро пытался дозвониться до Шеннон. Оказалось, что номер неправильный, — в конце концов к телефону подошел какой-то парень, который слыхом не слыхивал ни о какой Шеннон Твид. В итоге я решил, что меня попросту прокатили.

Позже, когда я смотрел телевизор у себя в номере, мне под дверь вдруг подсунули какой-то листок бумаги. Я подобрал его.

Это оказался черно-белый снимок Шеннон, на обратной стороне которого была записка: «Меня еще никто так не оскорблял. Если ты взял мой номер, почему не позвонил? В следующий раз имей мужество не претендовать на то, что не собираешься доводить до конца». В таком духе. А снизу была приписка: «Если ты все-таки настоящий мужчина, вот телефон». Номер был не тот, что она дала мне на вечеринке, — он отличался всего на одну цифру, но и этого, разумеется, хватило.

Я тут же позвонил ей и сказал:

● Если я что-то говорю, то именно это и думаю. А вот ты дала мне неверный номер.

● Неверный? Уж не думаешь ли ты, что я своего номера не знаю?

● Я просто констатирую факт: номер на фотографии отличается от того, что ты мне дала, — пояснил я.

Сначала Шеннон злилась, но потом оттаяла. Я поехал к ней, где мной моментально овладели вожделение и страсть. Я запустил руку под свитер Шеннон и принялся ее целовать. Она вроде не возражала, и мы быстро стали близки.

Вскоре я позвонил Дайане, чтобы рассказать ей о Шеннон. Мне не хотелось, чтобы она узнала обо всем из таблоидов. Я объяснил, что встретил девушку, с которой хочу проводить время, а возможно, й вступить в более серьезные отношения. Дайана пожелала мне всего самого лучшего и выразила надежду, что я счастлив. Дайана всегда отличалась вежливостью — вот бы у всех девушек были ее класс и манеры!

Примерно три недели спустя у нас с Дайаной состоялся еще один разговор. Она спросила, встречаюсь ли я еще с Шеннон Твид. Я ответил утвердительно, не очень понимая, к чему этот разговор. И тут Дайана сумела меня ошарашить. «Представляешь, — сказала она, — а ведь Шеннон моя свояченица». Оказалось, что Трейси, сестра Шеннон, тайно вышла за брата Дайаны Чико.

Вскоре я переехал в лос-анджелесскую квартиру Шеннон. В моей новой подруге я нашел все, что когда-либо мечтал видеть в девушке. У нее была своя карьера — она работала актрисой на телевидении и снялась в доброй дюжине фильмов. Так что Шеннон вроде бы ничего от меня было не нужно, и ко всему прочему она отличалась просто сногсшибательной красотой.

На тот момент я этого не знал, но Шеннон только что рассталась с Хью Хефнером, с которым даже успела пожить вместе в особняке «Плейбоя». Она хотела строить карьеру, а Хью мечтал, чтобы она оставалась рядом с ним, поэтому ей пришлось с ним разойтись. Но она побывала девушкой с обложки «Плейбоя»

(даже с нескольких обложек), и ее изображения, уверен, висели на стенах множества парней по всей стране.

Сразу после знакомства я рассказал Шеннон всё. Что не хочу и никогда не хотел жениться (ни на ней, ни на ком-либо еще), что не собираюсь заводить детей, что боюсь любых обязательств в отношениях и что хочу оставаться свободным в удовлетворении своих амбиций, какими бы они ни были, без необходимости спрашивать у кого-то разрешения. Ее такой подход устраивал — больше того, она призналась, что и сама хочет того же. Я был покорен.

Я поделился с Шеннон и своим мнением о браке — что нахожу всю идею супружества и связанных с ним обязательств ущербной, устаревшей и непрактичной. Главная проблема с браком заключается в том, что обычно один из супругов — мужчина, а мужчины вообще не созданы для брака. Вторая проблема — что мужчиной начинает командовать кто-то кроме матери, давшей ему жизнь. Но даже моя мать много лет назад перестала требовать от меня отчета, куда я хожу, с кем встречаюсь и когда буду дома. И будь я проклят, если позволю хоть кому-то еще взнуздать меня.

Несмотря на всю браваду, я был напуган. Шеннон меня полностью разоружила своей предельной честностью буквально во всем. Не было никаких игр, никакого подвоха. Выражаясь еще проще, Шеннон была и остается самой потрясающей женщиной из всех, кого я знал. Мне действительно хотелось, чтобы у нас все получилось. Но и терять свободу я боялся. Как всегда, я хотел всего и сразу: мечтал заполучить богиню, но сам при этом не собирался повзрослеть. Так вот, сначала я поселился у Шеннон, поскольку не хотел где-то окончательно оседать. Но уже через год я научился водить, в тридцать четыре года. Купил свой первый автомобиль — «роллс-ройс» — и решился-таки обзавестись домом, чтобы жить там вместе с Шеннон. Жилье я приобрел в Беверли-Хиллз, с участком в гектар или около того, оплатив покупку наличными.

Хотя я серьезно запал на Шеннон, меня не покидала осторожность — слишком много жутких историй о неудавшихся отношениях я наслушался: юристы, алименты, суды... Я всего этого не желал и готов был скорее провести всю жизнь в одиночестве, чем добровольно дать кому-то власть или хотя бы право требовать денег за то, что мы были вместе. Казалось, что все остальные живут именно так — женятся, разводятся и всю оставшуюся жизнь ненавидят друг друга лютой ненавистью. Если верить статистике, брак — гиблое дело. Несколько лет брака — и все, развод (кое-где разводами заканчиваются аж три четверти

браков). Счастье быстро уходит, и супруги оказываются в ловушке семейных оков. После развода бывшим мужьям часто приходится отдавать супругам до половины всего имущества — причем еще до уплаты налогов, чистое безумие. Самые дикие налоги не превышают 48 процентов от заработанного, к тому же на эти деньги государство дает нам армию, бесплатные школы, социальную защиту, инфраструктуру и так далее. Жена же дает пару проведенных вместе с ней лет — за 50 процентов! Да даже мать, которая родила меня на свет, не получает за эту куда более впечатляющую заслугу половины всего, что у меня есть!

Нет, как по мне, брак — это ситуация без победителей. Вступая в брак, мужчина обещает оставаться с женой, «пока смерть не разлучит нас», и до конца своей жизни обязуется не испытывать влечения к другим женщинам (и уж тем более — не иметь с ними плотских отношений), то есть лет с двадцати пяти и до самой смерти. Он берет на себя эти обязательства перед Богом, женой и всеми присутствующими. В этот момент буквально каждый лжет о способности выполнить эти обязательства, и тем не менее все на это идут. А когда брак заканчивается разводом, у этих несчастных еще и проблемы с деньгами появляются. Не иначе как эту схему придумал сам сатана.

Несмотря на мое строгое предубеждение против брака, я все равно хотел, чтобы наши с Шеннон отношения удались. Сказать, что с покупкой дома в Беверли-Хиллз моя жизнь круто изменилась, — значит не сказать ничего. Не забудьте еще, что до этого момента у меня никогда не было автомобильных прав: в Нью-Йорке они просто без надобности, повсюду такси. А если обзаводишься машиной, даже простая парковка превращается в серьезное испытание. А главное — никогда не знаешь, окажется ли машина на месте следующим утром.

В Калифорнии у меня был теннисный корт, но я никогда не играл в теннис. Был бассейн, в котором я, хотя умею плавать, никогда не купался. Я даже спать в промежутках между турне стал в другом режиме — если раньше я был скорее совой, то теперь у меня под боком находилась длинноногая Подружка*{9}, с которой было так приятно просыпаться вместе по утрам. Кто-то, кому мне хотелось приносить завтрак в постель. Кто-то важный в моей жизни.

Моей ближайшей соседкой была актриса Донна Миллз, напротив жила Кейт Джексон из «Ангелов Чарли», а чуть поодаль стоял дом Шер. Потом все попродавали недвижимость и разъехались, а я остался. Мне там нравилось, я чувствовал себя дома — наверное, впервые в жизни.

Уровень возникшей между нами с Шеннон близости вызывал

во мне желание делиться со своей спутницей абсолютно всем. Я стал рассказывать ей о себе — о том, почему я всегда прямолинеен, о том, что никогда не напивался, что в свое время побегал за юбками. Я даже рассказал ей о фотографиях. Просто мне всегда хотелось сохранить память о проведенном с девушками времени. У меня было несколько тысяч партнерш, и почти о каждой осталась на память фотография.

Я предупредил Шеннон, что ей лучше знать обо мне всё — никаких секретов. Помню, как выложил на стол фотографии девушек и показал их ей. Ей мое стремление хранить фотографии было непонятно, но, что самое важное, в ее реакции не чувствовалось ни капли осуждения. Сколько я ее помню, ее всегда отличала эта черта. Сам я довольно мало знал о жизни Шеннон до того момента, когда мы стали жить вместе. Я и «Плейбой» не читал, хотя, разумеется, не однажды видел его у друзей. Пока Шеннон не показала мне, сколько раз она оказывалась на обложке или на разворотах журнала, я не имел об этом никакого понятия. Может, у кого другого и возникли бы проблемы из-за того, что на фотографии их женщины в обнаженном виде смотрят миллионы других людей, но я этим даже гордился. Нагота меня не напрягает. Вот насилие и наркотики — другое дело: уверен, если бы люди чаще занимались сексом, в мире было бы куда меньше насилия.

Итак, Шеннон оказалась женщиной моей мечты. Она становилась для меня все прекраснее. Никогда не спрашивала меня, куда я собираюсь или когда вернусь. Когда мы, в силу обстоятельств, разлучались, я звонил ей буквально каждый день, без сбоев. Не потому, что был должен или она ждала моих звонков, — такой вариант со мной бы не сработал. Я звонил, потому что хотел этого сам.

14. «Trial by Fire», или Крещение огнем: Смерть в семье KISS 1985-1993

К 1985 ГОДУ в KISS закрепился состав из Брюса Кулика, Эрика Карра, Пола и меня. Мы получили еще один платиновый диск за «Asylum» и играли без макияжа. Членов оригинального состава в группе не осталось. С момента ухода Билла Окойна в 1982-м эстафету приняли новые менеджеры, но и эти отношения подошли к концу. Мы уволили их и пригласили в качестве консультанта Ларри Мазура. Нанимать новых менеджеров у нас не было никакого желания — они требовали слишком много денег. Так что фактически мы занимались организационными вопросами сами.

Тогда же вышел «Бунт роботов», получивший положительные отзывы, и мне сразу же предложили еще одну роль в кино: я должен был играть злодея в фильме Гэри Шермана «Взять живым или мертвым» с Рутгером Хауэром. Когда в первый день съемок меня знакомили с командой и Рутгером, он подошел ко мне, пожал руку, а потом обхватил мою голову руками и прямо при всех поцеловал меня взасос. Команда смеялась до упаду, а я не знал, что и сказать.

Мне нравилось работать в кино, но моя актерская карьера начинала все больше бесить Пола и менеджеров. Они желали знать, хочу ли я остаться с группой или продолжать свою карьеру в кино. На самом деле я хотел и того и другого, но это было не очень-то честно по отношению к Полу, который посвящал KISS все свое время.

Я сыграл еще в одном фильме, «Никогда не рано умирать». На этот раз у меня было целых две роли: я играл агента ЦРУ и его альтер-эго, рок-звезду трансвестита Рэгнара. Мне приходилось ходить на шпильках и в корсете; меня красили как женщину и наряжали в сетчатые чулки. Выглядел я как расфуфыренная шлюха.

Надев все свое обмундирование, я ковылял на площадку.

Когда я проходил мимо команды, каждый, естественно, считал своей обязанностью отпустить пару шуточек: «Эй, Джин, отлично выглядишь», «Что делаешь вечером, детка?». Меня это бесило. В одной из сцен мне нужно было произнести старую шутку: «Только такой мужчина, как я, может быть такой женщиной». Мне помогали настоящие трансвеститы, которые давали мне советы, чтобы я выглядел убедительно. Также в фильме снимались Джон Стамос и Вэнити, и оба с удовольствием флиртовали со мной.

После этого в 1986 году мне предложили роль в фильме «Красный прибой». Актерский состав включал Диди Пфайффер, сестру Мишель, и Джорджа Клуни. Я играл ветерана войны во Вьетнаме, который устал от убийств. В конце фильма мне предстояло спасти всех от неминуемой гибели. Я потихоньку начинал осваиваться в кинобизнесе.

Жил я в Калифорнии с Шеннон, а остальная группа находилась в Нью-Йорке. Эрик отлично работал за ударными, и вся обстановка в группе наконец стала спокойной, ведь Эйс и Питер больше с нами не играли.

К1987 году в составе KISS сменилось несколько гитаристов. В 1984-м к нам пришел Брюс Кулик. По странному совпадению он был братом Боба Кулика, который пробовался в группу во времена ее зарождения. Хотя Брюсу недоставало собственного стиля, он вполне неплохо играл и воспроизводил соло Эйса с записей. Брюс настоящий профессионал, и работать с ним было одно удовольствие. Сначала он не очень уверенно держался на сцене, но он умел внимательно относиться к своим ошибкам и работал над собой.

Пол искал иные способы выразить себя, включая актерскую игру. Он принял участие в сценической постановке «Призрака оперы» и дал 150 представлений в Торонто. Затем Пол решил собрать собственную группу he Paul Stanley Band и отправиться с ними в тур. На гитаре играл Боб Кулик, а за ударными сидел Эрик Сингер. Я ходил посмотреть на выступление Пола. Мне действительно было интересно взглянуть на Пола из зала, а не стоя рядом на сцене. Со мной в ложе сидел Эрик Карр, который боялся, что его заменят на Эрика Сингера, хотя тот был ужасным барабанщиком и вокалистом. По окончании тура Пола мы оба вновь вплотную занялись KISS.

Теперь мы зарабатывали даже больше денег, чем у нас было на пике славы в 1970-х. Мы отказались от чрезмерных расходов на менеджмент, бесполезных сценических декораций и дорогостоящих сессий записи. В 1989 году я нашел недорогую демо-студию, где мы и записали наш следующий альбом, «Но in

he Shade». Мы обошлись малой частью наших обычных затрат, к тому же сами спродюсировали запись — не пришлось платить продюсеру.

Пол вместе с Майклом Болтоном написал песню «Forever», которая попала в «горячую десятку» и обеспечила успех последующему туру. Посреди сцены у нас стоял 12-метровый сфинкс, изо рта которого мы выходили на сцену, в то время как из глаз у него било пламя, а из носа валил дым. С макияжем или без, но KISS вновь забивали залы до отказа.

Жизнь дала мне возможность потакать своим капризам — во всяком случае, пока для меня были открыты двери. Однажды я сидел и размышлял над разными интересными проектами, как вдруг понял, что хочу организовать свой рекорд-лейбл. Меня всегда интересовали молодые группы. Если есть «Geffen Records», почему нельзя сделать «Simmons Records*? На тот момент «RCA» уделяла рок-н-роллу не особенно много внимания, и это расстраивало меня, ведь в свое время они взрастили Элвиса Пресли. Но теперь «RCA» не оправдывала надежд. Как обычно, я не стал заворачиваться с юристами и длинными официальными письмами, а просто взял телефон и позвонил Бобу Бузиаку, президенту «RCA». Самого Боба я не застал, но попал на Хайнца Хенна, главу европейского отдела, который видел KISS во время пары германских шоу. Мы встретились с Хенном и Бузиаком, поговорили, и я не успел оглянуться, как у меня уже был собственный лейбл, «Simmons Records».

Первым альбомом свежеиспеченного лейбла стала одноименная дебютная пластинка группы House of Lords, в которой играл парень по имени Грег Джиуффриа. До этого у него была команда Angel, с которой по моему совету подписала контракт «Casablanca Records», а потом он играл в группе Guiffria, в середине 1980-х выпустившей громкий хит «Call of he Heart». Я подписал Грега с условием, что выступлю исполнительным продюсером их записи: у меня будет полный контроль над названием группы, внешним видом участников и всем остальным. Название Guiffria мне не нравилось, и я предложил House of Lords. Это название я зарегистрировал и был его владельцем. Так что я действительно направлял их имидж. Запись поднялась до первой строчки британского чарта зарубежных записей еще до того, как вышла в США.

Далее последовали другие проекты, включая калифорнийскую рок-группу Silen Rage. Но со временем оригинальная концепция затерлась. Например, в наследство от **«RCA»** мне достались Gypsy Rose, и я совершенно не представлял, что мне

с ними делать, причем сами они хотели ради престижа выпустить диск на моем лейбле. Кроме того, я работал над сольной записью Джо Уолша, а также занимался менеджментом, продюсированием и написанием материала для многих других артистов. И по-прежнему играл в KISS — пусть я не уделял группе все свое внимание, для меня она оставалась на первом месте. Очень скоро стало ясно, что у меня просто не хватает времени, чтобы заниматься собственным лейблом. Когда я принял решение оставить лейбл, «RCA» не подхватили инициативу, и «Simmons Records» просто исчез. Хотя сейчас, когда я пишу эту книгу, идут переговоры с несколькими крупными лейблами о возрождении «Simmons Records».

Во время летнего перерыва в туре «Ho in he Shade* я вернулся в Лос-Анджелес к Шеннон. У меня было все: KISS оставались на подъеме, я жил с королевой... Казалось бы, чего еще мне желать? Но вскоре ответ пришел сам собой. Как-то вечером мы с Шеннон посетили Мемориальный фонд помощи раковым больным имени Нила Богарта, который располагался на гоночном треке в Санта-Монике. Я общался с Шерри Лансинг и Джойс Богарт, и разговор зашел о браке. Я упомянул, что боюсь женитьбы, а Джойс спросила: «А как насчет детей?» Прежде чем я успел вымолвить хоть слово, Шеннон выдохнула: «Я беременна».

Я не сразу смог осознать эту новость. Я слышал слова, но они не складывались у меня в голове в связную мысль. Никогда не думал, что услышу такое от кого-нибудь. Помню, как у меня закружилась голова, а потом вся кровь хлынула к мозгу. Как-то незаметно мы с Шеннон остались одни, лицом к лицу; все остальные просто исчезли. Я ничего не мог сказать — у меня перехватило дыхание.

Вот наконец и случилось самое главное: не думал, что доживу до такого дня. Что же делать? Смогу ли я возложить на себя такую ответственность? И что еще важнее, — может быть, именно этого мне всегда недоставало, но я сам боялся признаться себе?

Явзглянул в глаза Шеннон и понял, что она действительно хочет ребенка. Не знаю почему, но я сразу ощутил, что согласен с ней. Я по-настоящему хотел стать отцом. Не просто смирялся с неизбежностью, когда некуда деваться, но чувствовал глубокую внутреннюю потребность в отцовстве.

По мере протекания беременности Шеннон не утеряла страсти и стала еще более привлекательной. Она выглядела такой пышной и сексуальной, что я не мог от нее оторваться. Мы шутили, что ей впору носить доспехи, чтоб защищаться от моих посягательств.

Я стал настоящим экспертом по обузданию эмоций. Время от времени меня накрывал настоящий ужас: «О боже, у нас будет ребенок! Мальчик или девочка?» и «Господи, а если девочка? Как мне с ней разговаривать?!». Раньше я никогда не говорил о таких вещах и даже не задумывался о них, а теперь столкнулся с ними лицом к лицу. Должен признать, что нервничал я не на шутку: Шеннон немного мутило с утра, что абсолютно нормально для женщины в ее положении, но я просто сходил с ума от беспокойства за нее и ребенка.

KISS отправлялись в тур по Европе, и я взял с собой Шеннон. Тогда я впервые пригласил в тур девушку. Мне пришлось объяснить ей суть гастрольной жизни. Шеннон видела, как во время концертов девушки задирают кофты, она была вынуждена отвечать на звонки фанаток, но отнеслась ко всему с пониманием.

Когда мы прибыли в Лондон, чтобы дать концерт на стадионе «Уэмбли», я повстречал девицу, с которой у меня вроде была интрижка, хотя точно я не мог вспомнить. Я рассказал о ней Шеннон, у которой уже заметно округлился животик. Эта девица повсюду преследовала меня и однажды заявилась прямо к нам домой. Зная, что Шеннон тоже здесь, фанатка пригрозила пнуть ее в живот, чтобы убить ребенка. Но как только Шеннон появилась, девица сбежала.

Вернувшись в Америку, мы с Шеннон отправились к врачу. В какой-то момент он предложил нам узнать пол ребенка. Мы согласились, и врач включил прибор, чтобы просветить живот Шеннон ультразвуком и, собственно, увидеть плод. До родов оставался примерно месяц. Наблюдая, как внутри Шеннон шевелится малыш, я чувствовал себя персонажем фантастического фильма. «Итак, — произнес врач, — думаю, вы будете рады узнать, что у вас мальчик».

«Это явно мальчик, — ответил я. — Еще бы». Я решил, что вижу будущего главного самца планеты, но оказалось, что я смотрю на пуповину. Эта штука выглядела длиннее его ноги, да она, собственно, и была длиннее. Хотя что я мог знать про пуповины? Я просто желал своему сыну самого лучшего.

Наконец однажды посреди ночи начались схватки. Мы сели в машину, и я повез Шеннон в роддом. Все проходило крайне спокойно: мы посещали дородовые курсы и знали, что нужно контролировать схватки с помощью дыхания, а не нестись сломя голову в больницу. После того как мы оказались в родильном отделении, схватки продолжались еще почти двадцать три часа. Периодически я заходил в палату и освежал Шеннон кубиками льда. Мы постоянно шутили, и во время особенно болезненных схваток Шеннон говорила: «Больше я тебя к себе не подпущу!

Даже пальцем меня не тронь — посмотри, что ты натворил!» Вскоре сил на шутки не осталось, потому что боль стала невыносимой. И все это время я был там. Я наблюдал за рождением. Я был первым, кто увидел, как появилась макушка моего сына.

Я был первым, кто взял его на руки. Едва мой сын открыл глаза, он сразу увидел меня. Я сам перерезал пуповину: это делается дважды — один раз посередине и второй раз под корень. Николас Адам Твид Симмонс при рождении весил 3 килограмма 600 граммов.

По-моему, не считая собственных рождения и смерти, появление ребенка является главным моментом в жизни человека. Меня переполнял восторг; сердце стучало, словно на американских горках. Казалось, я даже забыл моргать: мне хотелось максимально включить все свои чувства, чтобы сохранить в памяти этот момент, о котором я даже не мечтал. Я держал на руках живого человечка, который смотрел на меня, которого я должен обеспечить всем: едой, домом, знаниями. Все говорят про материнский инстинкт, но я уверен, что отцовский инстинкт тоже существует.

Ко мне кто-то подошел и сказал: «Все хорошо. Джин, а теперь отдайте ребенка доктору, он помоет малыша». Пока я пытался осмыслить эти страшные слова, я понял, что не хочу отпускать своего сына. Я продолжал твердить Шеннон, доктору и всем вокруг, что не отдам его. Помню, как твердо решил: если придется, я буду драться за него до смерти. Как парни на улицах. Когда бьешься насмерть, словно загнанное в угол животное, в ход идут не только кулаки. Я представлял, как схвачу доктора руками и ногами и вцеплюсь зубами ему в шею. Я хотел вырвать ему глотку и растерзать его прямо там — просто потому, что он хотел забрать моего сына. Меня до сих пор преследует образ бедного невинного доктора в предсмертной агонии, лежащего на полу в луже крови с разорванным горлом. Раньше я никогда не чувствовал ничего подобного. Я просто не мог совладать со своей яростью. Помню, как Шеннон уговаривала меня: «Джин, все нормально». Должно быть, глаза у меня пылали, а ноздри раздувались.

В конце концов я отдал сына доктору, но то, что проделывали с ребенком дальше, напоминало пытку. Они взяли Николаса за палец и порезали его чем-то острым до крови. Даже когда мне объяснили, что это проверка на свертываемость крови, я все равно жаждал убить сестру. Потом ему засунули трубки в нос и в рот, чтобы высосать жидкость. После этого ребенка помыли, и все закончилось.

Не помню, ложился ли я вообще спать в следующие два-три дня. Должно быть, я сутки напролет просто сидел и смотрел на Николаса, а он продолжал смотреть на меня. У меня просто голова шла кругом. Будучи мужчиной, я умел только зарабатывать деньги и бегать за юбками, а тут вдруг появился ребенок, который во всем от меня зависит. Все ли я делаю правильно? Кто знает? Что делать, если ребенок какает на руки, когда держишь его? Нужно ли его положить? Вытереть? *Помогите!* На многие недели я забыл все остальные слова. А потом пролетели месяцы, и первым словом моего сына было: «Папа». У меня даже колени подогнулись. Мне хотелось собрать все свои кредитки и вручить ему: «Вот, держи, они все твои. Только скажи это еще раз». Я никогда не думал, что услышу от кого-нибудь это слово. Я жил с детьми Шер и Дайаны, но они были в том возрасте, когда могли сами позаботиться о себе. А сейчас мне действительно приходилось учиться быть отцом, и для меня здесь таилась еще одна проблема: не повторю ли я путь собственного отца? Или буду рядом с сыном, чтобы исполнить свой долг? Хотя на самом деле в глубине души я знал, что для меня вопрос уже решен.

Николас стал моим счастьем. Стоило ему заплакать посреди ночи, я вскакивал и бежал к нему, хотя и не всегда знал, что делать потом.

Однажды днем между турами Шеннон меняла малышу пеленки и позвала меня помочь. Я тут же прибежал, и она попросила меня закончить работу. Как заправский хирург, я подхватил края пеленки и тут обнаружил, что уже в таком раннем возрасте приборчик моего сына бросает вызов гравитации. Помню, как Ник улыбался, когда я нагнулся, чтобы завернуть его. Шеннон хихикала в другой комнате. Нашла над чем смеяться!

Когда Николасу исполнилось два, я нанял целый контактный зоопарк, который разместился на нашем теннисном корте. В таком зоопарке дети могут гладить зверей и играть с ними. Такую толпу родителей с детьми я раньше никогда не видел.

Помимо уток, кроликов и баранов, там был пони. Мы помогли Нику забраться в седло, и он совершил свою первую конную прогулку. В Израиле я только в семь лет заполучил костюм ковбоя, а прокатиться на пони даже не мечтал, так что мой сын к двухлетнему возрасту уже превзошел меня.

Благодаря ему я снова проживал свое детство.

Я умел говорить на английском, венгерском и иврите, а также знал пару фраз по-немецки и по-японски. Я получил степень бакалавра искусств и окончил шесть курсов. И хотя я поднялся из самых низов, оказалось, что Шеннон обладает куда большей

житейской мудростью, чем я. Пока я не стал отцом, я даже не догадывался, что хочу детей, но теперь не мог понять, как жил без этого. Кажется, Шеннон заранее знала, что так и выйдет. Она никогда не спорила со мной из-за того, что я не хотел жениться и заводить детей, но моя неожиданная страсть в роли отца удивила ее меньше, чем меня.

В детстве мама говорила мне: «Ради тебя я готова броситься под грузовик». Раньше я не понимал, что она имела в виду. Зачем вообще куда-то бросаться? А потом вдруг обнаружил, что говорю Николасу те же слова. Уверен, он тоже не мог понять, о чем я.

Когда Николасу исполнился год, он стал спать с нами вместе на огромной кровати 210 на 195 сантиметров. Считается, что

дети должны спать в одиночестве, но нам было плевать — мы хотели проводить вместе двадцать четыре часа в сутки.

Калифорния давала нам все, чего не хватало в Нью-Йорке. Погода стояла райская, и даже люди казались более приветливыми. Я помню нью-йоркскую шутку: парень из Калифорнии приезжает в Нью-Йорк и спрашивает первого встречного: «Простите, сэр, это дорога к Эмпайр-стейт-билдинг или мне сразу идти куда подальше?»

Однако оказалось, что и в раю есть свои проблемы. Однажды поздно ночью тишину нарушило землетрясение силой в 6,7 балла, которое сотрясло Лос-Анджелес и все вокруг в радиусе 250 километров. Трясло, словно в кузове грузовика. Я сразу же вскочил, схватил Николаса, и вместе с Шеннон мы выбежали через дверь спальни, а потом понеслись вниз по шатающейся и скрипящей лестнице. Дом, к счастью, почти не пострадал, но Лос-Анджелес в сводках новостей был похож на место боевых действий.

Не один я ощутил прелести семейной жизни. Спустя пару лет Пол познакомился с Пэм Боуэн, и вскоре они решили пожениться. Свадьба проходила в отеле «Бель-Эйр». В преддверии церемонии я долго ломал голову над подарком — я просто не представлял, что можно подарить Полу, чтобы он понял, как много значит для меня.

На свадьбе я был шафером и жутко волновался. Хоть свадьба была и не моя, но очень близко к тому. После церемонии все переместились в зал, чтобы поесть и послушать музыку. Гости подходили к Полу и Пэм с самыми наилучшими пожеланиями. В определенный момент я взял микрофон и спросил у Пола разрешения сделать ему необычный подарок. Потом я раздвинул занавес и кивнул рабочим сцены. Они вынесли огромный телевизор. Я поставил кассету в видеопроигрыватель, и на экране появился Тони Беннетт с бокалом шампанского в руке.

Он произнес тост, спел «To he Good Life» и пожелал Полу с Пэм всех благ мира. Это поздравление стало возможным благодаря тому, что я заранее позвонил Тони Беннетту и он любезно согласился помочь мне. Отличный парень.

Это было прекрасное время; период когда эмоциональные связи укреплялись и везде расцветала новая жизнь. Возможно, счастье неизбежно должно уравновешиваться толикой грусти. Когда мы вернулись из тура, мне позвонил Эрик Карр и признался, что однажды сутра у него пошла кровь горлом. У меня по спине пробежали мурашки. Эрика немедленно положили в больницу, где доктора нашли опухоль у него в сердце. Ему требовалась срочная операция.

Мы с Полом сразу же вылетели в Нью-Йорк, чтобы побыть с Эриком. Когда мы вошли в палату, он был в отличном расположении духа, веселился и шутил. Мы пообещали, что достанем ему все, чего душе угодно, и он попросил гамбургер из «Макдоналдса» и картошку фри, которыми всегда питался в турах. Вскоре мы вернулись с едой и провели еще какое-то время вместе. Спустя несколько дней мы снова навестили Эрика в больнице. Операция, по его словам, прошла хорошо. Доктора тоже были довольны результатами, и мы с Полом почувствовали облегчение. Но одного мы не знали: Эрик не сказал нам, что у него рак. Вскоре болезнь перешла в критическую стадию. Эрик потерял все волосы, свое шикарное итальянское афро, что просто разбило нам сердце. KISS готовились к записи альбома, который собирались назвать «Revenge», и мы с Полом решили: несмотря на то, что мы будем оплачивать лечение Эрика и делать все, чтобы помочь ему в борьбе с недугом, пора начинать запись. Значит, придется найти другого студийного ударника, по крайней мере на время. Как мы ни пытались объяснить это Эрику, я уверен, наше решение причинило ему боль.

К началу 1991-го мы решили попробовать еще раз поработать с продюсером Бобом Эзрином. По общему мнению, «Destroyer» все еще являлся одной из наших самых сильных записей. Однако после печального опыта «The Elder» мы не были уверены, что Боб справится, и решили записать с ним для начала одну песню в качестве пробы. Продюсерам фильма «Невероятные приключения Билла и Теда» требовалась песня для саундтрека, и они выбрали нашу «God Gave Rock and Roll o You». Боб, Пол и я сочинили новый текст и записали песню, которая затем попала в «горячую десятку» английского чарта. Это была весомая причина, чтобы сделать с Бобом полноформатную запись.

Поскольку Эрик Карр все еще серьезно болел, нам пришлось вновь заняться прослушиванием ударников. Когда мы уже

отчаялись. Пол предложил позвать на запись альбома Эрика Сингера. Эрик оказался очень забавным парнем и профессионалом высшего класса. Мы не собирались брать его в группу, поскольку надеялись, что Эрик Карр выздоровеет. Когда пришло время снимать видео на «God Gave Rock and Roll o You», Эрик Карр умолял, чтобы мы взяли его для съемок, хоть он и не играл на записи. Мы опасались, что ему не хватит сил и здоровья, но согласились.

Эрик пришел й оставался до самого конца съемок, которые закончились в три утра. Он ни разу не пожаловался, и я преисполнился уверенности, что он сумеет преодолеть свой недуг.

Но этого не произошло. Во время записи «Revenge» в 1991 году Эрик Карр скончался. Опустошенные и подавленные, мы полетели в Нью-Йорк на похороны. Эйс тоже пришел выразить свои соболезнования. Мы поздоровались друг с другом, но сели в разных концах церкви. Заплаканные фанаты выстроились вдоль дороги к церкви. Они обожали Эрика — и не они одни. Каждый из нас горевал. Не знаю, как Эйс в тот момент относился к нам с Полом, но он всегда был очень близок с Эриком. Сам же Эрик больше всего расстраивался, что, его возненавидит Питер Крисе, ведь Эрик занял его место в группе. Ему не хотелось, чтобы Питер решил, будто Эрик сознательно вытеснил его или не ценит вклад Питера в группу. Впервые встретившись с Питером, Эрик сказал: «Мне ужасно жаль». Его извинения сбили Питера с толку. Думаю, Питер поначалу собирался нагрубить Эрику и убедить себя, что он играет куда лучше. Но доброта Эрика абсолютно обезоружила его. Питер даже сегодня отзывается об Эрике с теплотой.

Опечаленные, отрезвленные, мы продолжили работу над «Revenge». Как-то вечером я отправился в клуб посмотреть на выступление группы EZO, которую продюсировал. Ко мне подошел Винни Винсент и извинился за то, что принес группе столько горя, когда мы играли вместе. Он хотел все наладить и спросил, не соглашусь ли я написать с ним пару песен.

Я стремился сбросить груз прошлого и согласился. Я позвонил Полу и сказал, что Винни изменился. Пол тоже подключился к работе. Но еще до выхода альбома Винни вновь взялся за старое. Его не устроил подписанный контракт, и он требовал перезаключить его. В итоге Винни судился с нами и проиграл. Отныне он навсегда стал для нас персоной нон грата.

Без нас дела у Винни шли не очень-то хорошо. Он собрал группу под названием Vinnie Vincen Invasion и подписал контракт с «Chrysalis Records*, но успел сделать всего пару записей, прежде

чем их выкинули на улицу. То есть уволили не всю группу: всех остальных музыкантов «Chrysalis» взял обратно и переименовал группу в Slaughter. Позже она добилась платиновых продаж. Винни заключил контракт с «Enigma», но так ничего и не выпустил. Люди с лейбла говорили мне, что он стер собственные мастер-кассеты, поскольку материал показался ему недостаточно хорошим. Возможно, тут он был прав.

«Revenge» вышел в 1992-м и неплохо продавался, заработав золотой статус. Мы намеревались вернуться в тур с Эриком Сингером и дать серию клубных концертов, чтобы представить альбом верным поклонникам. Затем у нас состоялся очень успешный стадионный тур с декорациями в виде статуи Свободы. Но к тому времени гранжевые группы убили рок-н-ролл; на каждую группу, которая выходила на сцену и давала качественное шоу, сразу же появлялась куча негативных отзывов в прессе. Гранж погубил весь рынок: у них не было сценического света, не было костюмов — а миллионы белых детей начали слушать рэп, потому что исполнители напоминали бандитов. Но рэперы, по крайней мере, читали про девушек и деньги. Десятилетие спустя гранж умер, а волосатые группы, которых они вышибли с рынка, вернулись с успешными летними турами.

Шеннон вновь забеременела, и на этот раз родила девочку. Теперь я все время уделял семье. Я покупал роликовые коньки, водил сына есть мороженое и передавал ему свои знания. Если посмотреть на мои детские фотографии, мы с Николасом выглядим близнецами. Он в детстве был уменьшенной копией меня, и во многом мне это помогало. Но как я управлюсь с маленькой девочкой? О чем вообще думают девочки? Я жутко беспокоился, но вся моя тревога испарилась в тот миг, когда я увидел Софи. Я мгновенно влюбился в нее. Стоило ей склонить головку набок, и я просто таял.

Одним из ее первых перлов была фраза: «Папа, она не сосет», — дочка показывала на свою бутылочку. А когда Софи было три, она спросила: «Папа, можно мне «порше»?» Конечно, милая, я куплю тебе хоть целый автопарк!

Быть отцом во второй раз оказалось так же чудесно, если не лучше. Раньше я даже не думал о детях и надеялся умереть свободным. Хотя на самом деле это был всего лишь страх. Теперь я отнюдь не собирался бросить своих детей в шесть или семь, как поступил мой отец. Я хотел оставаться рядом с детьми. Я хотел, чтобы они знали, что я всегда буду с ними, и хотел, чтобы они меня уважали.

Чтобы заслужить это уважение, я попытался объяснить детям наш с Шеннон образ жизни и наше представление о родительских

обязанностях. Моя философия проста: я считаю, что в нашем предопределенном мире нужно хвататься за любую возможность что-то изменить в свою пользу. Не нравится собственное имя — поменяй его. Хочешь распрямить волосы — вперед. Не можешь жить там, где родился, — переезжай. Из этих же соображений мы дали нашим детям обе наши фамилии: Твид и Симмонс. Когда Николас и Софи вырастут, они смогут поменять их, выбрать одну или оставить обе.

Также мы с Шеннон постарались внести ясность в наши отношения. Когда дети достаточно подросли, чтобы понять суть вещей, мы объяснили им, что мы не женаты, но живем вместе — потому что нам этого хочется. Сын и дочь смогли это принять, в той или иной мере. Если их что-то смущало, мы прикладывали все усилия, чтобы вместе во всем подробно разобраться. И у Николаса, и у Софи в классе были ребята, чьи родители развелись, и Шеннон объяснила детям, что это очень неприятная ситуация, ведь приходится нарушить клятву, данную на свадьбе. Самое главное — я научил детей думать своей головой. Когда создаешь картину, она должна быть самобытной. Бессмысленно заниматься копированием. Все эти метафоры являются длинным способом сказать одну простую вещь: нужно самому выбирать собственный путь в жизни.

Сейчас, когда я пишу эту книгу, Николасу двенадцать, а Софи девять. Николас не пропустил ни одного дня занятий с первого по пятый класс и занимается по углубленной программе шестого класса, продолжая посещать все занятия. Софи постоянно получает награды как лучшая ученица. Они чудесные любящие дети, и я готов ради них на что угодно. Лучшей жизни мне не надо, и я знаю, что во многом должен быть благодарен Николасу и Софи. Каждый раз, навещая свою маму, я понимаю, как дети изменили мою жизнь. Я ведь единственный ребенок в семье, и долгие годы дом матери оставался храмом в мою честь. Повсюду были развешаны мои снимки: вот Джин ест на детском стульчике, вот Джин играет, а вот Джин просто стоит и ничего не делает. Теперь, если повезет, парочка моих фотографий обнаружится где-нибудь в дальнем ящике стола, а все остальное место заняли снимки моих детей. Моя мать из самой заботливой, самой любящей матери превратилась в такую же заботливую и чудесную бабушку.

15. «Reason o Live», или Причина жить: Лицом к лицу с армией KISS 1993-1995

Когда Планеты выстраиваются нужным образом, можно либо упустить свой шанс, либо схватить быка за рога. Я всегда интересовался делами наших страстных фанатов, а в середине 1990-х они начали проводить конвенции KISS, где собирались все вместе, в макияже и костюмах, и восхваляли группу. Они не только покупали диски и обменивались реликвиями, но также вели споры, смотрели концертные записи и так далее. Это были настоящие сборы племени. Я читал про эти конвенции и хотел побывать на одной из них. Там присутствовали целеустремленность и настоящая общность, что меня особенно привлекало на фоне всей той надменности и фальши, через которые мы прошли. И тут меня озарило: мы ведь можем просто устроить собственную конвенцию KISS. Наша музыка всегда делалась для фанатов, а мы представляли собой квинтэссенцию идеи американской группы: мы вышли из народа, играли для народа и благодаря ему стали известными. Но постепенно мы стали прятаться за охранников и ограждать сцену крепостными стенами. Не пора ли вернуться к доступности? Не пора ли сесть и честно ответить на вопросы поклонников, пообщаться с людьми, которые сделали нас теми, кто мы есть?

Мне оставалось найти того, кто поможет воплотить эту идею в жизнь. Когда-то я спродюсировал два альбома группы Black'N Blue и теперь отправился к их гитаристу Томми Тэйеру и душевно с ним поговорил. Я объяснил Томми, что его группа вряд ли

добьется успеха, что, на мой взгляд, сам он стоит на перепутье и скоро ему придется сделать выбор: либо выйти в реальный мир и искать настоящую работу, либо сотрудничать со мной. Он поинтересовался, что за работу я ему предлагаю. Я объяснил: «Пока не знаю. Каждый день, проснувшись, я буду говорить тебе, чем ты займешься сегодня. И если ты собираешься заявить: «Не буду мыть окна», то лучше откажись сейчас.

Поскольку, что бы мне ни понадобилось, включая кофе, это будет твоя обязанность. Или не твоя».

Томми даже глазом не моргнул. Он просто закатал рукава и спросил: «Итак, что тебе нужно?» И мы с Томми с места в карьер начали изучать возможность проведения конвенции.

Первой проблемой стала ответственность: если мы проводим конвенцию KISS и у нас есть парковка, какой-нибудь парень разбивает свою машину и подает на нас в суд. Если мы предлагаем еду, и кто-то получает пищевое отравление — он подает на нас в суд. Если мы арендуем концертный зал и происходит какой-нибудь несчастный случай, нас опять же ожидают судебные иски. Так что нам требовалось место, где можно не беспокоиться о персонале, парковке, питании и тому подобных вещах. Я подумал об актовых залах отелей. Совершив пару пробных звонков, я составил в уме схему: оказалось, что снять актовый зал отеля примерно часов на двенадцать — весьма неплохое решение; при этом мы оставляли отелю прибыли с парковки, еды и номеров, если фанаты захотят остаться на ночь. Я послал Томми Тэйера в поездку по стране, чтобы он договорился обо всем в разных городах, а я в это время лично отправлял письма фанатам, особенно руководителям небольших фан-клубов, чтобы они смогли стать частью наших конвенций.

К началу работы конвенций команда была совсем небольшой: мы с Полом, Томми Тэйер, Эрик Сингер и Брюс Кулик. Томми договорился с ребятами из разных городов, чтобы собрать побольше реликвий KISS, к ним мы добавили наши костюмы и устроили нечто вроде зала славы KISS, с двухметровыми плексигласовыми заграждениями.

Само событие напоминало игру «покажи и расскажи». Мы играли акустический сет, а потом отвечали на вопросы фанатов, причем отвечали правдиво, и ответы не всегда были радостными. Если поклонник интересовался: «Правда ли, что Эйс пьет?» — я честно говорил: «Да». Если меня спрашивали: «Играл ли Эйс во Flaming Youth?» — то я отвечал: «Нет». Дело происходило задолго до цикла передач «Storytellers» («Рассказчики») по VH1, но смысл был примерно тот же, не считая долгой автограф-сессии в конце. Это были двенадцать часов лицом к лицу с фанами.

Всего мы провели двадцать три конвенции в разных городах, и самая первая проходила в Лос-Анджелесе в отеле «Хилтон». У Питера Крисса была дочь-подросток, которая никогда не видела KISS в гриме, только слышала об этом от отца. Она хотела пойти на лос-анджелесскую конвенцию, и Питер позвонил журналисту, чтобы узнать, может ли он достать для Питера и его дочери приглашения. Журналист сразу связался со мной, а я позвонил

Питеру. «Питер, — сказал я ему, — тебе не нужно просить приглашения у чужих людей. Ты — часть истории группы. Это и твой праздник. Мы пошлем за вами лимузин, ты получишь королевский прием, потому что ты и есть король. У тебя будет все, что пожелаешь». Несколько лет я почти не общался ни с Эйсом, ни с Питером. В середине 1990-х я работал над парой сайд-проекта в, продюсировал артистов вроде Black'N Blue (коллектив Томми Тэйера), Венди 0. Вильяме (из Plasmatics), Keel и EZ0 и иногда приглашал Питера с Эйсом поучаствовать. Но я никогда всерьез не думал об их возвращении в KISS. Эйс с Питером были крайне измотаны своими психологическими проблемами и различными веществами, они выдохлись как люди и как музыканты. Одно дело — собраться вместе и травить старые байки, другое дело — вновь нанести макияж и вместе выйти на сцену. Но в любом случае я считал, что Питер заслужил место на сцене в этих конвенциях.

Вот забавная ремарка к этой истории. Примерно за полгода до этого Том и Розанна Арнольды, которые тогда были вместе, позвонили мне и спросили, не хочу ли я как-нибудь поучаствовать в фонде помощи Питеру Криссу. Они прочли, что Питер оказался на мели, что он бездомный и живет под мостом. Я ответил им: «Не обращайте внимания на подобные истории, это все вранье. Может, Питер и разорился, но не думаю, что он живет под мостом». Они настаивали, что прочли об этом в новостях и слышали то же самое от знакомых. Два или три месяца спустя я смотрел шоу Фила Донахью, и гостем был не кто иной, как Питер Крисе. Он рассказал историю про парня, который действительно жил под мостом и был очень похож на Питера внешне. Один из таблоидов заплатил парню либо повелся на его историю, и слух о том, что Питер Крисе — бездомный, стал распространяться с пугающей скоростью. Так Питер вновь появился в моем поле зрения. К тому времени Эйс и Питер скатились до клубных концертов и в какой-то момент решили устроить совместный тур под вывеской Bad Boys of Rock. Они играли песни KISS, но не могли использовать логоти-пы и макияж. Позже Питер рассказывал мне, что гастроли с Эйсом были непростыми: Эйс все время был либо пьян, либо под кайфом, плюс у них постоянно возникали споры о том, кто главный. Так прошел их тур 1994 года.

Я пригласил Питера на конвенцию, и Эрик Сингер, храни его Господь, сказал: «Знаешь что? Стоит предложить ему подняться на сцену, когда мы будем играть акустический сет. Возможно, он захочет спеть одну-две песни. Уверен, фанам это понравится». Мы все переглянулись и решили: «Конечно, почему бы и нет?»

Перед конвенцией мы все собрались, чтобы порепетировать с Питером. Он попытался играть на ударных, но вышло так себе. Так что за ударными был Эрик Сингер, а Питер просто сидел на стуле и пел. Получилось потрясающе. Я оглядывал сцену, и мне было грустно, оттого что проблемы Питера не дают ему полностью выложиться для группы и для себя. Потому что фанатов его появление порадовало. Они были просто в восторге. Если честно, и я тоже радовался. Жалко, что нельзя продлить момент, когда мы вместе пели эти две песни. Это было волшебство.

Но не только участие Питера сделало конвенции KISS такими незабываемыми. Организация этих мероприятий по-настоящему открыла нам глаза на то, что мы создали, помимо песен и записей. Вот она — армия KISS, нация KISS; она живет и процветает. В сердцах наших поклонников действительно жила вера в ту странную реальность, которую мы создали. Мы видели детей, которых называли в честь наших песен: «Привет, я Кристин. Не могу дождаться, когда мне исполнится шестнадцать, чтобы я стала «Christine Sixteen». Хи-хи». «Познакомьтесь с моей дочерью Бет». И дальше в том же духе: «Как вас зовут?» — «Я Доктор Любовь». — «О, ничего себе! А вас как звать?» — «Я Мистер Скорость». Иногда на конвенциях проходили даже свадьбы, причем невеста с женихом были в полном обмундировании KISS.

Одной из самых приятных частей шоу стали рассказы фанатов. Многие признавались, что были изгоями, отбросами, пока не услышали KISS и не обрели собственное убежище. Это звучало почти религиозно. Девушки хотели забраться на сцену и поцеловать нас, что часто забавляло нас. Но иногда у меня в горле вставал ком. На одной из конвенций на сцену поднялась молодая привлекательная женщина и рассказала нам про своего бойфренда: они познакомились, полюбили друг друга и, решили пожениться. А потом у него неожиданно нашли рак, и, когда стало ясно, что надежды нет, парень отменил свадьбу, потому что не хотел портить девушке жизнь, хоть она и была готова оставаться с ним до конца. Прежде чем умереть, он попросил ее об одной вещи: «Пожалуйста, похорони мои записи KISS вместе со мной». Женщина призналась, что такая любовь к группе казалась ей странной. «Теперь я понимаю», — произнесла она, а потом расплакалась, буквально залилась слезами. В зале стояла полная тишина, все восхищались этой женщиной. Так что часто мы уходили со сцены измотанными не только потому, что провели там несколько часов, а еще и потому, что нам было крайне трудно в эмоциональном плане. Конвенции напомнили нам, как много

мы значим для фанатов и как много они значат для нас.

Когда Питер вернулся домой после конвенции в Лос-Анджелесе, он позвонил Эйсу и рассказал, какой был ажиотаж и какие прекрасные чувства ему довелось испытать. Эйс захотел тоже поучаствовать в конвенции.

По мере проведения конвенций о них начали говорить люди. Слухи распространялись с потрясающей скоростью. В какой-то момент канал MTV послал съемочную группу, и среди прочих там оказался парень по имени Алекс Колетти, продюсер передачи «Unplugged». Мы снимали все конвенции, потому что собирались затем выпустить полноформатное видео о наших мероприятиях. Колетти посмотрел кассету, где фанаты вылезали на сцену и джемовали вместе с нами. Многие плакали от счастья. «Почему бы KISS не провести конвенцию в студии

MTV и не сделать из этого эпизод «Unplugged»?» — предложил Алекс. Мы посовещались с Полом и решили пригласить на съемки Питера и Эйса. Мы хотели собрать вместе весь состав KISS: Эрика, Брюса, Эйса, Питера, Джина и Пола. Когда на сцене появились бы Эйс с Питером, Эрик и Брюс должны были из уважения к ним спуститься, чтобы они могли спеть классический репертуар KISS. А потом мы бы сыграли одну или две песни все вместе.

Когда я позвонил Питеру, он моментально загорелся этой идеей. Эйс сказал: «Звучит классно. Спасибо огромное, что позвонил. Мой менеджер — Джордж Сьюитт».

Изначально Джордж работал у нас охранником. Он был большим знатоком боевых искусств. Затем он неожиданно переключился на менеджмент и стал представлять Эйса и Винни Винсента. Когда Винсент ушел, Сьюитт нашел другого клиента — Питера Крисса. Поскольку Эйс использовал Сьюитта как посредника, обсуждение условий разового воссоединения KISS для «Unplugged» отняло у меня массу сил. Я целыми днями объяснял Сьюитту, что об оплате не может быть и речи, что мы делаем это для MTV, что сыграем вместе всего две песни, что сохраняем права на издание концерта на видео и так далее. Отчасти это заняло столько времени из-за моей щепетильности: я из тех людей, кто составляет список и дважды его проверяет. Кое-кто доверяет все дела юристам, но я не такой.

Эйс тоже не облегчил нам жизнь. Изначально он говорил: «Конечно, я приду с гитарой, и мы сыграем вместе пару песен. Все отлично, просто не могу дождаться. Спасибо огромное». Но затем он захотел номер люкс, потом пару роуди, а потом пять тысяч долларов на гитарные струны, попкорн и орешки. Также он требовал еще один номер люкс для своей дочери. В какой-то

момент Джордж Сьюитт собрался сам звонить на MTV. Я немедленно остудил его пыл. «Ты не имеешь права туда звонить, — объяснил я. — Ты не представитель KISS, а это концерт KISS. Мы скажем тебе, куда и во сколько подходить. Ты можешь быть менеджером Эйса, но не забывайся».

Мне приходилось быть неумолимым, поскольку сотрудники MTV готовы были слушать любого, кто считал себя частью KISS. В их понимании разницы между правой и левой рукой не существовало. Хоть мы с Полом и пытались изо всех сил вести себя по-дружески, но переговоры с Эйсом и Джорджем Сьюиттом оказались пыткой — они продолжали каждый день менять условия. А общение с Питером вообще напоминало хождение по тонкому льду из-за его эмоциональной неустойчивости. На тот момент он был одинок; его дочь жила на Западном побережье с бывшей женой Питера, которая его не особенно жаловала.

С остальными парнями проблем не было: на протяжении всего процесса воссоединения Брюс и Эрик держались отлично. Они были крайне учтивы и показали себя настоящими профессионалами. Они никогда не говорили ни о ком ничего плохого, всегда выполняли свою работу, всегда приходили вовремя — настоящие джентльмены, которые могут усмирить свое эго ради блага фанатов. Однако именно их терпимость посеяла семена того, что потом стало их худшим кошмаром. Их доброта позволила Эйсу и Питеру вернуться, что, к сожалению, лишило их работы.

Мы репетировали на «Sir Studios» в Нью-Йорке. Питер входил с опущенной головой, мы сразу же обнимали его и уговаривали не грустить. Потом появлялся Эйс, и мы начинали работать.

Очень быстро стало понятно, что мастерство Эйса скатилось до клубного уровня, а Эрику Сингеру приходилось играть вместе с Питером, чтобы задавать ему ритм. Но, несмотря на все проблемы, к моменту вступления Эйс и Питер брали себя в руки — и начиналось волшебство. Хоть общение с ними и было похоже на пытку, во время исполнения песен мы будто снова переносились в 1974-й. Пусть мы играли не так хорошо, как с Эриком или Брюсом, не так слаженно и гармонично, но у нас появлялся шарм, какая-то рок-н-ролльная отвязность, которой у Stones всегда было больше, чем у Beatles. Именно это привлекало фанатов и делало нас великой группой.

Когда все закончилось, мы пожали друг другу руки и пожелали удачи. Мы ни на секунду не задумывались над воссозданием группы, в основном потому, что нам пора было лететь в Лос-Анджелес сводить наш новый альбом «Carnival of Souls».

Конвенции напомнили мне, что наши фанаты — едва ли не самые страстные в мире музыки. Многие рок-звезды тоже были фанами KISS, открыто или тайно, и однажды мне пришла в голову идея сделать трибьют-запись KISS. Я хотел, чтобы главные звезды того времени исполнили свои любимые песни KISS. Пол меня не поддержал и сомневался, что рекорд-компания пойдет на такой шаг. Однако лейбл согласился: мы с Полом представили диск как запись KISS, благодаря чему смогли получить свои миллионы аванса, хотя группа играла на пластинке всего одну песню. Затем я принялся лично звонить возможным участникам. Первым делом я связался с Нилом Янгом, менеджер которого, Эллиотт Роберте, считал, что я сижу на крэке. «Позволь мне уточнить, — сказал Роберте, — ты хочешь, чтобы Нил Янг участвовал в записи трибьюта KISS?» А я ответил: «Да, почему бы и нет?» Такие же звонки я адресовал менеджменту Мадонны, поскольку хотел, чтобы она перепела «I Was Made for Lovin' You», и так далее. Я по десять часов в день сидел на телефоне и в течение двух месяцев обзвонил весь мир. Я убедил Оззи Озборна объединиться с Stone emple Pilots для «War Machine*; уговорил Nine Inch Nails сделать кавер «Love Gun»; договорился с Sir Mix-a-Lo о рэп-версии «Rock and Roll All Nite». Мне было плевать, в моем вкусе артист или нет, я хотел собрать звездный состав, потому что, в конце концов, я снимал все сливки. Пути достижения цели меня не волновали.

Концепция проекта была замечательной. Исполнение далось тяжелее, в основном потому, что в дело вмешались рекорд-компании. В числе прочего они жаловались, что я слишком мало плачу музыкантам за работу. Моя идея состояла в том, что запись делается ради удовольствия: надо просто прийти в студию, слабать что-нибудь и посмотреть, что из этого выйдет. Многие музыканты со мной согласились.

Ленни Кравитц, например, сделал кавер-версию «Deuce». Отослав мне кассету, он признался, что во время записи представлял, как замечательно тут подошла бы гармоника Стиви Уандера. И я позвонил Стиви. Я встречался с ним всего один раз, когда мы с Дайаной Росс ходили на его концерт на стадионе «Уэмбли» в Лондоне. Но Стиви взял трубку и сразу же согласился. Вместе с ассистентом он пришел на «Cherokee Studio*, я поставил ему песню Ленни Кравитца, и он спросил: «Хорошо, что мне нужно сыграть?» Меня охватила паника: «О боже! Неужели я буду указывать Стиви Уандеру, что ему играть!» Я наиграл коротенькую мелодию, и он сразу же ее воспроизвел. Наконец я не выдержал: «Знаешь что? Я ужасно себя чувствую, когда пытаюсь давать какие-либо указания Стиви Уандеру. Делай то, что считаешь нужным. Я сейчас дважды проиграю песню, а ты

просто послушай ее и сыграй, как сам чувствуешь». Он управился за два или три дубля, после чего мы распрощались, очень довольные друг другом. Стиви — настоящий гений.

Еще одной удачей стало участие Гарта Брукса. Он появился благодаря Полу, который был с ним знаком. Когда я впервые увиделся с Гартом, чтобы обсудить запись, он согласился участвовать при одном условии: KISS подпоют ему в «Hard Luck Woman». Вечером мы инкогнито вылетели в Нэшвилл, никого не предупредив. У нас не было охраны, мы даже свои гитары сами таскали. Гарт оказался настоящим джентльменом: студия была полностью в нашем распоряжении и запись прошла отлично. Оказалось, что Гарт большой поклонник KISS: Queen и KISS повлияли на него больше всего. Раньше я не улавливал связи, но только потому, что знал Гарта исключительно по его записям. Побывав наконец на его выступлении, я понял, о чем он говорил: он летал по воздуху, парил над ударными, взрывал фейерверки — настоящая кантри-версия KISS.

Даже во время работы над этим проектом, который доставил немало приятных минут, старые проблемы KISS никуда не делись. У Пола родилась идея обложки: вариация на тему «Presence» Led Zeppelin, где типичная американская семья сидит за столом. Мы хотели сделать нечто похожее, но украсить всех персонажей макияжем в стиле KISS. Пол отправился в фотостудию, где мы нашли снимок американской семьи и наложили на лица грим. Когда об этом стало известно Эйсу, нам позвонил кто-то из его команды и заявил, что мы не имеем права использовать макияж Эйса. Мы сверились с контрактами, и оказалось, что правда на нашей стороне, но я не хотел ссориться с Эйсом, так что мы решили изменить грим.

Мы держались прежнего стремления доставить Эйсу и Питеру удовольствие нашим проектом — на внутренней стороне обложки размещено написанное от руки послание: «Дорогие Эйс и Питер, надеемся, у вас все хорошо. У нас ничего не получилось бы без вас». Это была очень дружелюбная и честная записка. Когда альбом «KISS My Ass» вышел в свет, он отлично разошелся и пополнил коллекцию наших платиновых записей. Мы выступили вместе с Гартом на «TonightShow», и жизнь продолжилась своим чередом.

В 1990-х гранж был самым популярным стилем в роке. Благодаря группам вроде Nirvana, Pearl Jam и Soundgarden гранж доминировал на радио и MTV. Во время записи «Carnival of Souls» мы сознательно пытались заново переосмыслить свою музыку — на этот раз с неряшливыми гитарами и отчуждением в текстах.

Результат вышел не особо убедительным. Нам нравилось работать над записью, мы отлично провели время, многое узнали об этом новом стиле и о своих музыкальных способностях, но, когда мы свели запись, стало ясно, что нынешняя версия KISS изжила себя. Я позвонил Джорджу Сьюитту, чтобы узнать, не готовы ли Эйс и Питер, которые избавились от своих зависимостей, попробовать воссоздать группу.

Общаться с Эйсом и Питером напрямую всегда было трудно: они оба совершенно не умели ладить с людьми и даже никогда не подходили к телефону. С Питером всегда ходил роуди, исполнявший роль его глашатая, а Эйс не появлялся без менеджера. Я сообщил Джорджу, что вылетаю в Нью-Йорк и хочу встретиться с ним в офисе нашего юриста, хотя самого юриста не будет — только я и Джордж. На этой встрече я сказал Джорджу, что KISS хотели бы предложить Эйсу вернуться в группу для одного тура. Я рассчитал стоимость билетов, количество зрителей и вместимость залов. Джордж изучил цифры и спросил: «Ну что ж, неплохое предложение, но почему так мало?»

«Потому что, — ответил я, — я не собираюсь торговаться. Я предлагаю вам работу». На протяжении пятнадцати лет, объяснил я, мы живем припеваючи. Мы превратили KISS в известнейшую по всему миру группу — без макияжа, без Эйса и без Питера. Единственный вариант, при котором мы хотя бы задумаемся о возвращении этих двоих, — договор найма. Мы не заинтересованы в партнерах. Если Эйс хочет снова взойти на борт и стать мультимиллионером, мы были бы рады работать с ним. То же самое мы предложили Питеру. Вы ничего не теряете, объяснял я: если тур провалится,™ неприятности будут у нас с Полом, а если дело выгорит — мы все можем многое с этого получить. В любом случае, Эйс станет мультимиллионером. Мы с Джорджем расстались довольные друг другом. Я предупредил, что у него есть два-три дня, чтобы принять решение. Надо отдать ему должное, Джордж умел видеть перспективу и почти сразу перезвонил мне: «Мы в деле».

Эйс и Питер вылетели в Лос-Анджелес и пришли в мой гостевой дом на собрание группы. Я отметил, как я счастлив снова видеть всех вместе и как волнуюсь в связи с грядущим объединением. Но Эйс не сдержал слово: «Мне плевать, сколько вы даете Питеру, — заявил он. — Мне нужно больше». Питер был вне себя, опять начались старые разборки — двое слабейших членов группы пытались превзойти друг друга. Инстинкт подсказывал нам, что нужно спокойно отказать Эйсу, но мы не хотели, чтобы сделка сорвалась, поэтому согласились. На следующий день Эйс снова изменил мнение: «Я хочу, чтобы

каждый из четверых получил поровну».

Тут уж мы ответили: «Все отменяется. Спасибо тебе большое, до свидания. Было приятно пообщаться, храни тебя Господь». Тогда Эйс дал задний ход объяснив, что хочет получить больше Питера, пусть даже ненамного. Он настаивал, что его участие важнее для группы, чем участие Питера. Вся проблема заключалась в его самомнении.

В этом весь Эйс. Никогда нельзя знать наверняка, что он сделает то, что обещал, и будет придерживаться заключенных соглашений. Возможно, у нас были законные основания судиться с ним, но, несмотря на все разногласия, мы воспринимали KISS как семью. Однажды мы судились с «Polygram» и выиграли; мы судились с нашим бывшим менеджером Говардом

Марксом и снова выиграли. Мы еще ни разу не проигрывали дело, но не хотелось так поступать с Эйсом или Питером.

Когда группа наконец собралась вместе и мы определились с программой, я лично напечатал список условий. Во-первых, хорошо или плохо будет проходить тур, мы сможем в любой момент все свернуть. Также все участники группы должны были приходить вовремя, при необходимости давать интервью и напряженно репетировать. Питер играл из рук вон плохо и не мог вспомнить свои партии. Эйс превратился в бледную тень самого себя, и его тоже подводила память. Я думаю, взяли свое десятилетия самоуничижения. Томми Тэйер, который после Black'N Blue играл в трибьют-группе KISS, знал все соло Эйса вдоль и поперек, так что ему пришлось заново учить им Эйса. Мы настаивали на ежеутренних тренировках с персональными инструкторами, после чего следовали усердные репетиции без алкоголя и наркотиков. Если кто-нибудь не выдержит — он выбывает из игры.

Эйс сразу же нарушил почти все правила. Питер, к его чести, приходил вовремя и усердно трудился. Но Эйс появлялся когда хотел, и отказывался разговаривать с прессой. На вторую или третью неделю репетиций я отправил факс Джорджу Сьюитту: «Мы готовы все отменить. Эйс Фрэйли не умеет работать в команде». Джордж предложил нам поговорить с Эйсом по душам. Мы с Полом и Эйсом встретились в «Сансет маркие». Эйс рассыпался в извинениях: его собака заболела, его преследуют семейные проблемы, правительство донимает насчет налогов... Но он пообещал, что впредь будет стараться.

В тот момент мы работали без менеджера, а он был необходим — мы поняли, что тур ожидается гораздо более масштабный, чем мы рассчитывали. Я позвонил в КМ, САА и в крупные промоутерские агентства, чтобы прощупать почву и

узнать, на какие проценты мы можем рассчитывать. Я объяснял, что KISS воссоединяются и мы хотим взять в команду менеджера, но не готовы платить проценты с выручки — только с суммы после уплаты налогов. Мы уже давно варимся в этом бизнесе и хорошо разбираемся в ситуации. Мы можем поделиться после того, как оплатим все расходы, но явно не позволим кому-то заработать больше нас.

В какой-то момент я предложил место менеджера Доку Макги. Мы устраивали первые туры для Motley Crue и Bon Jovi, и Док занимался их менеджментом. Мы сделали ему предложение, хотя и опасались, что условия покажутся ему недостаточно гибкими. Однако он согласился.

Сотрудничество с Доком сразу же начало приносить дивиденды: общаясь с агентом из CAA, он высказал идею, что нам стоит появиться на церемонии вручения «Grammy». Не выступать, ничего не говорить, просто показаться в гриме и костюмах сразу после Тупака Шакура. «Если вы там засветитесь, — объяснял Док, — люди будут знать, что группа вновь вместе». Именно так мы и поступили. Никаких анонсов в прессе, никакой шумихи — мы просто постояли рядом с Тупаком Шакуром, который должен был вручать награду. К этому моменту слухи уже расползлись. За пару минут до нашего выхода на сцену мы проходили через гримерную, где звезды ожидали своей очереди. Там были все, от Глории Эстефан до Лютера Вандросса. Наше появление вызвало настоящий шок. «Эй, смотрите!» — воскликнул кто-то. И тут же вся гримерка разразилась аплодисментами. Когда мы увидели, как реагируют знаменитости, мы сразу поняли, что все будет хорошо. Еще до того, как был продан первый билет, до того, как появился первый отзыв в прессе, мы уже знали, что выбрали правильное время. Планеты выстроились нужным образом.

Тупак объявил, что у него есть сюрприз, и мы вышли на сцену. Первым, кто вскочил с места, был Эдди Ведер из Pearl Jam. А затем и вся толпа поднялась на ноги. Мы вернулись.

16. «Forever», или Навсегда: Воссоединения и прощания 1996-2001

Церемония «Grammy» стала началом нашего возвращения. Меньше чем через месяц после нее Док решил для первого нашего шоу снять детройтский стадион «Tiger». Нам такой уровень казался заоблачной высотой; надежнее было сперва опробовать программу в небольших городах вроде алабамско-го Дотана, где мы могли отшлифовать неровности, не привлекая к этому слишком много внимания. Но Док снял детройтский бейсбольный стадион. По правде говоря, мы даже не были уверены, что сможем заполнить зал. Билеты поступили в продажу вечером в пятницу. В шесть утра субботы Док позвонил мне домой и объявил, что у него есть две новости — хорошая и плохая. Я попросил начать с плохой, и он сказал: «Ну что ж, нам больше нечего продавать». Все билеты — а это около пятидесяти тысяч мест — разошлись в течение часа.

Я сразу же позвонил Питеру и рассказал ему о нашем успехе. Он в ответ сонно пробормотал: «Да-да», — я сразу понял, что он еще не проснулся и просто не понимает, о чем речь. К концу разговора он прыгал от радости.

Питер так радовался, что на минуту я поверил, будто тур пройдет гладка. Но не сложилось. Во время фотосессии с Барри Левином, с которым мы работали в 1976-м, Эйс без конца ворчал, что ему все надоело. Хотя мы проводили усиленные персональные тренировки, чтобы подготовиться к концертам, Эйс уходил с середины занятий. Питер выдерживал тренировки до конца, но все время жаловался, что от него требуют слишком многого. Однажды Эйс подошел ко мне на парковке репетиционной студии и заявил: «Мне до сих пор не пришел чек за последнюю неделю, и если сегодня к пяти часам я его не получу, то ухожу из группы». Ему всегда казалось — и до сих пор кажется, — что люди пытаются его обдурить. Эйсу везде мерещатся какие-то заговоры.

Эйс Фрэйли, как никто другой в группе, всегда жил словно во мраке. Зато он никогда ничего не боялся. В каком-то смысле я всегда восхищался этим его качеством, потому что сам им не обладаю. Если я весьма переживаю за свое здоровье, то Эйс поступает с точностью до наоборот: он пьет, пока не вырубится. Он принимал такое количество наркотиков, которое убило бы любого другого. Причем все это его никогда не волновало, ему было плевать на последствия для кого угодно и чего угодно: для группы, для его личных отношений или для его здоровья.

Нужно признать, что я оказался в тупике и не знал, как повлиять на Эйса. Когда кто-то хочет прыгнуть с крыши, чтобы покончить с собой, он хотя бы собирает зрителей, а Эйс, наоборот, предпочитал уединение. Фактически он, казалось, упивался своим одиночеством. Круглыми сутками он сидел в своей комнате не выходя на улицу. Но, несмотря на все его саморазрушительное поведение, у Эйса была светлая голова. Он обожал возиться с маленькими приборами: когда-то во время первого тура он сам сделал пиротехническую установку для своей гитары. Пока я наблюдал, как он в гримерке припаивает к гитаре провода, Эйс повернулся ко мне, и я с ужасом увидел, что он ткнул паяльником в собственный палец. Почувствовав боль, Эйс взвизгнул и отдернул руку, но часть кожи с пальца осталась припаянной к его гитаре.

Эйсу и Питеру удавалось обмануть смерть несчетное количество раз. Когда KISS открывали один из своих первых туров во Флориде — гитары в то время еще соединялись с усилителями при помощи джеков, — Эйса прямо на сцене ударило током, но всего через пару минут он вернулся, чтобы закончить шоу. Питера однажды чуть не убило фейерверком М-80, который кто-то закинул на сцену. Ему пришлось ехать в больницу, но когда он вернулся, шоу продолжилось. Эйс как-то раз пытался скрыться от полиции на скорости 160 километров в час, но умудрился избежать аварии. Они с Питером попадали во множество ужасных несчастных случаев, из которых не должны были выбраться живыми, но мы с Полом успели привыкнуть к их лихачеству и готовы были вновь с ним мириться.

Еще до продажи билетов на стадион «Tiger» Док запланировал пресс-конференцию в Нью-Йорке. Он предложил провести встречу в Нью-Йоркской публичной библиотеке на углу Сорок второй улицы и Пятой авеню. Я понимал его логику — нужно, чтобы место было доступным для всей национальной прессы, — но место мне не нравилось: KISS нечего делать в библиотеке. Вместо этого я предложил устроить мероприятие в здании ООН, чтобы подчеркнуть глобальность события. Доку идея

понравилась, но он не смог достать нужные разрешения. Тогда я вспомнил, что в 1981-м Дайана Росс устраивала пресс-конференцию на американском авианосце «Интрепид». Я предложил Доку провести пресс-конференцию KISS на том же корабле, который стоял на реке Гудзон на приколе в западной части Манхэттена. Даже несмотря на дождь, событие имело большой успех: нас представлял Конан О'Брайан; удалось привлечь телевидение и прессу из пятидесяти двух стран. Когда пришла пора отвечать на вопросы, я удостоверился, что перед каждым участником группы стоят большие таблички с именем. Эйс счел меня ненормальным — он был уверен, что каждый знает его в лицо. Пришлось объяснить ему, что в некоторых странах давно забыли, кто такие KISS. Как это ни удивительно, на самой пресс-конференции Эйс вел себя прилично, даже более того —он выглядел крайне милым и скромным.

Но, к сожалению, так происходило не всегда. Чтобы порепетировать перед концертом на стадионе «Tiger», мы сняли «СоЬо НаИ» в Детройте, где когда-то записывали «Alive!». Мы с Питером и Полом, а также со всей командой роуди, приехали туда и начали распаковывать вещи. Уже расставляя оборудование, мы узнали, что Эйс до сих пор не добрался до Детройта. Это был первый день репетиций для нашего самого крупного тура за последние двадцать лет — а он не потрудился прийти вовремя. Мы заказали ему еще один самолет, который он опять пропустил. Пришлось заказать третий, но Эйс пропустил и его. Когда Эйс наконец явился на репетицию и начал ворчать, как тяжело ему было собрать вещи, я просто взорвался и прямо заявил, что он неудачник, что это его последний шанс встать на ноги, что ему должно быть стыдно, поскольку он заставил всю группу ждать. «Если не можешь работать, — объявил я, — вали отсюда ко всем чертям».

В ответ Эйс начал кричать и тоже послал меня куда подальше, после чего ушел. Когда он выскочил за дверь, Пол повернулся ко мне и попросил быть мягче. «Он послушает тебя», — заверил он. Так что мне пришлось проглотить свою гордость, выйти за Эйсом и спокойно сказать ему: «Послушай, Эйс, что бы ни происходило в твоей жизни, ты должен показать фанатам, что все еще являешься гитарным богом». Это убедило его: он вернулся, и мы наконец начали репетировать. Впрочем, опаздывать Эйс не прекратил.

В тот период я решил, что к нашему воссоединению имеет смысл выпустить биографию группы. Мне хотелось, чтобы ее написал кто-нибудь известный. Я пытался связаться со Стивеном Кингом, однако он был недоступен. Потом я попробовал

дозвониться до Стивена Спилберга, но и это мне не удалось. Тогда я подумал про Боба Гуччионе, редактора музыкального журнала «Spin». На тот момент «Spin» был не менее популярен, чем «Rolling Stone». Хотя когда-то в 1970-х мы судились с Гуччионе за выпуск и распространение нелегального и неавторизованного журнала о KISS, он пообщался со мной и согласился написать биографию. Она предполагалась короткой, вроде пресс-релиза. Я рассказал Гуччионе о нашем воссоединении и предложил поместить группу на обложку «Spin». Он согласился, что идея хорошая, хотя и не был уверен насчет всей группы: ему казалось, что для обложки хватит и меня одного. Разговаривая с Бобом, я проникся открывающимися возможностями и начал сыпать идеями. В итоге я уговорил его сделать коллекционное издание из четырех одинаковых обложек KISS, по одной на каждого из нас. «Фанаты KISS захотят купить все четыре», — убеждал я Боба.

Когда наши отдельные обложки «Spin» вышли в печать, я принес журналы в «Cobbo Hall» на репетицию, чтобы доказать Эйсу и Питеру, что я продвигаю всю группу, а не одного себя. Никогда не забуду реакцию Эйса — он взял номер со своей фотографией на обложке и заявил: «Ненавижу такую фигню. Полная хрень. Я ухожу из группы». И ушел. Успокоившись, он вернулся и объяснил, что ему не понравился снимок. Весь оставшийся день он без конца выспрашивал у нас, точно ли его фотография хорошо смотрится. Впоследствии я узнал, что Гуччионе напечатал 60 процентов обложек с Джином Симмонсом и 25 — с Полом Стэнли. Оставшиеся 15 процентов были распределены между Эйсом и Питером. Так что на самом деле продвижение было не совсем равным.

Первая часть нашего тура включала 193 концерта и продолжалась два года. Каждый день нас ожидал триумф. Мы стали туровой группой номер один. (Вторым номером оказался наш хороший друг, Гарт Брукс.) В конце 1997-го мы играли в Нью-Джерси, и Дик Кларк предложил нам возвестить в его программе начало Нового года. Публика реагировала так горячо, что в канун миллениума Дик Кларк решил показать повтор прошлогодней передачи.

Несмотря на возрожденную любовь между группой и фанатами, старые проблемы никуда не делись. Хочется верить, что люди могут измениться. Хочется надеяться, что они

меняются. Что они взрослеют и учатся на своих же ошибках. А им просто плевать. Эйс постоянно контролировал количество зрителей на концертах. Причем мы выступали на площадках, где уже играли, и вряд ли стадионы с тех пор изменились в размерах. Но Эйс желал знать, не занижает ли кто-нибудь число проданных билетов. Удивительным образом он забыл, что получает фиксированную сумму: пустой зал или аншлаг — Эйс получал за каждое шоу одинаковые деньги. Если он не играл, то и денег не получал. Я повторял ему эту простую истину каждый раз, когда он спрашивал про количество билетов. Потом я обнаружил, что он допрашивает не только меня. Он шел к нашему менеджеру, Доку: «Сколько людей сегодня придет?» И Док говорил: «Ну не знаю, может, тысяч пятнадцать». Потом Эйс брал схему концертного зала, где внизу было указано: «Вместимость — 19 ООО», и тряс ею у меня перед носом, возмущаясь: «Вот видишь, очередное вранье!» Обратите внимание, что речь-то шла о вместимости. Но то ли Эйсу было плевать, то ли он не понимал, что означает это слово. Казалось, он не видит разницы между вместимостью и посещаемостью и не собирается учитывать, что из-за гигантской сцены приходится демонтировать три-четыре тысячи сидений.

Питер, в свою очередь, демонстрировал потрясающее непонимание в отношении прессы. В журнале выходила статья про группу, и Питер нападал на меня: «Какого хрена ты тут сказал про меня?» Я брал журнал, предполагая, что мои слова переврали, но нет. В начале статьи, до интервью, репортер написал вступление и там, похоже, упомянул проблемы Питера с наркотиками и банкротством. Это были слова журналиста, не мои, но Питер не желал видеть разницу.

Теперь, когда группа воссоединилась и я стал проводить больше времени с Питером и Эйсом, я не мог не заметить последствий двадцати лет употребления алкоголя и наркотиков. У Эйса была полная беда с памятью. Он упоминал в интервью и говорил мне лично, что не помнит буквально целые десятилетия своей жизни. Хотелось бы думать, что это преувеличение, но я много раз воочию наблюдал, насколько у него плохо с головой: например, Эйс подходил ко мне, рассказывал анекдот, а чуть позже снова пытался рассказать тот же анекдот, но уже не мог его вспомнить.

Питер тоже страдал провалами в памяти, но различия между ними двоими были разительны. За время тура у Питера случались моменты просветления: он признавал, что сбился с пути, и решал с нынешнего дня начать новую жизнь. Он действительно пытался бороться со своими демонами. На самом деле Питер устал от

собственного образа плохого парня. Он пережил два развода, опустошивших его морально и финансово. Он искренне хотел измениться, и иногда с ним было приятно общаться. К тому же Питер помогал нам справляться с Эйсом, напоминая ему: «Ты же отец. Что скажет твоя дочь? Я прошел тот же путь, что и ты, и понимаю: так жить нельзя. Мне совсем неохота опять играть по клубам, а тебе? Время собраться с духом». К сожалению, это не помогало.

Впрочем, позже в Питере вновь взыграла его неуверенность: обнаружив, что он заработал миллионы долларов за один тур, он начал спрашивать, почему ему не заплатили больше, хотя в контракте, который мы подписали, было четко указано, сколько, когда и как заплатят каждому участнику. Когда Питер так себя вел, он объединялся с Эйсом и снова превращался в невыносимого персонажа.

' Хотя чего удивляться — Питер всегда был слишком непредсказуемым. За годы общения с ним я насмотрелся всякого. Однажды Питер прострелил мой телевизор. Когда он пытался порвать с первой женой, я пустил его пожить в свою квартиру, чтобы он мог там уединиться с очередной фотомоделью, по которой тогда сходил с ума. Я отдал ему ключи и удалился, а когда вернулся, обнаружил, что мой 180-сантиметровый телевизор выглядит больше и новее. Зрение меня не обмануло: теперь экран был больше двух метров. Заглянув за него, я увидел, что часть стены перекрашена. Я узнал, что Питер с этой девушкой, которая потом стала его второй женой, смотрели телевизор, и у Питера в руках почему-то оказался 357-миллиметровый револьвер. Когда на экране появилось лицо актера и подруга Питера сказала, что знакома с ним, Питер выстрелил в телевизор. Это была не первая его глупая выходка с оружием: когда группа находилась в отпуске по случаю первой женитьбы Питера, он прострелил дерево, возле которого стояла его жена.

Мало того, что Эйс и Питер сами собой были склонны к подобному поведению, их слабости еще больше обострялись из-за менеджмента. Они оба все еще работали с Джорджем Сьюиттом, и, по-моему, Джордж все больше считал себя менеджером группы. Пришлось недвусмысленно объяснить ему реальное положение дел. Когда мы играли на церемонии вручения наград «MTV Music Awards» у Бруклинского моста, я заметил, как Джордж отдает указания полицейскому. Я подошел и велел прекратить командовать. Поначалу я думал, что Сьюитт действует по указке Эйса, который всеми силами пытался продвинуть лично себя, а не группу. Но оказалось, что Джордж преследует собственные

интересы. В конце концов он чуть не довел Эйса с Питером до полного банкротства. Я умолял Эйса обратиться за помощью к специалистам — хоть я и не финансовый консультант, мне казалось, будто все деньги Эйса проваливаются в какую-то дыру и он рискует остаться ни с чем. Когда Эйс посоветовался на стороне по поводу контракта с Джорджем, ему подтвердили, что это худшая сделка в мире. Эйс и Питер разделили компанию со Сьюиттом, и вскоре подали друг на друга в суд. Дела тянутся и по сей день.

После разрыва с Джорджем Сьюиттом Эйс и Питер начали отдаляться друг от друга. Питер, который нашел в себе силы хотя бы чуть-чуть собраться, часто становился свидетелем опозданий или неявки Эйса. Иногда он подходил ко мне и говорил: «Не злись на Эйса, ему сейчас трудно». Порой на собраниях группы он обращался к Эйсу: «Обманщика не обманешь. Уж я-то вижу, что ты под кайфом». Иногда меня даже удивляла честность Питера.

Поскольку Эйса больше никто не поддерживал в его загулах, он очень отдалился от остальных участников группы. Питер, несмотря на свое наркотическое прошлое, после возвращения в 1996-м чаще всего бывал трезв. Он честно пытался выполнять свою работу, хоть ему и нравилось строить из себя жертву.

К тому моменту рекорд-компания захотела увидеть очередной альбом KISS. Когда я говорю «KISS», я имею в виду себя и Пола. Мы были единственными настоящими участниками группы; Эйс и Питер даже не значились в контракте. Боб Эзрин, который был с нами и в хорошие («Destroyer») и в плохие («The Elder») периоды, начал работать над новым альбомом, который мы назвали «Psycho Circus». Но спустя какое-то время все, включая Боба, поняли, что он слишком много сил отдает своей интернет-компании. После первых репетиций он обнаружил, что не может выкладываться на полную катушку, и отошел от работы. В Виннипеге нам устроили встречу с Брюсом Фэйрбрейном, продюсером, открывшим Aerosmith, Bon Jovi и Loverboy. Мы объяснили ему, что работа будет не из приятных. Естественно, Эйс и Питер всю дорогу мучили Фэйрбрейна, пытаясь вновь переделать условия контракта и пропуская большую часть сессий записи. Нам пришлось заменять их Томми Тэйером, Брюсом Куликом и Кевином Вэлентайном. Брюс выдержал все испытания и помог нам сделать хорошую, добротную запись KISS, дебютировавшую с первой строчки во многих странах мира. К сожалению, меньше чем через год Брюса нашли мертвым в его доме в Ванкувере. Этот альбом стал последней студийной записью KISS и, вполне возможно, самым последним альбомом группы вообще. У нас достаточно неизданного материала, чтобы

какое-то время радовать фанатов, выпуская редкие песни, демо и так далее, но должно случиться что-то экстраординарное, чтобы мы вновь вернулись в студию. На нынешнем рынке нет места новому альбому KISS, а я не хочу делать запись, если она не будет популярна.

Во время работы над «Psycho Circus» случилось еще одно памятное событие — я пообщался с Бобом Диланом и в итоге написал с ним песню. Нас никто не знакомил — я просто нашел номер Дилана, позвонил его менеджеру и признался, что я давний поклонник его музыки. До этого я не был знаком с Диланом и ни разу с ним не сталкивался. Он навестил меня в моем гостевом доме в Беверли-Хиллз, и встреча прошла очень душевно. Первые несколько минут я говорил только о том, сколько он значит для музыки и для меня лично. Он держался совершенно просто, хотя не отличался разговорчивостью. Потом мы взяли акустические гитары и стали показывать друг другу риффы. Мне кое-что понравилось из его фигур, ему понравилось кое-что из моего, и мы решили записать демо. Боб оказался настолько любезен, что нашел время прийти в демо-студию. С тех пор я умоляю его написать текст, а он в ответ говорит, что это должен сделать я. Представляете? Боб Дилан просит меня написать текст.

Тур «Psycho Circus» 1998-го года стартовал со стадиона «Dodger» и стал первым 3D туром в истории. Вместе с билетом зрителям выдавали очки, благодаря которым происходящее на экране позади сцены казалось объемным.

Между городами мы перемещались на собственном самолете «Гольфстрим» со всеми удобствами. Мы останавливались в лучших отелях, а когда в Техасе у нас случился выходной, Эйс решил навестить своих двоюродных сестер. Они действительно походили на него, хотя растягивали слова, как все провинциалы. Сестры любезно пригласили Эйса погостить у них на ферме. Я попытался представить Эйса верхом, но решил, что лучше не надо.

А потом я узнал, что Эйс в больнице. Пошли слухи, что он выстрелил сам в себя. Вроде бы Эйс решил поупражняться в стрельбе и взял с собой «узи», израильский автомат, выпускающий сотни пуль в секунду. Когда-то это было самое быстрое и смертельное оружие своего класса. Эйс объяснял, что одна из пуль срикошетила и осколок шрапнели вонзился ему в грудь. Когда он пошел на поправку, я первым делом поинтересовался, с чего это вдруг он решил пострелять из автомата, и Эйс ответил однозначно: «Если бы вы, евреи, умели делать оружие, со мной ничего не случилось бы».

Эйс постоянно искал приключений. Для компании он брал с собой охранника. Представление Эйса об общении с людьми, будь то девушка или охранник, заключалось в том, что ему должны приносить лед для напитков, паковать его вещи и поддерживать его, когда ему взбредет в голову проказничать.

Когда мы жили в том же отеле, где произошел инцидент с автоматом, Эйс купил ружья для пейнтбола, и они вместе с охранником стреляли друг в друга в номере люкс. Потом нам сообщили, что номер полностью разрушен. Стены и мебель были покрыты краской, одеяло бог знает зачем кинули в ванну, полную воды. Администрация запретила KISS селиться в отелях «Четыре сезона» по всей стране. Пришлось потрудиться, чтобы объяснить им, что лишь один из нас настолько безумен, чтобы играть в пейнтбол посреди номера, и что этот человек будет бесконечно счастлив оплатить ущерб. Отель сразу же выставил Эйсу счет примерно на десять тысяч долларов. Тот ответил, что засудит их. В этом весь Эйс: все на него нападают, а он — лишь невинная жертва.

Ощущение контроля его угнетало. Он не мог понять, почему его личная жизнь находится в таком беспорядке. Он не мог понять, почему государство преследует его за невыплаченные налоги. Он не мог понять, почему канадские пограничники так упорно не желают пускать его в страну, — совершенно забыв о том, что остальной группе приходилось часами убеждать власти Канады, что выходки Эйса с наркотиками остались в прошлом. Если что-то шло не так, Эйс всегда винил правительство, судьбу или кого угодно, кроме себя.

Мы катались по миру, но удовольствия от этого не получали. Проблемы Эйса с наркотиками усугубились, к тому же он нашел подружку, которую устраивал его образ жизни. Питер тоже поддался своим внутренним демонам, он вновь превратился в Нытика, как его называл наш бывший роуди.

И все-таки у нас оставалась пара тузов в рукаве. Я позвонил своему другу Хью Хефнеру и сообщил, что мы ведем переговоры с «Пентхаусом» о появлении KISS на обложке журнала и близки к заключению сделки. Хью велел мне забыть про «Пентхаус» и предложил по первому нашему требованию предоставить нам обложку «Плейбоя». Я задумал сделать статью про девушек KISS: текст и фотографии рассказывали бы о фанатках группы, которые ходят на концерты, задирают перед нами футболки и кидают на сцену нижнее белье. Хефнеру идея понравилась. Подготовкой материала занялась Мэрилин Грабовски. В студию пригласили около тридцати красивых девушек, которые разделись и нанесли макияж в стиле KISS. У нас была фотосессия, о которой мечтает

любой мужик.

Когда в марте 1999-го «Плейбой» появился на прилавках, на обложке оказался я один в окружении четырех девушек. Участники группы, особенно Питер с Эйсом, решили, что это одна из моих схем. Они-то рассчитывали, что тоже появятся на обложке.

Когда «Плейбой» готовился к выходу, мы получили желанное место на финале Суперкубка, который смотрел миллиард человек по всему миру. Во время исполнения «Rock and Roll All Nite» к нам присоединились пятьсот пятьдесят девушек в гриме KISS. Поскольку стадион был открытым, мы усилили пиротехнические элементы и показали Суперкубку и всему миру, что такое настоящее зажигательное шоу. Мы играли первыми; после KISS Шер пела национальный гимн. После концерта мы с ней встретились и с удовольствием вспомнили то прекрасное время, которое провели вместе. Она только что выпустила самый популярный за свою карьеру сингл и чувствовала себя прекрасно.

Во время проведения Суперкубка мне удалось встретиться с Линдой и Винсом Макмэхонами, создателями и владельцами Всемирной федерации рестлинга. Я подал им идею создать персонажа-рестлера в стиле KISS по имени Демон (со слоганом «Я побывал в аду и вернулся»). Если дело пойдет, можно продолжить и другими персонажами: Звездным Дитя, которое бесится с жиру, но может надрать пару задниц; женской версией KISS — Леди Демон; Дикой Крошкой и так далее, вплоть до детей KISS. Пока шли переговоры об условиях лицензирования и выплаты, я также связался с чемпионатом мира по рестлингу, конкурирующей организацией. В итоге я выбрал лучшую сделку и заключил контракт с чемпионатом по рестлингу. Условия были выгодными во всех отношениях, потому что KISS сохраняли за собой права на логотипы и атрибутику: организация делала всю работу, а мы снимали сливки.

Дебют Демона пришелся на тот момент, когда мы уже обезумели от гастролей и собирались заканчивать тур. Мы вылетели в Лас-Вегас, чтобы сыграть на соревновании в «MGM Grand» всего одну песню, «God of hunder», и заработать немаленькую сумму. Казалось бы, чего уж легче, но с Эйсом и Питером ничто не давалось легко. Мучений было не меньше, чем во время визита к дантисту.

Мы с Полом обсудили ситуацию и решили все же провести еще один тур, а затем сделать перерыв. Это не было таким уж безумием: наше возвращение, начавшееся в 1996-м, изначально планировалось как пятилетняя акция — это было прописано у Эйса и Питера в контрактах. К концу 1999-го стало предельно

ясно, что ни Эйс, ни Питер физически не способны выдержать очередной тур, да и мы с Полом не знали, сколько сможем их терпеть.

Нам уже практически не к чему было стремиться. К 1999 году KISS взобрались на самую вершину: мы появились на обложке «Форбс», побили все рекорды по продажам билетов и занимали почетное место сразу после Beatles по количеству золотых записей. У нас была своя звезда на голливудской Аллее славы; в голливудском Музее восковых фигур стояли наши копии. Мы достигли всего, о чем мечтали. И хотя я всегда отличался бережливостью, теперь, впервые в жизни, я перестал следить за деньгами.

Времена определенно поменялись: я купил машину, приобрел недвижимость — я твердо стоял на ногах. У меня было двое прекрасных детишек, которые равнялись на меня, я жил с красивой женщиной. Лишь одна вещь осталась прежней — я все еще был не женат. Мои знакомые, особенно женщины, часто упрекали меня в нежелании жениться, но только так я мог чувствовать себя в безопасности — мне не хотелось угодить в капкан обыденности и жить по правилам, установленным обществом или кем бы то ни было.

Как я уже говорил, я намеревался дать своим детям фамилии обоих родителей. Мне не хотелось, чтобы Шеннон брала мою фамилию, — мне кажется унизительным, что женщины должны отказываться от своего имени и брать фамилию мужа, словно они являются его собственностью — моя машина, моя жена... Я же предпочитал, чтобы Шеннон была самостоятельной личностью, сама выбирала, как ей жить, и следовала собственным желаниям, не спрашивая разрешения у «своего господина».

Хотя я упорно боролся с общепринятым институтом семьи, мать своих детей я обожал. На момент написания этих строк мы провели вместе уже восемнадцать лет и ни разу не подняли друг на друга руку или даже голос. Порой мы удивляемся — может, с нами что-то не так? Мы никогда не ссоримся, ни из-за чего.

Так что я решил пустить корни глубже в землю — построить дом на 1500 квадратных метров, в котором всем хватало бы места. Я запланировал четыре уровня на площади в два акра, с садом, теннисным кортом и водопадом. Строительство должно было занять три года, а нас тем временем ждали прощальные гастроли.

Наш последний тур начался 11 марта 2000 года в Фениксе, Аризона. Сцена была увеличена и включала три больших экрана и два огромных лого KISS. Это была вершина всего, что мы делали на протяжении двадцати пяти лет. Сначала шел фильм о группе, а

потом мы начинали играть «Shou It Ou Loud». Программа состояла из лучших хитов и нового материала, из песен, которые фанаты хотели услышать. Вряд ли кто-то верил, что этот тур действительно станет прощальным. Правда, люди в зале плакали — хотя, возможно, не потому, что никогда нас больше не увидят, а из-за отвратительной игры Эйса и Питера. По ходу тура мне стало ясно, что решение сделать его последним является не только умным, но и неизбежным: в музыкальном плане мы выступали плохо как никогда, но фанаты были в восторге. Среди них нашлось немало знаменитостей: на концерт в Остине, Техас, пришел Рассел Кроу; Эл-Эл Кул-Джей даже прилетел из другого города, чтобы взглянуть на нас.

Во время прощального тура KISS также укрепили свои маркетинговые сделки. Фактически мы вывели свои корпоративные связи на новый уровень. На мой взгляд, ключевое достижение для группы состояло в том, что мы не боялись признать себя частью рок-н-ролльного бизнеса. С самого начала, с 1973-го, меня больше интересовал бренд, чем уважение, которое сегодня есть, а завтра нет. Мы достаточно нравимся людям, чтобы они купили товары, связанные с нашим именем. Пола, напротив же, больше беспокоил авторитет группы, но я знал, что признание толпы эфемерно. Можно до скончания времен спорить, уважают ли того или иного артиста, но с объемами продаж не поспоришь.

Думаю, фанаты зачастую придерживались точки зрения Пола. Некоторым из них наша одержимость продвижением себя как персонажей казалась ребячеством. Мы начали вкладывать в свои альбомы анкеты, когда этого еще никто не делал. Мы хотели знать, где живут фанаты и какие журналы они читают. Если собираешься дать рекламу в журнал, надо выбрать нужное издание, а чтобы узнать, какие журналы читают люди, имеет смысл спросить их самих. Моя увлеченность обратной связью с публикой восходит к моему детству, когда я сам был фанатом поп-культуры: если я любил Супермена, я не только смотрел фильмы про него и покупал комиксы — мне хотелось получить абсолютно все товары с его логотипом. Так же действует и компания Диснея. Это не только парк развлечений и мультфильмы — под этой маркой выпускается все, что только можно представить, от подушек и пижам до видео. Микки-Маус был персонажем мультфильма, а стал частью американской культуры. Уважает ли его кто-нибудь — дело десятое. Если ты действительно популярен, то можешь устанавливать собственные правила. Элвис уважаем? Кому какое дело? Дурацкий вопрос. Можно считать, что Санта-Клаус не обладает авторитетом, но в положенное время года он всех заткнет за пояс. Вот чего я хотел

для KISS: достичь такой популярности, когда аутентичность или авторитет уже не будут иметь значения.

Примерно тогда же «Пепси» предложила нам сняться в рекламе для ТВ-кампании с участием артистов самых разных стилей, от кантри до рока. В роликах снималась юная актриса

Халли Айзенберг. Продюсеры собирались сделать кантри-версию, где Халли пела бы с кантри-певцом; соул-версию, где она выступала бы с Аретой Франклин, и так далее. Предложение поступило в конце 1999 года, как раз в начале нашего так называемого прощального тура. Все наши съемки прошли в Фениксе. VH1 не просто пришли заснять концерт — за день до этого мы провели десять часов на той же сцене, снимая рекламный ролик.

Наш ролик показали всего пару раз, а потом корпорация решила использовать вместо него кантри-версию. Самое смешное, что по результатам теста «Пепси» на фокус-группе 90 процентов были за нас и лишь 10 — за кантри, так что в эфир вновь пустили ролик с нами. Тогда же ABC решила использовать «Rock and Roll All Nite» в качестве тематической музыки для заставок.

Сделка с «Пепси» была лишь последней из длинного списка. Самой первой нашей рекламной работой был выпуск мотоцикла KISS от «Хонды», нечто вроде японского «харлей-дэвидсона». Правда, многие компании боялись ассоциировать себя с нами. Однако мы не строили иллюзий насчет своего корпоративного имиджа — мы такая же корпорация, как другие. Некоторые рок-группы витают в облаках, утверждая, что играют для людей, — но ведь выступают-то они не бесплатно? Даже обладая длинными волосами и кольцом в носу, артист является корпорацией. KISS сломали все правила и в итоге оказались на обложках «Плейбоя» и «Форчун». Нас никогда не смущал тот факт, что американская мечта предполагает не только славу, но и богатство. Деньги делают человека счастливее. Это не главное в жизни, но лучше иметь много денег, чем мало. Американцы обычно стесняются говорить о деньгах или демонстрировать высокие доходы. Вот почему богатейший человек страны ходит в джинсах. Если группа продает миллионы записей и выходит на сцену в джинсах, это такие же сценические костюмы, как у KISS. Каждый костюм тщательно разрабатывается, чтобы вызывать определенную реакцию.

Нам нечего стыдиться: мы не прячемся за маской, мы действительно тяжело трудились. Некоторые заявляют, что мы якобы продались, а они остались честными. Но сколько бы на нас ни показывали пальцем, для рекорд-лейблов нет разницы —

когда артист приносит деньги, это называется трудовой доход. Играя в рок-группе, музыкант занимается бизнесом, и нельзя упускать малейшую возможность продвинуть свой продукт.

Зимой 2001-го, когда мы готовились отправиться в японскую и австралийскую части прощального тура, Питер потребовал пересмотреть контракт. Но мы уже заключили сделку и не собирались менять условия. Питер стоял на своем и заявил, что либо будет так, как хочет он, либо никак. Мы выбрали последний вариант. В конце концов, тот же Питер еще перед нашим первым шоу в отеле «Дипломат» в 1973 году был готов уйти из группы. Почему? Его взбесило, что его лучший друг Джерри Нолан заключил контракт на запись. В 1980-м во время нашего первого тура по Австралии мы играли на забитых до отказа стадионах, а Питер тот тур пропустил. И вот в марте 2001-го мы вернулись в Японию и Австралию, и Питер снова упускает возможность выступить. В гриме человека-кота с KISS вновь стал работать Эрик Сингер.

Во время этого последнего тура я стал свидетелем настоящего чуда — поведение Эйса Фрэйли разительно поменялось. Возможно, причиной тому стала его новая подружка, которая была само очарование. Возможно, он наконец немного повзрослел. Что бы ни стало поводом — я никогда не видел Эйса более ответственным: он приходил вовремя, играл на гитаре и старался во всем помогать группе. Может быть, сыграло роль и отсутствие Питера, ведь Эрик Сингер был милейшим парнем, а компания много значит. Так или иначе, во время туров по Австралии и Японии с Эйсом было приятно работать.

Несмотря на все личные драмы и сложные отношения в группе, прощальный тур стал туром номер один в мире. Мы начали в марте, и каждый раз забивали до отказа огромные площадки. Приятно знать, что можешь уйти на пике славы даже после трех десятилетий концертной деятельности.

Я доволен нашими маркетинговыми сделками; мне приятно видеть, как фанаты по всему миру накладывают грим, имитируя стиль, который мы изобрели почти тридцать лет назад. Но до сих пор больше всего мне нравится выходить на сцену и играть песни KISS, которые так любят фанаты, от «Stru er» и «Deuce» до «Rock and Roll All Nite».

Скоро KISS навсегда снимут свои сапоги на платформе и гульфики с шипами; мы смоем грим и в последний раз сойдем со сцены, испытывая и радость, и горечь.

Если честно, по некоторым вещам я скучать не буду. Тур

воссоединения одновременно напомнил нам, как приятно играть в группе и как тяжело разбираться с проблемами участников, которые не понимают, что мы составляем единое целое.

Я твердо уверен, что каждый вправе жить так, как ему хочется; я не считаю себя лучшим защитником или советчиком, но я десятилетиями наблюдал, как зависимость от наркотиков усиливает неуверенность в себе, разжигает беспричинную злость и затмевает разум Эйса и Питера. К концу прощального тура мне стало ясно, что KISS никогда полностью не реализуют свой потенциал, поскольку изначально группа создавалась как полноприводный автомобиль, но слишком часто нам приходилось ездить на лысых шинах. С другой стороны, мы достигли того, что не удавалось никому до нас: мы пережили волну панка, волну новой романтики, волну трэша. Мы пережили все, что только можно представить. Мы странно двигались, странно разговаривали и уж точно странно выглядели. И никто не скажет, из какого жанра мы вышли. Мы преданы духу раннего рок-н-ролла; мы стремились уловить дух и энергетику музыкантов, которых никогда не видели живьем.

Мы мечтали зайти дальше любой другой группы.

Мы хотели, чтобы фанаты гордились нами и уходили с концертов с улыбкой.

Мы хотели, чтобы бедные сбитые с толку критики думали, что нас оскорбляют обвинения в том, будто мы сделали зрелище из наших выступлений. Так и есть, черт возьми!

И самое главное, мы хотели, чтобы наши фанаты, армия KISS, знали, что все это мы делаем только для них. И когда они приходят на наши шоу и слышат призыв к оружию: «Вы хотели лучшего, вы получили лучшее. Лучшая группа в мире, KISS», — они знают, что мы оправдаем их надежды.

История KISS на этом не кончается. Возможно, не в том качестве, как все ожидают, но мы будем жить. Появятся мультфильмы KISS, тематические парки KISS. Сейчас уже есть даже гробы KISS. (Говорят, что в загробный мир отправляешься налегке, но я гарантирую, что это не так.)

Моя мать учила меня не ограничивать себя в мечтах. «Ставь перед собой высокие цели», — говорила она. Я обязан ей всем, что у меня есть.

И еще я обязан Америке, дорогой Америке, — спасибо тебе, что воплотила в жизнь мечты маленького бедного мальчика-иммигранта.

17. «God of hunder», или Бог грома: Создание « Destroyer» 1976

Демон вновь атакует! В заключительной главе Джин проведет нас за кулисы сессий записи альбома «DeSTROYER» и откроет неожиданные подробности создания классической пластинки KISS.

К 1975 ГОДУ KISS сломали все правила — и побили все рекорды. У нас никогда не было хитового сингла, но, тем не менее, наш двойной живой альбом «KISS Alive!» стал мульти-платиновым. В эру, когда живые альбомы никого не интересовали, нам удалось пробиться не просто с концертной записью, а с двойным диском.

Мистификация зашла дальше, чем мы ожидали: мы полностью воплотились в сценических персонажей — Демона, Звездного Дитя и так далее. Вне сцены нам приходилось прятать лица. Фотографы постоянно пытались снять нас без грима; за мою голову даже была назначена награда в 25 ООО долларов. В каком-то смысле мы оказались в заложниках собственного творения.

Сначала это было забавно, но вскоре начало утомлять: мы не могли выйти из дома без охраны, телохранителям частенько приходилось отнимать пленку у папарацци.

Вскоре начали проявляться различия между участниками группы: Пол в большей мере следовал заповедям «классического рокера» — он хотел быть рок-звездой. Иногда Эйс с Питером тоже склонялись в эту сторону, но они никак не могли толком сформулировать, зачем им все это надо.

Я же хотел, чтобы KISS были лучшими во всем. Мне нравились комиксы, фильмы ужасов. У меня не было предвзятого мнения о рок-группах, меня просто не интересовала слава такого рода. Мало просто ездить в туры и делать записи. KISS должны были стать лучшими и в других областях.

Возможно, именно с моей подачи группа и менеджмент задумались о том, чтобы поместить на обложку грядущего альбома «Destroyer» иллюстрацию Фрэнка Фразетты. Он был лучшим из художников-фантастов; самыми известными его работами считаются обложки «Конана-варвара». Я был большим его поклонником и попросил художественный отдел договориться с Фразеттой о правах. Когда мы позвонили его жене и узнали цену, стало ясно, что придется поискать кого-то другого — это было слишком дорого. По иронии судьбы нам удалось связаться с

учеником Фразетты Кеном Келли, которого я знал по обложкам журналов «Creepy» и «Eerie».

Келли встретился с группой, чтобы обсудить концепцию. Помню, я предложил изобразить группу в стиле комиксов «Marvel» — как Фантастическую четверку. Так и получилось, что нас, рок-музыкантов, нарисовали на обложке альбома без наших инструментов. Это было смелое заявление, которое выделяло нас среди других групп. Обложка как бы говорила: мы больше чем просто парни с гитарами. Тогда миллионы фанатов и пресса поняли — мы еще и супергерои.

Первая версия обложки была готова к середине записи. Мы оставили студию и отправились в тур, попутно решив поменять костюмы. Так что к моменту, когда «Destroyer» был готов, оказалось, что на обложке мы изображены не в тех костюмах, в которых выступали на шоу. Кену Келли пришлось все переделывать.

В качестве продюсера альбома выбрали Боба Эзрина, который работал над альбомами Элиса Купера. Естественно, мы были его поклонниками. Но Боб привнес в работу нечто такое, чего мы никогда раньше не видели: он обладал даром предвидения — еще до того, как альбом был записан, Боб уже знал, каким он должен получиться. Он переделывал аранжировки, помогал дописать незаконченные песни, подсказывал Питеру, как играть на ударных. Он буквально с нуля придумал все соло в «Detroi Rock City». Он следил, чтобы Эйс играл чисто, и предлагал мне варианты басовой линии. Ни Питеру, ни Эйсу не нравилось, что посторонний указывает им, что и как делать, но результат говорил сам за себя.

Все важные решения на пластинке принадлежали Эзрину: звуковые петли, детский хор, голоса детишек-монстров в «God of hunder» (кстати, это дети Боба), струнная «Beth» и даже порядок песен.

Звук автокатастрофы в начале «Detroi Rock City» тоже предложил использовать Эзрин. Сначала нам показалось, что получится немного напыщенно. Хотя все видели фильмы, где музыка сочетается со звуковыми эффектами, мы просто никогда не задумывались о том, чтобы применить этот прием. Впрочем, недавно я слушал «Leader of he Pack» Shangri-La и уверен, что на заднем плане слышен звук разбивающегося мотоцикла.

«Beth»была в основном написана Стэном Пенриджом, хотя в качестве авторов указаны Питер Крисе, Стэн Пенридж и Боб Эзрин. На самом деле Питер играл не на музыкальном инструменте (ударные — это все-таки перкуссионный инструмент), и я никогда не видел, чтобы он сам сочинил песню.

Питер мог предложить одну-две строчки текста, но, если послушать оригинальную демо-кассету Пенриджа, становится ясно, кто автор песни — которая, кстати, сначала называлась «Beck», от имени Бекки.

Питеру пришлось потрудиться, чтобы записать вокал, — Эзрину не нравился его тембр. Боб выгнал всю группу из студии, чтобы Питер мог сконцентрироваться. Когда трек наконец был готов, мы пришли в недоумение: там не было гитар, не было ударных, не было соло-партии Эйса. Во многом «Beth» строится именно на вокале Питера, больше ничего от KISS в ней нет. Мы не знали, расстроит ли это фанатов.

Первым синглом стала «Detroi Rock City». На другой стороне мы поставили «Beth». В те времена на оборотную сторону сингла обычно помещали какую-нибудь проходную песню, чтобы не соревноваться за радиоэфир с самими собой. «Detroi Rock City» так и не стала хитом. Мы все были в шоке, узнав, что радиостанции предпочли пустить в эфир «Beth». Она превратилась в наш самый успешный на тот момент хит и победила в номинации «Выбор слушателей», одолев «Disco Duck».

«God of hunder» сочинил Пол, хотя многие думают, что это моя песня. Изначально она была записана в виде демо на «Magnagraphics Studios» с восемью дорожками, вокалом Пола и диско-битом. Эзрин переделал аранжировки, замедлил темп и предложил передать вокал мне. Надо отдать должное Полу, он не протестовал. Кстати, мы оба иногда предлагали Эйсу и Питеру исполнять наши песни, но Пол в особенности заботился о Питере. «God of hunder» на долгие годы стала моим фирменным номером. В момент вдохновения мне пришла в голову мысль, что, если я буду плеваться кровью в начале песни, зрелище получится еще более впечатляющим.

Едва «Destroyer» увидел свет, он сразу разошелся тиражом в 890 ООО копий. Мы отправились в тур, однако, хотя фанаты толпами приходили посмотреть на своих героев, пластинка не продавалась. Но потом «Beth» стала хитом, и все вокруг словно взорвалось. Нас пригласили на шоу Пола Линда, приуроченное к хеллоуину, а это означало появление на национальном телевидении. На шоу мы оказались в компании Маргарет Хэмилтон, игравшей Злую Ведьму в «Волшебнике из страны Оз». Мир вокруг нас тоже изменился: теперь на улице можно было запросто встретить людей в футболках KISS. Мы добились успеха!

Стиль работы Эзрина разительно отличался оттого, что мы видели раньше. В некоторых вопросах он держался консервативно, но всегда было ясно — он понимает, чего хочет, и знает, как этого добиться. Каждая партия записывалась по

отдельности на разные дорожки. Можно было передвинуть фейдер и слышать только гитару или малый барабан. Когда все треки были записаны (на 24-дорожечный магнитофон), добавлялись эффекты вроде эха или хора, и потом запись сводилась в один стереомикс, который и слышали фанаты. Эзрин записывал две или три гитары, добавлял эффекты и сводил запись в один трек, после чего пути назад не было. Он выстраивал звучание почти сразу. Это еще больше убедило меня, что у Боба в голове есть видение конечного продукта.

Также на «Destroyer» мы впервые начали экспериментировать со способами исполнения. Для одного из треков мы поставили ударную установку Питера на погрузочную площадку перед открытой шахтой лифта. Часть микрофонов стояла около установки, а остальные — в глубине шахты, так что звук получался громоподобный. Мы не могли видеть Питера, так что установили камеру, которая снимала его. Тогда видеотехнологии только развивались, и все это оборудование казалось нам фантастикой. Во время одного из дублей Питер вдруг перестал играть, и, взглянув на экран, мы увидели, как какой-то парень выносит мусор из соседнего лифта.

Пожалуй, сложнее всего шла запись «Flaming Youth». Она была собрана из названия Пола (он позаимствовал идею у группы Flaming Youth, которую мы разогревали), куплета и припева, которые мы с Эзрином и Полом тасовали туда-сюда, и моего басового риффа из старой песни под названием «Mad Dog». Эзрин собрал все элементы воедино и затем предложил странный размер, который оказался настоящей пыткой для начинающего ударника вроде Питера. Питер никогда не отсчитывал такты и на самом деле не очень разбирался в теории. Эзрину пришлось начинать с основ: где идет «раз», а где «два»? Потом ему пришлось объяснять Питеру, что представляет собой музыкальный такт и как его отсчитывать. Помимо этого Боб рассказывал ему, чем отличаются куплет и припев. Вынужденное обучение основам крайне раздражало Питера и к тому же занимало много времени. Раньше мы просто приходили в студию и записывались, не задумываясь о технике. Встречаться с подобными трудностями нам не приходилось. KISS были настоящей рок-н-ролльной группой, самоучками. В итоге мы все же закончили эту песню, но пришлось записывать все по кусочкам, а потом склеивать.

«Shou It Ou Loud» была написана дома у Эзрина. Мы с Полом решили поиграть новый материал. Эзрин сел за пианино, Пол взял гитару и предложил пару изменений. Когда у нас появилась идея куплета, я предложил строчку «Shou it ou Loud», а именно

«Shou it shou it shou it ou loud». Идея была не нова: Wicked Lester записали песню, не вошедшую в альбом, которая называлась «We Wanna Shou It Ou Loud»; ее сочинили Кук и Гринуэй. Изначально he Hollies записали ее в виде демо, но так и не использовали. Мы тоже пытались записать ее, но забросили. Мне всегда нравилась идея прокричать что-нибудь... как в «Shout» Isley Brothers.

«Shou It Ou Loud» выглядела логическим продолжением «Rock and Roll All Nite». Если «Rock and Roll All Nite» гордо возвещала: «Я хочу...», «Shou It...» переносила фанатов на вечеринку: «Ночь началась, и ты хочешь повеселиться...»

«Grea Expectations* изначально посвящалась группе. Оригинальный текст звучал примерно так: «Ты видишь, как Пол играет на гитаре, и знаешь, на что способны его пальцы, и ты мечтаешь, чтобы он сделал это с тобой... и ты смотришь, как я пою эту песню, и знаешь, на что способны мои губы, и мечтаешь, чтобы я сделал это с тобой...» Эзрин посчитал, что песня о группе будет звучать эгоцентрично, хотя в «Beth» были строчки: «Бет, я слышу, что ты зовешь меня, но сейчас я не могу прийти домой, поскольку мы с парнями будем всю ночь играть». Я бы предпочел, чтобы в песне упоминались имена, — ведь у Beatles тоже в песне была фраза: «Давай, Джордж».

После выхода «Destroyer» KISS стали величайшей группой Америки. Мы превратились из разогревающей команды в хедлайнеров стадиона «Anaheim» в Калифорнии, где на разогреве у нас выступали Боб Сигер, Uriah Heep и Тед Ньюджент. Наша реклама была на всех щитах и по телевизору. Вскоре появились наборы грима KISS и коробки для школьных завтраков с нашей символикой.

Хотя во всех альбомах, записанных за тридцатилетнюю историю группы, есть вещи, которые я поменял бы, «Destroyer» я хочу оставить как есть. Возможно, стоит убрать разве что звуковую петлю из первой песни, но все остальное мне нравится и так.

KISS отыграли тысячи концертов. Мы добавляли и убирали песни из концертной программы, ориентируясь на предпочтения фанатов. «Destroyer» выдержал испытание временем. Он лучше любой другой записи демонстрирует, что собой представляет группа и чего мы хотим. Песни из этого альбома — «Detroi Rock City», «Shou It Ou Loud», «God of hunder» и другие — до сих пор остаются основой наших живых выступлений.

Избранная дискография

KISS (Casablanca, 1974)
Ho er han Hell (Casablanca, 1974)
Dressed o Kill (Casablanca, 1975)
Alive! (Casablanca, 1975)
Destroyer (Casablanca, 1976)
The Originals (Casablanca, 1976)
Rock and Roll Over (Casablanca, 1976)
Love Gun (Casablanca, 1977)
Alive II (Casablanca, 1977)
The Originals II (Japan only, Casablanca, 1978)
Double Platinum (Casablanca, 1978)
Gene Simmons (Casablanca, 1978)
Ace Frehley (Casablanca, 1978)
Peter Criss (Casablanca, 1978)
Paul Stanley (Casablanca, 1978)
Dynasty (Casablanca, 1979)
Unmasked (Casablanca, 1980) "
Music from «The Elder» (Casablanca, 1981)
Killers (released abroad, Casablanca, 1982)
*Creatures of he Nigh (*Casablanca, 1982)
Lick I Up (Mercury, 1983)
Animalize (Mercury, 1984)
Asylum (Mercury, 1985)
Crazy Nights (Mercury, 1987)
Chikara (Japan only, Polystar, 1988)
Smashes, hrashes and Hits (Mercury, 1988)
Ho in he Shade (Mercury, 1989)
Revenge (Mercury, 1992)
Alive III (Mercury, 1993)
KISS My Ass (Mercury, 1994) *MTV Unplugged* (Mercury, 1996)
You Wanted he Best... You've Go he Best! (Mercury, 1996)
Greates KISS (Mercury, 1997)
Greates Hits (UK only, Mercury, 1997)
Carnival of Souls: he Final Sessions (Mercury, 1997)
Psycho Circus (Mercury, 1998)
Detroi Rock City soundtrack (Mercury, 1999)
KISS'boxed se (Mercury, 2001)
The Very Bes of Kiss (Mercury, 2002)
Kiss Symphony: Alive IV (Sanctuary, 2003)

The Bes of Kiss: he Millennium Collection (Mercury, 2003)
The Bes of Kiss, Volume 2: he Millennium Collection (Mercury, 2004)
Gold (Mercury, 2005)
The Bes of Kiss, Volume 3: he Millennium Collection (Mercury, 2006)
Kiss Alive 35 (Sonic Live, 2008) *Sonic Boom* (Kiss Records, 2009)
Литературно-художественное издание

Джин Симмонс
KISS: ДЕМОН СНИМАЕТ МАСКУ

Ответственный редактор *Светлана Лисина*
Художественный редактор *Татьяна Перми нова*
Технический редактор *Татьяна Харитонова*
Корректор *Ольга Антонова*
Верстка *Оксаны Цирценс*
Подписано в печать 15.08.2012. Формат издания 84x108 y_{32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12 + 0,42 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 8834.
Издательство «Амфора». Торгово-издательский дом «Амфора». 197110, Санкт-Петербург, наб. Адмирала Лазарева, д. 20, литера А. www.amphora.ru, e-mait: secret@amphora.ru
Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «Первая Образцовая типография», филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14.

comments

Комментарии

1

«African Genesis», книга американского антрополога Роберта Ардри (1961). — *Здесь и далее примеч. пер.*

2

«World Li by Fire», книга американского историка Уильяма Манчестера (1992).

3

«Чужак в чужой стране», роман американского писателя Роберта Хайнлайна (1962)

4

* Легендарный американский тележурналист и ведущий.

* Monkees созвучно с monkeys — обезьяны ***(англ.):***

* Lynx (рысь) созвучно с Links (звенья).

* Юго-восточный регион США, традиционный оплот протестантизма..

* Рэйс — от *англ.* race — раса.

9

* От Playmate — «подружка плейбоя», модель журнала «Плейбой».

Отец был для меня образцом — я им безгранично восхищался.
(Из архива автора)

Моя и мамина фотографии на паспорт (1958 год).
Ей тридцать два, мне восемь с половиной. *(Из архива автора)*

Long Island Sounds в 1965-м. На барабанах Стэн Сингер, справа на гитаре Стивен Корона. *(Из архива автора)*

Пол, Питер и я на прослушивании у Дона Эллиса с «Epic Records». В тот момент мы еще назывались Wicked Lester, но сердца наши уже принадлежали той группе, которая позже станет KISS. Здесь наш гитм представлен в одной из первых версий. *(Из архива автора)*

Демон рок-н-ролла. *(Bob Gruen)*

Снимок из сессии для обложки «Dressed to Kill», с Нилом Богартом в студии «Electric Lady land» в 1975 году. *(Bob Gruen)*

Прекрасная Стар Стоу в 1975 году. Слева — фотограф Фин Костелло. *(Reproduced by special permission of Playboy magazine. Copyright ©1975 by Playboy)*

В 1976-м мы играли в Кадиллаке, штат Мичиган. В том году тренер школьной футбольной команды использовал музыку KISS, чтобы настроить своих игроков на победу в чемпионате штата. Когда мы приехали в Кадиллак, все жители города были загримированы под KISS. *(Fin Costello / KISS catalog)*

Группа слетала в типографию издательства комиксов «Marvel» в Буффало, чтобы добавить свою кровь в чернила, которыми печатался комикс KISS. С нами на фотографии глава «Marvel» Стэн Ли. *(Bob Gruen)*

За мою фотографию без грима обещали возмещение 25 000 долларов. Журнал «Creem» достал такую фотографию, но они не были уверены, что на ней действительно изображен я, потому что я все отрицал. Здесь я с Шер. *(Из архива автора)*

Когда в 1997 году Джей Лено пригласил нас в свое шоу, у нас были четыре аншлага в Лос-Анджелесе, и мы не смогли прийти. Джей оказался настолько любезен, что прислал всю съемочную группу на один из концертов в «Forum», чтобы снять эпизоды программы. *(Bob Duda / KISS catalog)*

Сколько вы знаете ребят, чьи родители оба побывали на обложке «Плейбоя»? *(Reproduced by special permission of Playboy magazine. Copyright © 1998)*

Мы с Шеннон на праздновании Нового года в середине 1990-х.
(Из архива автора)

Бог Грома возвращается с бестселлером по версии журнала «Нью-Йорк таймс» — полной биографией KISS и ее харизматичного лидера.

ОСТОРОЖНО: СТРАСТИ КИПЯТ ЖАРЧЕ, ЧЕМ В АДУ!

Закулисные подробности от самого Демона — вся правда о самой популярной после The Beatles рок-группе мира, включая историю создания культового альбома «Destroyer».

9 785367 024425
ISBN 978-5-367-02142-5

Ф | амфора
amphora.ru